АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ 1981

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1983

Очередной том ежегодника включает в свой состав статьи по русской, славянской, индоевропейской и неиндоевропейской этимологии. Бо́льшая часть публикаций посвящена конкретной этимологизации. Специально анализируются вопросы славянского словообразования. В критико-библиографический отдел входят рецензии на новые публикации по этимологии и смежным вопросам.

Этимология.

1981

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Дривинг Т. М.* Художественный редактор *Поленова Т. П.*
Технический редактор *Калинина Т. В.* Корректор *О. В. Лаврова*

ИБ № 26745

Сдано в набор 3.12.82. Подписано к печати 6.04.83. Формат $60 \times 90^1/_{16}$.
Бумага книжно-журнальная № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 12. Усл. кр.-отт. 12,2. Уч.-изд. л. 14,5. Тираж 2350 экз.
Тип. зак. 2032. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука». 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Э $\frac{4602000000-162}{02(042)-83}$ 352-83 — III

СТАТЬИ

Куркина Л. В.

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ
(*korda, *moldъjь, *pelti, *peljǫ и *pelti, *pelvǫ)

*korda

В старославянских и церковнославянских текстах отмечено слово крада βωμός, πῦρ, 'костер, огонь, жертвенник', также известны формы крады, скрада в значении 'алтарь'. Славянские соответствия единичны: ст.-чеш. *krada* 'rogus, fornax, ignitabulum', словен. *krada* 'поленница'[1]. Ст.-слав. крада имеет две этимологические версии, по которым оно толкуется как продолжение праслав. **krada* и сближается с двумя взаимоисключающими рядами германских слов. Одно этимологическое истолкование (Бернекер, Ван-Вейк, Фасмер) ориентировано на признание родства ст.-слав. крада и ср.-в.-нем. *rāʒ*, *rāʒe* 'костер' (< *krēdā), др.-сакс., др.-англ. *hróst* 'стропило', нидерл. *roest* 'насест' и далее лит. *krēslas*, лтш. *krę̄sla* 'кресло', др.-прус. *creslan* 'спинка кресла', рус. *кресло* и т. п. (< и.-е. **kred-* 'балка'), другое (Маценауэр, Цупица) исходит из сопоставления с др.-в.-нем. *herd* 'очаг', англосакс. *hęorþ* 'огнище, огонь', ср.-н.-нем. *harst* 'решетка, колосники' (< и.-е. **ker-* 'гореть')[2]. В том и другом случае остаются нераскрытыми внутриславянские и внутригерманские семантические отношения, не выявлена семантическая структура славяно-германских соответствий в рамках этимологического гнезда с и.-е. **kred-* и **ker-*, поэтому предлагаемые решения трудно признать убедительными и окончательными. На наш взгляд, ближе всего к пониманию внутренней формы ст.-слав. крада подошел Славский[3], введя в традиционный ряд соответствий укр. *корода* 'тяжелая колода, бревно', 'сильно сучковатое дерево' — слово, которое вызывало разное отношение Бернекера и Миклошича, — а также польск. диал. *króda* 'куча снопов на поле'[4], *skróda*, *skruda* 'куча, много': ср. *skróda gałęzi*[5]. Новый материал дает основание для реконструкции ис-

---

1 *Miklosich* LP, с. 307, 849; *Miklosich*, S. 137; *Срезневский* II, стб. 1310—1311; *Gebauer* II, с. 122; *Pleteršnik* I, S. 431.
2 *Berneker* I, S. 605; *Pokorny* I, S. 617—618; *Bezlaj F.* Eseji, с. 154; *Фасмер* II, с. 363—364 (там же обзор литературы).
3 *Sławski* III, 2(12), с. 152.
4 Славский приводит со ссылкой на раб.: *Kucała M.* Porównawczy słownik trzech wsi Malopolskich. Wrocław, 1957, с. 112.
5 Варшавский словарь VI, с. 180: без указания источника.

ходной основы **korda*, которая, по мнению Славского, этимологически тождественна нем. *Herd*, праслав. **čern*ъ (ср. польск. *trzon*).

Естественно возникает вопрос: насколько правомерно сближение ст.-слав. кръда и укр. *корода*, польск. *króda*, связывает ли их отношение этимологического тождества на основе метатезы плавных? Решающее значение здесь приобретает семантический критерий, выявление в смысловой структуре старославянского слова исходного значения, мотивирующего взаимосвязь, совместимость двух групп значений: 1. 'огонь, костер; жертвенник', 'поленница' и 2. 'бревно', 'сучковатое дерево'.

Ст.-слав. кръда и родственные ему слова, представленные в древних текстах, относятся к периферийной, архаичной части славянского словаря. По наблюдениям Р. М. Цейтлин[6], старославянское кръда входит в довольно большой список слов, корень которых представлен одним простым словом, без производных образований. То же самое относится к чеш., словен. *krada*. Это обстоятельство затрудняет реконструкцию исторической иерархии значений. Древние тексты вполне определенно указывают на то, что обряд возжигания огня, обозначаемый словом *крада*, принадлежал славянам-язычникам, не случайно в христианскую эпоху отправление этого культа воспринималось как порождение безбожного, идольского начала: Еще не осквръната кръвиѭ нечистоѭ..., ни *крадоми* (вм. *крадами*) безбожьнъимї невъходьнаꙗ осрамлıаѭть (βωμοῖς) (Гр. Наз. XI в.); *крады* и требища идольскаꙗ (И. Экзарх)[7]. Культ огня проходил через верования, обычаи, обряды славян[8]. Важной сферой проявления культа огня был погребальный обряд. Как свидетельствуют данные истории, археологии, погребальный обряд славян-язычников был сложным, разработанным ритуалом, основу которого составляло трупосожжение. Покойника укладывали непосредственно на костер на доске или в ладье. Кульминационная часть погребального обряда — жертвоприношение[9]. Все это позволяет думать, что словом *крада* обозначался не обычный, простой огонь, костер. По всей видимости, это костер погребальный, воздвигаемый и сжигаемый в честь умершего, это горящий жертвенный алтарь[10]. С развитием культа видоизменялась и усложнялась форма жертвенника, но в древнюю эпоху славянского язычества жертвенник, обозначаемый словом *крада*, имел самую простую, примитивную форму поленницы[11]. Выражения на-

[6] *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. М., 1977, с. 32.
[7] *Срезневский* II, стб. 1310—1311.
[8] *Харузина В.* К вопросу о почитании огня. — В кн.: Сборник этнографических статей. М., 1906, с. 68—156.
[9] *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956, с. 205—220.
[10] *Котляревский А. А.* О погребальных обычаях языческих славян. — Сб. ОРЯС, СПб., 1891, т. 49, с. 132.
[11] Примечательно, что в Ветхом завете жертвенник представляет собой возвышение, сложенное из камней в виде плоской кучи, на которой можно развести огонь и принести жертву. См.: Энциклопедический словарь. Сост. Брокгауз Ф. и Ефрон И, т. XI^{А}. СПб., 1894, с. 898—899.

ложи *краджѫ* великѫ (Супр.), *скраду* ськласти, *скрадоу* накладыше[12] говорят о том, что жертвенник, погребальный костер складывались; складываться они могли из поленьев, дров по определенным правилам, освященным традицией. Слово *крада* уже несет в себе идею собирательности, множества, определенным образом упорядоченного. Показательно в этом отношении ст.-слав. крадა (Супр.) и словен. *krada* (ср. *solovarska krada* 'градирня', т. е. высокая башня), сохраняющие первоначальный образ жертвенника, погребального костра[13].

Слово *krada*, претерпевшее семантическую эволюцию в направлении 'много деревьев, дров' > 'куча', 'поленница' > 'костер' > 'жертвенник', стало важным термином духовной жизни славян, обозначением культового сооружения для возжигания огня. Культовая специализация привела к обособлению слова в значении 'костер, жертвенник', что повлекло за собой разрыв исконных связей и вызвало расщепление единого слова на две самостоятельные лексемы: одна относилась к сакральной сфере жизни, другая оставалась стилистически нейтральной. Нейтральные значения, отражающие исходное и промежуточные звенья указанной семантической эволюции, оставили по себе лишь реликтовые следы в уже упоминавшемся укр. *корода*, польск. *króda*, *skróda*. Продолжением **korda* в изначальном нейтральном значении 'дерево, полено' можно считать укр. *кóрода* 'большая поленница'[14], блр. *караднік* 'улей', 'скворечня' (т. е. то, что делается из бревна, одного куска дерева)[15], полесск. *кородájка* 'часть самопрялки, на которую наматывается прядущаяся нить'[16], а также семантически более далекое рус. урал. *кородок* 'легкий выездной экипаж с кузовом = корзиной'[17] при условии, что название дано по основной конструктивной детали, каковой могут быть колода, планки, доски, лежащие в основании кузова. Из южнославянских языков заслуживают внимания словен. *skradnjáča* = *skrajnjača* 'широкая доска', *skrâjnik* 'широкая доска', 'пол' (физ.), *skrâjnica*- 'vitra, prva pod lubjem odcepljena', с.-хорв. *skrad* 'конец, край'[18]. Обозреваемый материал

---

[12] *Miklosich* LP, с. 307, 849.

[13] По наблюдениям этнографов, многие языческие обряды продолжают жить в сильно измененном виде со множеством церковных наслоений, сохраняя в своей структуре древние устойчивые черты. Примером тому может служить обычай возжигать костры, приуроченный к определенным дням солнечного цикла. Известны случаи, когда костер складывается в виде сруба. «У чехов, живущих в Силезии, — пишет В. Харузина, — в Страстную субботу около церкви крестьяне приносят по освященному полену и кладут их друг на друга, не нарушая формы сруба. Костер догорает, он изображает кару предателя Иуды». См.: *Харузина В.* Указ. соч., с. 110—111.

[14] *Сабадош І. В.* Лексика лісосплаву українських говорів району Карпат. — Мовознавство, 1974, № 3, с. 68.

[15] Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. 2. Минск, 1979, с. 413.

[16] *Владимирская Н. Т.* Полесская терминология ткачества. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1962, с. 222.

[17] *Филин* 14, с. 359.

[18] *Pleteršnik* II, S. 495; RJA XV, с. 307—308.

несет в себе идею этимологического тождества ст.-слав. крада и и продолжений слав. **korda* на основе и.-е. корня *(*s*)*ker-d-*, семантически емкого и разветвленного на славянской почве. Наиболее выразительным континуантом этого корня является слав. **skord-*/ **obskъrd-* в словах, обозначающих борону (в самом примитивном виде — изогнутое дерево)[19].

Оценивая с этих позиций традиционные германские соответствия, нетрудно заметить, что славянскому **korda* ближе всего тот ряд германских слов (ср.-в.-нем. *rāȝ*, *rāȝe* 'костер', др.-англ. *hróst* 'стропило' и т. д.), для которого восстанавливается и.-е. корень **kred-* 'балка'. Слав. **korda* и герм. **kred-* на индоевропейском уровне подчинены отношению I и II основ (I **kor-d-* и II **kr-ed-*) и, строго говоря, должны рассматриваться, вопреки Покорному, как разветвления единого этимологического гнезда с и.-е. *(*s*)*ker-* 'резать'. Что же касается сближения ст.-слав. крада с слав. **čerěnъ* 'очаг, жаровня', др.-в.-нем. *herd* 'очаг', то здесь следует иметь в виду, что значение 'очаг, огонь', реконструируемое для германских слов, вторично, производно от значения 'колосники, решетка', 'под, на котором раздувают огонь'[20]. О. Н. Трубачев убедительно показал, что германские слова вместе с слав. **čerěnъ*, лтш. *cęri*, *cęras* 'раскаленные камни на печке' ничего общего не имеют с и.-е. **k^w^er-* 'гореть, раскаляться, обогреваться'. Ключевое значение 'сетка, переплет или своего рода решетка, колосники из камней, отделяющие собственно очаг, огонь от остального помещения' приводит, по мнению О. Н. Трубачева, к и.-е. **k^w^er-*/**ker-* 'плести', «семантически емкой основе, давшей начало и названиям сетей для ловли рыбы, и названиям плетенок, впоследствии обмазанных глиной, т. е. сосудов (греч. κέρνος, ирл. *cern*), и упомянутых решеток, сеток при очагах»[21].

**moldъjь*

Родство слав. **moldъjь* с др.-инд. *mṛdus* 'мягкий, нежный, кроткий', лат. *mollis* (< **mḷdu-is*) 'мягкий, гибкий', арм. *melk* 'слабый, вялый', др.-ирл. *meldach* 'мягкий, нежный, приятный', др.-в.-нем. *malz* 'бессильный'[22] дает основание для предположения о том, что значение 'молодой', более или менее единообразно представляемое славянскими языками, тесно связано со значением 'мягкий, нежный, слабый' и является производным от него. Эта семантическая связь находит типологические подтверждения. В словаре синонимов Бака отмечены две основные семантические модели, по которым происходит формирование значения 'молодой'[23].

---

[19] *Pokorny* I, S. 940—941; *Фасмер* III, с. 652; *Меркулова В. А.* Украинские этимологии I. — В кн.: Этимология. 1973. М., 1975, с. 55—58.
[20] *Schade*, S. 374.
[21] *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 205, 226; ЭССЯ, в. 4, с. 64—65.
[22] *Pokorny* I, S. 718; *Фасмер* II, с. 643—644.
[23] *Buck* 14.14, p. 957—958.

В одних языках отправной точкой семантического развития служит значение 'новый' (ср. греч. νέος, перв. 'новый'), в других, как и в славянских, первичным было значение 'мягкий, слабый'. Славянские языки не утратили полностью это исходное состояние семантики. Так, первичное значение 'мягкий, слабый' присутствует в выражении *от молодых ногтей*[24]. Наряду с обычным, устойчивым функционированием слав. **mold-* в качестве возрастного понятия (ср. *старый — молодой*) в русских диалектах наблюдается несколько иная семантическая сфера употребления с перемещением в иной семантический ряд *зрелый — незрелый*. Незрелость, неполнота, незавершенность внутреннего развития — признаки, которые можно считать основными, определяющими в семантике слав. **mold-*, когда речь идет о меняющейся погоде, неустойчивом, переходном состоянии атмосферы или брожении молодого напитка (кваса, пива), еще несложившегося, неустоявшегося. Эта линия семантического развития 'вялый, слабый, мягкий' > 'незрелый, неразвитый', а точнее видоизменение исходного значения, наиболее определенное и полное выражение получила в русских диалектах, преимущественно северных и сибирских, свидетельством тому служат рус. диал. *моложи́ть* псков., твер. '(о погоде) замолаживать, пасмурнеть', *мо́ложная погода* 'пасмурная, туманная, серенькая', *мо́ложно* 'сыро, зябко', *замоло́деть, -ить* безл. 'покрываться тучами, облаками (о солнце)', *замолаживать* безл. 'заволакиваться тучами, облаками (о небе); клониться к ненастью' (Арх., Новг., Волог., Твер., Псков., Влад., Ярослав., Костром., Курск., Сев. Урал., Тобол. и др.), 'синеть (о небе)' (Ворон.), безл. 'свежеть, холоднеть, подмораживать' (Арх., Калуж., Курск.), безл. 'наносить туман' (Арх., Беломор., Сарат., Черномор.), 'клонить ко сну' (Новг., Костром.), 'хмелеть, чувствовать опьянение' (Пенз.), *за́молодь* 'дождевые облака, носящиеся по небу' (Орл., Курск., Арх.)[25], *мо́лоди* 'зачатки туч, темные облака, тянущиеся параллельными полосами'[26], а также укр. *мо́лоди, молоді* 'небольшие облачка на небе'[27]. Этот семантический ряд дополняет и польск. *młodzić*, ср. niebo *się młodzi* na deszcz 'небо покрывается дождевыми облаками'[28]. С более общим значением 'затягивать, обволакивать' выступают рус. помор. *замолаживать* (: А снег падает, следы *замолаживает*. Мышам не найти)[29], с.-хорв. *zamláditi* 'затягиваться (о ране)'[30], чеш. *namladit* 'прийтись по вкусу' (ср. Víno jim *namladilo* jazyk), *namladiti si koho* 'заманить'[31].

---

24 ЭССЯ, 8, с. 196—197.
25 *Даль*[3] II, стб. 881—891; Новосиб. словарь, с. 295; *Филин* 10, с. 252—253.
26 *Потанин Г. Н.* Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. — В кн.: Этнографический сборник. РГО, VI. СПб., 1864, с. 6.
27 *Гринченко* II, с. 441.
28 Варшавский словарь II, с. 1010.
29 *Шергин Б.* Запечатленная слава. Поморские были и сказания. М., 1967, с. 299.
30 *Iveković-Broz* II, с. 794.
31 *Kott*, Dod. k Bart., с. 60; *Kott*, Dod., I, с. 1098.

Основой **mold-* обозначается нечто недоброкачественное и молодое, недобродившее пиво, квас: рус. *моложи* (у Фенне: Околь ты добры кладешь, да внутри *моложи*)[32], *молодь*, *молодúзна* 'молодость, косы, пена на недобродившем пиве, меду, квасу', *мóлодость* 'на играющих напитках пена', *молодúстое пиво* 'холодное, пенистое, игривое', *молодовúна* 'простокваша', *молодое молоко* твер. 'кислое, простокваша, свежее квашеное', *замолáживать* 'начинать бродить (о пиве, квасе)'[33]; к ним примыкают польск. *młodzi* 'дрожжи', чеш. *mladina* 'сусло'.

В силу своей четко выраженной семантической обособленности приведенные выше диалектизмы рассматривались в отрыве от *молодой*, а если и соотносились с ним, то это сближение не получало надежного семантического обоснования. Так, А. А. Потебня[34], полагая, что речь может идти не только о молочности коров, но и «молочности» туч, этимологически отождествлял рус. *замолáживать* и слав. *melz-*: ср. рус. *молость* 'ненастье, слякоть, сырая погода', с.-хорв. *мỳстаħ* 'земля ушедшая под воду', лит. *milšti(s)* 'надвигаться (о грозе)', лтш. *milzt* 'темнеет, заволакивается облаками', гот. *milhama* 'облако'. В словаре Фасмера рус. *мóлодь* 'пена на молодом пиве' считается производным от *молодой*, но отсутствие прямых семантических стыков вынуждает автора признать, что рус. *молодь* «родственно, в конечном счете, укр. *мóлот* 'солод', блр. *молот* то же, словен. *mláto*, чеш. *mláto* 'выжимки, подонки', польск. *młóto*, которые все должны считаться ввиду *-Т-* и отсутствия близкой формы в болгарском и сербохорватском словами германского происхождения»[35]. Но при этом Фасмер оставляет без осмысления и развития приводимое им же известное сопоставление рус. *молодой* и др.-в.-нем. *malz* 'плавящийся, мягкий', 'солод', в котором уже заключена возможность появления рус. *мóлодь* в значении 'пена на молодом пиве'. Как видим, поиски этимологии велись на основе ограниченной семантики отдельно взятых слов, без учета глубинной взаимосвязи значений. Реконструкция в полном объеме семантической структуры слав. **mold-* ('молодой', 'вялый, слабый, мягкий', 'незрелый') позволяет однозначно решить вопрос об отношении рус. *мóлодь* и *замолаживать*: место этих слов в контексте однокоренных образований с общей частью *молод-*.

Представление об иерархии значений слав. **moldъjь* дает надежную основу для расширения состава данного этимологического гнезда. Именно в рамках этого гнезда могут быть поняты как апофонические варианты некоторые славянские слова с прочной репутацией темных, неясных. Один из таких апофонических вариантов с исходной ступенью *е* сохраняют юго-западные диалекты

---

[32] Tönnies Fenne's Low German Manual of spoken Russian. Pskov 1607. Ed. by L. L. Hammerich etc., v. I. Copenhagen, 1961, p. 282.
[33] *Даль*[3] II, стб. 888; Картотека Новгородского пед. ин-та.
[34] *Потебня А. А.* Заметки этимологические и о народной поэзии. — РФВ 1880, т. III, с. 95—97.
[35] *Фасмер* II, с. 644.

южнославянских языков. Допустимо видеть отражение основы *meld- (~ *mold-) в с.-хорв. *mlêdan*, *mlêdna* (Дубровник)=*mnēdān*, *mnédńa* (Жумберак) = (икав.) *mlidan* (Оток, Славония, Крк) 'сухощавый, худой', 'безвкусный, пресный' (Крк), вообще 'медленный, вялый, слабый'[36], словен. *mlẹ́den* 'худой, осунувшийся', *omleden* 'пресный на вкус'[37]. Поиски этимологии для хорватско-словенского прилагательного, для которого, по данным словаря Скока, отсутствуют славянские соответствия, шли в основном по линии сближения с слав. **mъdlъ* (ср. рус. *млеть*, *медленный*), хотя и отмечались трудности фонетического характера. Именно фонетическая несводимость побудила Скока предложить для *mledan* развитие из *blijed* (с изменением *b* > *m*) на основе контаминации *mršav* и *madal*, что само по себе очень неубедительно. В связи с с.-хорв. *mledan* упоминалось и рус. диал. *меледа* 'тягостная, бессмысленная работа', которое по диалектам имеет большое число семантически близких и производных образований, передающих замедленный характер действия: *меледи́ть* 'медлить, мешкать, ни туда ни сюда; ни то ни се; бавиться, заниматься, пустяками или шататься праздно', 'рябить, темнеть в глазах', *ме́ледный* 'медленный, мешкотный', новосиб. *промеледа* 'волокита', сиб. *меледя* 'погодя', *помеледя* 'немного погодя, сию минуту', а также новосиб. *меледа́* 'холст, вытканный из черных и белых ниток'[38] и, возможно, костр. *меледа́* в значении 'кедровые орешки, которыми забавляются в беседе'[39]. Следует признать несколько искусственной и фонетически неубедительной попытку объяснить рус. *меледа* как преобразование **mъdlъ* на основе метатезы **meleda* ⩽ **medela*[40]. Высказанное некоторыми исследователями предположение о родстве рус. *меледа*, хорв. *mledan* и рус. *молодой*[41] было решительно отклонено Фасмером, видимо, по причинам семантического порядка[42]. Такому сближению препятствовало ограничение семантики слав. **moldъjь* одним значением — 'juvenis'. Между тем, в свете предложенного толкования семантической структуры слав. **moldъjь* естественно видеть во всех этих образованиях продолжение праслав. **meld-*, связанного чередованием с **mold-*. Значения, характеризующие рус. *меледа* и хорв. *mledan*, словен. *mlẹ́den* ('вялый, медлительный'; 'худой', 'безвкусный', 'слабый'), нетрудно

---

[36] *Skok* II, с. 442; *Mažuranić* I, с. 670.
[37] *Miklosich*, S. 206; *Pleteršnik* I, S. 590, 826.
[38] *Даль*[2] II, с. 316; Новосиб. словарь, с. 295; *Цомакион Н. А.* Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии, ч. II, в. 1. Красноярск, 1974, с. 8.
[39] Унбегаун считает одним словом *меледа* в значении 'кедровые орехи' и 'тягостная, бессмысленная работа'. См.: *Unbegaun B. O.* Рец.: Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. — BSL 1957, t. 52, f. 2, p. 170—171.
[40] *Rudnicki M.* Metateza w językach zachodnio-słowiańskich, przedwszystkiem lechickich. — SO, 1921, N 1, s. 107.
[41] *Mülenbach—Endzelin* II, с. 594—595; *Jagić V.* Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku. — Rad 1869, IX, с. 59.
[42] *Фасмер* II, с. 595.

представить как результат конкретизации и некоторого видоизменения исходной семантической базы — 'вялый, слабый, мягкий'.

И, наконец, встает вопрос об отношении к этому гнезду слов еще одной группы слов, представленной преимущественно в юго-западной части южнославянских языков и, возможно, в одном из архаичных болгарских диалектов. Это — с.-хорв. *mùnītva* (Вук, Далмация) = *munítva* (Футог, Срем, Бачка) 'обман, хитрость', 'вид' (Босния, Герцеговина), 'лохмотья' (Лика), чакав. *mũńen* 'глупый, слабоумный, тронутый', *smũńen* 'глупый, нелепый, сумасшедший' (Брач), словен. *mólnjen* 'помешанный, одурманенный', диал. *múnjen*, ср. *molnjena goba* 'Amanita muscaria', нотраньск. mólnjav 'придурковатый, неумный'[43]. От них трудно отделить болг. диал. *мýня* 'молчаливый человек' (Разлог)[44]. Ф. Безлай, предполагая корень **mьld-* с гласным в ступени редукции, включает эти слова в этимологическое гнездо, объединяющее лтш. *mùlsa* 'замешательство', *mùldêt* 'фантазировать', лит. *pasimùldyti* 'ошибаться'[45], рус. *мылить* 'обманывать, мешать, шутить', чеш. *mýliti* 'вводить в заблуждение'[46], а также авест. *mairya-* 'обманчивый, мошеннический', арм. *meł* 'грех', греч. μέλεος 'напрасный, ничтожный, плохой' < и.-е. **mel-* 'обмануть, промахнуться'[47]. При всем разнообразии значений, которое характеризует сербохорватские слова, в юго-западной части (словенско-чакавской) наблюдается устойчивое функционирование слав. **mьld-* в значении 'глупый, нелепый, сумасшедший', которое связывает отношение производности с исходным значением 'вялый, слабый', что типологически подтверждают рус. *глупый* 'неспособный к действию, слабый, бессильный' и 'плохой, примитивный' и т. п.[48]

Использование возможностей внутренней реконструкции и, в частности, последовательное проведение семантического критерия позволяет преодолеть представление об изолированности слова **moldъjь* в славянских языках. Слав. **moldъjь* входит в разветвленную и достаточно сложную систему апофонических вариантов (**meld-*, **mьld-*), объединенных общей совокупностью значений и правилами славянской апофонии.

**pelti, *peljǫ*

Этимологическое гнездо с слав. **pelti*, **peljǫ* дошло до нас в стертом, размытом виде. Ослабление мотивирующих связей явилось, видимо, причиной разрозненного изучения и разной этимологической интерпретации продолжений этого гнезда слов. Свою задачу мы видим в том, чтобы, по возможности, восстановить

---

43 *Skok* II, с. 482; *Hraste-Šimunović*, S. 574, 1133; *Bezlaj F.* Eseji, с. 126.
44 Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, с. 481.
45 *Fraenkel*, S. 13 (s. v. *apmulnai*), S. 430 (s. v. *mẽlas*), S. 544 (s. v. *pasimùldyti*).
46 *Фасмер* III, с. 23;
47 *Pokorny*, S. 719—720.
48 ЭССЯ 6, с. 152.

в полном объеме этимологическое гнездо с слав. **pelti*, **pelję* со всеми возможными апофоническими вариантами.

Основанием для реконструкции слав. **pelti*, **pelję* служат в.-луж. *płóć*, *płóju* 'провеивать зерно', словен. *plati*, *pǫljem* 'черпать воду' (ср. *p. vodo z roko, z korcem; vodo iz čolna p. s polom*), 'волновать, плескаться' (voda *se polje*; vino *se polje* pri vožnji po sodu, če ni poln), 'махать, качать; провеивать' (žito, oves p. v plalnih nečkah); 'колебать, качать, вздыматься (о море)' (ср. *morje polje*), 'развеваться, дымить, порхать' (*dim polje*, *plamen polje*; *zastave poljejo*), *opláti*, *pǫljem* 'веять зерно' [49], а также рус. диал. *крупу полоть* 'очищать, отвеивать лузгу на ночвах, потряхивая и сдувая её' [50], *полóть* 'веять вручную зерно' [51], 'трепать, трясти' [52], 'просеивать' [53], 'выделять зерно от шелухи, стрясая его в особый большой берестяной коробке, которая называется «полотухой»' [54]. На более широкое распространение этого глагола указывает производный от него итератив **palati*: польск. *pałać*, *opałać* 'очищать зерно от примеси в ковше путем встряхивания', чеш. *pálati*, *opálati* 'очищать зерно от примеси: зерно набирается в деревянный ковш, быстрым движением встряхивается — и ветер сдувает плевела, сор', словац. *opálat'* 'провеивать зерно', 'махать, качать', 'подбрасывать ногой или рукой', 'сплетничать' [55]; рус. диал. *палáть* 'вывеивать зерно, подбрасывая его в корытце', *палáть крупу* (тамб., ворон., кур.) 'полоть, отвевать, очищать, пересыпая и продувая на ветру; веять', *палáть хлеб*, *крупу* 'веять, вывеять, провеять, отделить пелу, полову, мякину, особ. на ночвах' [56], *пылáть* 'очищать овсяную крупу в ночвах [57]; укр. *палати* 'провеивать', блр. *палаць* то же и *палать ребенка*, т. е. качать больного ребенка перед раскаленной печью [58].

Как видим, слав. **pelti*, **pelję*, выступая прежде всего на правах важного хозяйственного термина, обозначает один из видов технической обработки зерна перед помолом. Другой способ отделения примеси — разбрасывание зерна против ветра — обозначается гл. **vějati*. Славянский материал наглядно показывает, что техническое значение слав. **pelti*, **pelję* имеет своим истоком первоначальное 'толчком, рывком махать, качать, колебать из стороны в сторону'. Направленность действия на конкретный объект —

---

49 *Pfuhl*, S. 464; *Pleteršnik* II, S. 50—51.
50 *Даль*² III, с. 265; Соликам. словарь, с. 477.
51 *Ивашко Л. А.* Картотека Печорского словаря (Межкафедральный словарный кабинет филол. ф-та ЛГУ).
52 *Герасимов М. К.* Словарь уездного Череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. 87, кн. 3, СПб., 1910, с. 68.
53 Говоры Прибалтики, с. 237.
54 *Шайтанов*. Особенности говора Кадниковского уезда Вологодской губ. — ЖСт. СПб., 1899, год девятый, вып. I, с. 395.
55 Варшавский словарь III, с. 786.
56 *Даль*² III, с. 11, 257; Опыт, с. 167; *Добровольский*, с. 572.
57 Калинин. словарь, с. 213.
58 *Харузина В.*, с. 137, 195 (Программа, п. 33); *Богданович А. Е.* Переживания древнего миросозерцания у белоруссов. Гродно, 1895, с. 67.

зерно в ковше — определило техническую специализацию славянского глагола. Движение, сложное по своему составу, включающее в себя как бы два момента — толчок, рывок и колебание, качание из стороны в сторону, — лежит в основе разных действий, передаваемых слав. **pelti*, **peljǫ*: 1) провеивание, отделение зерна от примеси, 2) вычерпывание воды, 3) колебание, волнение (воды). К близкой семантической сфере принадлежит гл. **pelti*, **pelvǫ* 'очищать от сорняков, удалять сорняки'. Традиционно оба глагола разграничивают. Вайан усматривает их различие в том, что **pelti*, **peljǫ* обозначает провеивание, а с гл. **pelti*, **pelvǫ* связана идея удаления сорняков путем выдергивания и сгребания в кучу [59]. На индоевропейском уровне **pelti*, **pelvǫ* возводится к корню **sp(h)el-* 'колоть, расщеплять' [60], а гл. **pelti*, **peljǫ* объясняется по-разному: Покорный соотносит с и.-е. **pel-* 'течь, струиться' (ср. лит. *pìlti* 'лить', 'сыпать'), а Махек и Вайан сближают с лат. *pellō*, *-pulī* 'бить, толкать, колебать', греч. πάλλω 'трясти, встряхивать' с и.-е. **pel-*, **pelə-*, ограниченном, судя по данным словаря Покорного, греко-латинской языковой областью [61]. В семантической реализации и.-е. **pel* 1 и **pel* 2 есть общие моменты с слав. **pelti*, **peljǫ*. Но лит. *pìlti* 'лить', 'сыпать' вместе с производными *pylà* 'ливень', *pýlius-pýliavà* 'поставка зерна (т. е. засыпка)' [62] строится на идее медленного, струящегося движения, что как будто не совсем укладывается в семантику славянского глагола. Греко-латинские соответствия, напротив, подчеркивают тот аспект, который присутствует в. слав. **pelti*, **peljǫ*, и вместе с тем свидетельствует в пользу самостоятельного, независимого развития семантики на славянской почве.

Возвращаясь к непосредственным продолжениям слав. **pelti*, **peljǫ*, отметим, что этот глагол характеризуют сложные, развитые формальные связи. Разрыву исконных связей между апофоническими вариантами слав. **pelti*, **peljǫ* способствует перестройка семантики, обозначение этимологически тождественной основой действия провеивания и приспособления в форме ковша, черпака для осуществления этого действия ('провеивать зерно в ковше' > 'веялка', 'ковш, черпак'). С гл. **pelti*, **peljǫ* соотносятся два типа имени с общим значением 'haustrum': одно старое с огласовкой *o*, характерной для отглагольных образований, а другое, более позднее, с основой, тождественной настоящему времени. Первую основу в простом виде и в сочетании с приставками представляют словен. *pȍl* 'черпак', 'веялка', ц.-слав. полъ, исполъ, съполъ 'haustrum' [63], с.-хорв. *ìspô*, *ìspola*, *ìspolac*, *-ōlaca* 'деревянный ковш для вычерпывания воды из лодки', макед. *испол*, *исполь* то же [64],

---

[59] *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Le verbe. Paris, 1966, § 530, p. 299.

[60] *Pokorny*, S. 985—986.

[61] *Vaillant A.* Op. cit., p. 299; *Machek*², c. 429; *Pokorny*, S. 801—802.

[62] *Fraenkel*, S. 592.

[63] *Pleteršnik* II, S. 125; *Miklosich*, S. 254.

[64] RJA III, c. 934; И—С, c. 192; *Андоновски Х.* Зборови од Дојран. — MJ 1953, IV, 2, c. 48.

а также рус. *упол*, *упольник* 'горшок, предназначенный для того, чтобы отбавлять в него бульон, суп и т. п. из большой посуды' и *уполовник* 'разливательная ложка', укр. *половник* то же [65], форма которых сложилась не без влияния гл. **pelti*, **pelvǫ*. Вторую основу **pel-* отражают русские диалектизмы: псков. *пéлька*, *пéлечка* 'деревянный черпак плоской формы, которым выливается вода из лодки', 'черпак', 'черпачок', 'совок для веянья зерна на току', 'совок', 'количество зерна, крупы, входящее в совок', 'небольшое количество зерна, крупы', *пéлика* 'ведерко или деревянный совок для выливания воды из лодки', *пéлька* 'ковш для веянья ржи' [66]; к ним, видимо, примыкает и рус. волог. *пилúка* 'берестяной ковшичек, употребляемый на покосе' [67] со спорадическим изменением *е* > *и* после утраты различий между *е* и ятем, которое в вологодских говорах переходило в *и* в позиции между мягкими согласными. Русские диалектизмы, которые пытались понять и как заимствования из балтийских языков (ср. лит. *pélkė* 'болото', 'трясина', 'мокрый луг', 'лужа') [68], получают удовлетворительное объяснение лишь в рамках этимологического гнезда с слав. **pelti*, **peljǫ*. Ориентация именно на это гнездо слов снимает многие трудности семантического порядка и отвечает всем требованиям звукового строя соотносимых слов.

Этимологическое гнездо с слав. **pelti*, **peljǫ* включает имена с корневым гласным в ступени редукции также в функции приспособления для вычерпывания воды. Это — с.-хорв. чак. *pȁlj* 'haustrum, черпак', уменьш. *pāljȁk*, род. п. *pāljkȁ* (Истра) = *páljak* (Предор) то же = *pajȁk*, *pajkȁ* (Брусье, Хвар) 'деревянная ложка', 'тыква для воды' [69]. В ряду этих образований с.-хорв. чакав. *pȁljati* (XVI в.) 'черпать воду' предстает не как итератив, родственный чеш. *palati* [70], а как отыменный глагол. Есть основания думать, что ту же основу с гласным в ступени редукции, видимо, **pьl-* содержат рус. диал. *плúца* и *плúча* 'совок для зерна или муки', *плúца* 'лоток, которым пересыпают муку', 'деревянный или берестяной ковш для отливания воды из лодки' [71]. По материалам Скока, с.-хорв. чакав. *pȁlj* соотносится с глаголом той же структуры *pȕt*, *pȕjen* (Раб, Корчула, Брач, Хвар) = *plt* (Бащанска Драга) = *plt*, *plven* (Црес) 'черпать', *priputi* (ср. у Марулича *jer pripuše vode* 'так как вычерпали воду'). У Скока же

---

[65] *Фасмер* IV, с. 164; *Гринченко* III, с. 286.
[66] *Филин Ф. П.* К истории восточнославянского *пелька*. — В кн.: В чест на акад. Вл. Георгиев. Езиковедски проучвания. София, 1980, с. 277; Картотека Псковского област. словаря (Межкафедральный словарный кабинет филол. ф-та ЛГУ).
[67] *Шайтанов*. Указ. соч., с. 395.
[68] *Толстой Н. И.* Об одном балтизме в восточнославянских диалектах — *пелька*. — В кн.: Этимология 1967. М., 1969, с. 145—157.
[69] *Skok* II, с. 594—595; *Hraste—Šimunović*, S. 770.
[70] *Vaillant A.* Op. cit., p. 299.
[71] Соликам. словарь, с. 446; Словарь Красноярского края, с. 148; Опыт, с. 159; *Куликовский*, с. 83; *Подвысоцкий*, с. 123; *Фасмер* III, с. 286 с указанием: дальнейшие связи неясны.

находим диал. *pîljkati*, *pîljhati* (деминутив на *-kati*) 'вычерпывать воду со дна' с возможным отражением корневого гласного в ступени продления.

Наблюдения Скока, опирающиеся на интересный лексический материал сербохорватских диалектов и в первую очередь чакавского диалекта, показывают, что именно южнославянская языковая область сохранила слав. **pelti*, **peljǫ* во всей полноте апофонических отношений: **pelti*, **pьlti*, **pil(k)ati*, **pьlь*, *(*jьz*)*polъ*.

Скок этимологически соотносит с этим гнездом слав. **polkati* / **polskati*, образования с расширителями *k*, *sk*: рус. *полоскать* 'обмывать, купать обильно в жидкости, водя в ней взад и вперед', паруса *полощут* [72], укр. *поло́кати* 'полоскать', болг. *пла́кна* 'полощу', с.-хорв. *пла̏кати*, *пла̂чēм* 'полоскать, омывать', словен. *plákati* 'прополаскивать', чеш. *plakati* 'полоскать, плескать', в.-луж. *płokać* 'стирать' и т. п. [73] В этом же ряду с фонетическим преобразованием исхода основы ($k > h$) может быть понято и словен. *plahati*, *plajhati* (*se*) 'волноваться' (ср. morje *plajha*, tekočina v posodi, ki ni polna, *plajha*, ю.-в. Штирия; voda *se plajha*, kadar se perilo po njej vlači, Бела Краина), 'быстро гнать' (vole р., Крас), включаемое Миклошичем в одно этимологическое гнездо с указанным выше словен. *plati* 'качать, волновать, колебать' и т. д. [74] Ранняя лексикализация привела к утрате мотивирующих связей, что и явилось причиной разнобоя в этимологической интерпретации этого глагола, причисляемого к разряду изолированных славянских образований [75]. Не вполне обоснованным и не очень достоверным сближениям с лтш. *palce* 'место для купания, дождевой поток', рус. *плохой*, греч. παλάσσω 'брызгать, кропить' [76] следует, видимо, предпочесть интерпретацию слав. **polkati* / **polskati* как новообразования, сложившегося еще в праславянскую эпоху на основе гл. **pelti*, **peljǫ*. Слав. **polkati* / **polskati*, лишенное индоевропейских соответствий, построено по продуктивной модели глагольного словообразования (ср. **dra-skati* [77]) и несет в своей семантике исходное значение 'махать, делать быстрые движения, колебать'. Почти в полном объеме исходную семантику слав. **pelti*, **peljǫ* отражает словен. *plajhati*. В соответствии с гл. **polkati* представлены имена: с.-хорв. *sȁplāk* (Сербия, Далмация, Герцеговина) 'металлическая чаша, посуда для питья', 'мера для молока', *splaka* 'лужа', *splačine* 'помои' [78].

В связи с этимологическом гнездом **pelti*, **peljǫ* рассматривается еще одна группа глаголов с исходной формой **plixati* / **pliskati* 'брызгать', 'плескать(ся), волноваться, колебаться': сло-

---

[72] *Даль*[2] III, с. 264—265.
[73] *Lorentz F.* Das sogenannte Verhältnis der sogenannten lechischen Sprachen. — AfslPh 1902, XXIV, с. 18.
[74] *Pleteršnik* II, S. 47; *Miklosich*, S. 254—255.
[75] *Vaillant A.* Op. cit., p. 561, p. 340.
[76] *Фасмер* II, с. 315 (там же литература).
[77] ЭССЯ, 5, с. 103.
[78] *Skok* II, с. 595.

вен. *plīhati* (*voda pliha* 'вода волнуется'), укр. *плихáти* 'висеть, развеваться, порхать', с.-хорв. *plihati* 'плавать', 'разливаться', польск. диал. *plichtać* / *plechtać* 'расплескивать воду во время мытья' [79], а также, видимо, болг. родоп. *приплѝкнува* 'разливаться, выливаться из корыта, сосуда (о воде)' [80]. В них выделяется комплекс *pl-* как вариант исходного корня **pel-* / **pol-*.

**pelti*, **pelvǫ*

Вайан, восстанавливая для этого глагола основу настоящего времени в форме **pelvǫ*, пишет, что этот глагол имеет изолированную структуру и нет гарантии, что он сохраняет древний вид спряжения [81]. В семантике слав. **pelti*, **pelvǫ* (рус. *полоть*, ст.-слав. плѣти, плѣвѫ и т. п.) [82], продолжающего и.-е. **sp(h)el-* 'колоть, расщеплять', устойчиво отношение 'дергать, рвать сорняки' — 'полова, щелуха, отходы'. Последнее значение передают имена с основой **pelva* (ср. рус. *полова*) [83] и **pel-*: ср. рус. диал. *пелá*, *пелы́* 'полова, пушина, мякина, шелуха, лузга', *пельки* 'виски, кудри, волосы, космы, патлы, пакли', словен. *pèlek*, *-lka* 'плодовые косточки, виноградная кожура', *pelod* 'цветочная пыльца', с.-хорв. *pelud* то же [84].

Есть основания думать, что в праславянскую эпоху этот глагол знал апофонические варианты. Подтверждением того, что некогда в славянских языках существовала этимологически тождественная ему основа с гласным в ступени редукции, служит болг. родоп. *пъ̀л'вам* 'чистить концы того, что распорото', 'выдергивать нитки' [85]. Миклошич отмечает в этимологическом гнезде с слав. **pelti*, **pelvǫ* чешский глагол *-pílati* [86], но в доступных нам лексикографических источниках (Котт, Юнгманн) эта форма, к сожалению, не обнаружена. Наличие ступени редукции определяет направление этимологической интерпретации диалектизмов, обнаруженных в юго-западной части южнославянских языков. Это — с.-хорв. *pûkati*, *pûčēm* и *pûkam* 'драть, дергать (траву, колосья)' и словен. *pûkati*, *-kam*, *čem* то же (Толмин и др.) [87], для которых Скок [88] не находит объяснения, выдвигая сомнительное предположение о заимствовании нем. *pflücken* < итал. *piluccare*. Южнославянские слова надежно могут быть истолкованы

---

[79] *Miklosich*, S. 254; *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VIII. — В кн.: Этимология 1978. М., 1980, с. 29—31.
[80] *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II, с. 251.
[81] *Vaillant A.* Op. cit., § 437, p. 170—171.
[82] *Фасмер* III, с. 317.
[83] Там же, с. 312.
[84] *Куркина Л. В.* Славянские этимологии. — В кн.: Этимология 1971. М., 1973, с. 91.
[85] *Стойчев Т.* Родопски диалект. — БД II, с. 241.
[86] *Miklosich*, S. 267.
[87] *Pleteršnik* II, S. 363; RJA XII, 53, c. 633; *Miklosich*, S. 267 (s. v. *puk* 2).
[88] *Skok* III, c. 71.

в рамках этимологического гнезда с слав. *pelti, *pelvǫ как продолжения основы с корневым гласным в ступени редукции в сочетании с расширителем -k, т. е. *pьlkati. В нем можно видеть новообразование эпохи диалектного развития славянских языков.

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. X*

(*(s)kripati, *skripъ и др.; *sǫdoma и *sǫdomiti; *žьrxъ).

*(s)kripati, *skripъ и др.

Славянские глаголы группы *(s)kripati, *(s)kripěti всеми этимологами характеризуются как звукоподражательные[1]. Но еще в конце прошлого века Цупица, рассматривая рефлексы индоевропейских ларингальных в германских языках, походя высказал предположение о возможности родства слав. *skripati с группой др.-исл. hrīfa 'царапать', греч. σκαρῖφος, лат. scrībo 'чертить, писать', лтш. skrīpât 'нацарапывать'[2], что означало возведение слав. *skripati (вместе с группой, рассмотренной у Цупицы) к и.-е. основе *skrěi- / *skrĭ-, производной от и.-е. *(s)ker- 'резать'[3]. Авторы некоторых этимологических словарей — Брюкнер, Скок, Фасмер (см. прим. 1) — ввели гипотезу Цупицы в свои статьи, посвященные рефлексам праслав. *skripati, *skripěti, *skripъ, но она никак не увязана с характеристикой славянского гнезда как звукоподражательного, так что толкования выглядят противоречиво. Поскольку преобладающее «звуковое» значение глаголов *skripati, *skripěti является достаточно очевидным основанием для возведения славянского гнезда к звукоподражанию, постольку следует тщательно рассмотреть возможную аргументацию в пользу гипотезы Цупицы — аргументацию, не приведенную автором гипотезы.

Представляется, что гипотеза Цупицы о родстве слав. *skripati с группой др.-исл. hrīfa 'царапать' и далее с гнездом и.-е *(s)ker- 'резать' имеет подтверждение в славянском материале. Прежде всего, следует обратить внимание на случаи функциониро-

---

* Предшествующие статьи этой серии опубликованы в томах ежегодника „Этимология" за 1971—1978 и 1980 гг.

[1] Brückner, с. 498; Skok III, с. 403; Младенов, с. 586; Machek[2], с. 550; Фасмер III, с. 657—658.

[2] Zupitza E. Die germanischen Gutturale. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1896 (= Schriften zur Germanischen Philologie, H. 8) S. 126.

[3] См. об и.-е. *skrěi- / *skrĭ-: Pokorny I, S. 947.

вания глаголов группы **skripati* в значении 'резать', например — болг. родоп *скрӣпêм* I. 'скрипеть'. 2. переносно 'лопаться', 3. переносно 'резать ножницами, стричь' (Ка̀та мѐсец *скрӣпêм* де̂тêто)[4]. Распределение и характеристика значений родопского диалектизма, предложенные Стойчевым, соответствуют преобладающему мнению о звукоподражательной природе слав. **skripati* и не должны приниматься как некая объективная данность. Хотя развитие значения 'скрипеть' → 'лопаться' и 'резать' вполне возможно, нельзя исключить и вероятность обратного направления семантического развития — 'резать' → 'скрипеть', при первичности значения 'резать', тем более, что, судя по приведенному Стойчевым контексту, глагол *скрӣпêм* в значении 'резать' не имеет экспрессивного оттенка.

Глагольному значению 'резать' соответствуют именные значения 'расщеп' и 'щель': ср. с.-хорв. *škrîp* 'расщеп, лещедка (палка с расщепом для ловли змей, птиц и т. п.)' (и далее — 'стесненное, трудное положение') и кашуб. *skřẽp* 'щель'[5], позволяющие реконструировать праслав. **skripъ*. Эта именная семантика существенна в двух отношениях. Во-первых, значения 'расщеп', 'щель' вряд ли могут быть производными от 'скрипеть', 'скрип', так что реконструированное праслав. **skripъ* 'щель' является достаточно надежным аргументом в пользу гипотезы о происхождении группы слав. **skripati* из и.-е. гнезда **(s)ker-* 'резать'. Во-вторых, значения 'расщеп', 'щель' могут рассматриваться как база для возникновения в гнезде слав. **skrip-* целого ряда имен, обозначающих пазы, желоба́, части механизмов и орудий с пазами или желобами, блоки, а также различного рода крепления с пазами, тиски (ср. выше с.-хорв. *škrîp* 'палка с расщепом для ловли змей, птиц' и 'стесненное положение'). Таковы, например, кашуб. *skřẽp* в значениях 'воротный столб с желобом', 'конек крыши' (имеет вид опрокинутого желоба), 'позвоночник'[6], рус. забайкал. *скри́пень* 'паз в столбе для ручки ворота'[7], болг. литер. и диал. *скрипе́ц* 'блок (колесико с желобком) в ткацком стане'[8], диал. *скрӣпал'*, *скрӣпалци*, *скрӣпъли*, *скрӣпъл'ци* то же[9], словен. *skrîpec* 'сустав', 'блок' (а также: *v skripcẹ́h biti* 'быть в затруднительном положении')[10], чеш. *skřipec*, *škřipec* 'приспособление для скрепления, стягивания, прищемления (например, для ловли птиц),

---

[4] *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II, с. 267.
[5] *Sychta* V, с. 65, ср. и *skřəp* в кн.: *Lorentz*. Pomor. IV, 3, S. 1780.
[6] Там же. Ср. также польск. диал. *skrzyp* 'столб для ворот' в кн.: Варшавский словарь VI, с. 191.
[7] *Элиасов*, с. 381.
[8] *Геров* 5, с. 177; *Стойков С.* Лексиката на банатския говор. София, 1968, с. 215 (*скрыпец*); *Младенов М. Сл.* Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, с. 166; *Ковачев С.* Троянският говор. — БД IV, с. 224; *Ковачев Н. П.* Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — БД V, с. 40 и др.
[9] *Стойчев Т.* Указ. соч., с. 267 (*скрӣпал'*); *Он же*: Родопски речник. — БД V, с. 208 (*скрӣпалци*); *Бояджиев Т.* Из лексиката на с. Дервент, Дедеагачко. — БД V, с. 238 (*скрӣпъли, скрӣпъл'ци*).
[10] *Pleteršnik* II, S. 498. Ср. и с.-хорв. гапакс *skrip* 'теснота, теснина' — RJA XV, с. 330.

тиски', 'дыба, приспособление для пытки', 'валик, блок в часах для подвешивания гирь', 'шкив в горном деле', 'блок в ткацком стане', 'пенсне'[11], укр. *скрипи́ця* 'колодки, деревянные кандалы', 'в блоке, на который подвешивается в ткацком станке *на́чиння*, *скрипицями* называется та часть блока (жабки), в которой обращается каточек'[12].

Многие из приведенных названий устройств и приспособлений как будто хорошо объясняются и при толковании **skripati*, **skripěti* как исконно звукоподражательного глагола: действительно, может скрипеть блок в ткацком стане[13]; ср. мнение говорящих о забайкальском названии паза в столбе для ручки ворота — *скрипень*: Потому и *скрипень*, что *скрипит*[14]. Дело, однако, в том, что все эти устройства характеризуются пазами или желобами, и названия последних неотделимы от обозначений расщепа, щели. В области реалий также очевидна функция разреза, щели как средства для крепления чего-либо или пропуска нити и т. п.: ср. форму конька крыши — перевернутый желоб, а также описание украинской скрипицы, жабки: «две щеки, между которыми обращается каточек, колодка с вырезом для каточка»[15]. Поэтому представляется правомерной реконструкция для имен гнезда слав. **skripati* семантического развития 'разрез, расщеп, щель', 'паз, желоб' → 'устройство, приспособление с пазом, желобом для скрепления, сжимания, стягивания чего-либо или для пропуска, движения нити, цепи и т. д'. Эта реконструкция имеет точную аналогию в семантике германской лексики, восходящий к и.-е. **gleubh-* 'резать, раскалывать': к этому гнезду принадлежат др.-в.-нем. *klioban*, нем. *klieben* 'раскалывать', др.-исл. *klof* 'щель', др.-сакс. *klobo* 'расщепленная палка для ловли птиц', др.-в.-нем. *klobe* 'расщепленная палка для ловли или крепления', англосакс. *clofe* 'пряжка', нем. *Kloben* 'полено', 'тиски', 'блок'[16]. Значения многих из приведенных выше славянских имен с корнем **skrip-* представлены также в лексике славянских и других индоевропейских языков, восходящей к другим родственным основам с исходным индоевропейским корнем **(s)ker-*, например: др.-исл. *skorđa* 'расщепленная палка', 'расщепленная в верхней части подпорка', англ. *shore* 'подпорка, крепление'[17], лит. *skiřpčius* 'конек крыши'[18], рус.

---

[11] *Kott* III, с. 387.
[12] *Гринченко* IV, с. 144.
[13] О связи слав. **skripьcь* 'блок в ткацком стане' со **skripěti* в значении 'скрипеть' см.: *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. Этимология и опыт групповой реконструкции. М., 1966, с. 135. См. такое же толкование для **skripьcь* 'блок' и 'дыба': *Basaj M., Siatkowski J.* Przegląd wyrazów uważanych w literaturze naukowej za bohemizmy (cz. XII). — In: Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, t. 14. Warszawa, 1974, с. 25—26.
[14] *Элиасов*, с. 381.
[15] *Гринченко* I, с. 469.
[16] *Pokorny* I, S. 401—402; *Kluge — Götze*, S. 392.
[17] *Pokorny* I, S. 940.
[18] *Fraenkel*, S. 807.

архханг. *череп* 'вырубленное в бревне место в виде паза, на которое настилается потолочная доска' [19].

Надежность реконструкции значения 'крепление' для славянских имен гнезда **skripati* как значения древнего, непосредственно связанного с первичной семантикой исходного корня *(*s*)*ker*- 'резать' (откуда 'разрез, щель') дает основания толковать как реликт древней глагольной семантики и значение чеш. *skřípnouti* 'сжать, прищемить, стиснуть'. Махек счел это значение вторичным, возникшим по аналогии с *vrsknůt*, которое было в сознании говорящих связано с *vrzati*: «поскольку два *vrzati* (1. 'скрипеть', 2. 'сжимать') воспринимались как один глагол, но с двумя значениями, значение 'сжимать' было по аналогии присвоено и глаголу *skřípati*» [20]. Следует, однако, отметить, что эта семантика чеш. *skřípnouti* — 'сжать', 'защемить', а также 'постигнуть (о наказании)' находит точное соответствие в именной лексике гнезда **skripati* других славянских языков: см. выше с.-хорв. *škrîp* 'расщеп, лещедка', 'стесненное, трудное положение', словен. *v skripcéh biti* 'быть в затруднительном положении' и т. д. Эта же славянская общность характеризует и семантику чешских имен, которые Махек связывал с *skřípnouti*: см. выше чеш. *skřipec*, а также юго-вост. чеш. *oskřipec* 'приспособление для закрепления лучины при старинном способе освещения' [21] (обычно старинный светец имел форму столбика или треноги с лещедкой, рассохой или вилкой сверху для зажимания лучины). Согласованность значения чеш. *skřípnouti* 'сжать, защемить' и родственных ему чешских имен с семантикой этого гнезда в других славянских языках свидетельствует о том, что значение 'сжать, защемить' чешского глагола является скорее не новообразованием, а реликтом древней семантики праславянского глагола, развившейся на базе исходного значения индоевропейского гнезда *(*s*)*ker*- 'резать'.

Есть и ряд других значений славянских лексем с корнем *skrip*-, которые могут быть истолкованы как производные от исходной семантики 'резать'. В белорусских говорах глагол *скры́пацца* встречается в значении 'часто ходить в хату и из хаты' [22]. Это значение может восприниматься как производное от 'скрипеть', но лит. *skrýbauti* 'быстро двигаться', родственное с лит. *skriẽbti* 'чертить' [23], свидетельствует о возможности возникновения значения 'часто ходить' на базе 'резать' в гнезде и.-е. **skrei*- (вероятно, 'резать быстрыми, многократными движениями', 'скрести' → 'ходить туда-сюда'). Значение 'быстро двигаться, ходить' для праслав. **skripati* подтверждается болгарским диалектизмом *скри́пъл*

---

19 *Подвысоцкий*, с. 187; Опыт, с. 256.
20 *Machek* ², с. 550.
21 Там же.
22 *Бірыла М. В.* З лексікі вёскі Скварцы Дзяржынскага раёна. — В кн.: Народнае слова. Мінск, 1976, с. 44; *Гайдукевіч І. М.* Некалькі слоў з мясцовай гаворкі. — Там же, с 90.
23 *Fraenkel*, S. 816—817.

'живой, подвижный ребенок'[24] (что никак не выводится из семантики 'скрипеть'). Реальность реконструкции значения быстрого и разнонаправленного движения для праслав. **skripati* позволяет уточнить семантическую мотивировку славянского названия смычкового музыкального инструмента — скрипки. Рус. *скрипка*, укр. *скрипка*, польск *skrzypce* явно принадлежат к гнезду праслав. **skripati*, но логично ли выводить название музыкального инструмента из глагола, обозначающего 'скрипеть' (то есть издавать шум совсем не благозвучный), что молчаливо подразумевается при общепринятом указании на образование слова *скрипка* от *скрипеть*[25]? Не связано ли скорее название скрипки со значением 'быстро двигаться', которое может быть реконструировано для праслав. **skripati* и хорошо согласуется с отличительной чертой скрипичной игры — быстрым движением смычка? Ср. аналогичную связь между нем. *Geige* 'скрипка' и диал. *geigen* 'двигаться туда-сюда'[26].

Далее, судя по лит. *skrìbti* 'чахнуть, подыхать, околевать' (родственному с лит. *skriẽbti* 'чертить' и далее лат. *scrībo* и т. д.)[27], рус. *скрипеть* 'жить кое-как, с трудом поддерживать свое существование, свои силы'[28] также может быть связано с древней семантикой гнезда и.-е. **(s)ker-* > **skrei-* (> слав. **skripati*) — 'резать'.

В болгарских говорах зафиксировано *скрѝпвъм*, *скрѝпнъ* 'онеметь от жевания зеленых плодов — о зубах'[29]. И эта семантика находит соответствие в балтийской лексике гнезда и.-е. **(s)ker-*: ср. лит. *skir̃bti* 'становиться кислым', лтш. *šķērbs* 'терпкий (о пиве), горький, кислый' при лит. *sker̃bti* 'глубоко врезать'[30]. Френкель особо отметил возможность семантического развития 'резать' → 'становиться кислым', 'кислый', указав на родство жемайт. *skóbas*, лтш. *skâbs* 'кислый' и лит. *skóbti* 'становиться кислым' с лит. *skõbti* 'обрывать, сдирать'[31]. Славянская лексика, синонимичная указанному болгарскому диалектизму, свидетельствует о связи семантики 'онеметь от кислого (о зубах)' с исходным значением 'связывать': ср. рус. *вяжущий* вкус, *стянуло*, *свело* рот, *оскомина* (к *щемить*). Поэтому не исключено, что для формирования семантики болг. *скрѝпвъм* послужило базой не только исходное значение гнезда **sker-* 'резать', но и славянское его развитие 'сжимать, скреплять'.

Наконец, есть еще один болгарский диалектизм с корнем *skrip-*, но необычной для этого гнезда семантикой — *скрѝпвъ*[32],

---

[24] *Кювлиева В.* и *Димчев К.* Речник на хасковския градски говор. — БД V, с. 90.
[25] *Фасмер* III, с. 658.
[26] *Kluge—Götze*, S. 251.
[27] *Fraenkel*, S. 816.
[28] *Ушаков* 4, стб. 239.
[29] *Петков П. И.* Еленски речник. — БД VII, с. 131.
[30] *Fraenkel*, S. 807, 801.
[31] *Fraenkel*, S. 801.
[32] *Кювлиева В.*, *Димчев К.* Указ. соч., с. 90 (Времѐту зѐ дъ *скрѝпвъ*).

скрйпвъм, скрйпнъ[33] 'холодеть, охлаждаться, остывать'. Реконструировать семантическую связь этого глагола с гнездом **skripati* трудно. Возможно, что следует опираться на вторичную семантику славянских глаголов этого гнезда 'сжать, стиснуть', поскольку одним из источников средств для выражения значения 'холод' в лексике индоевропейских языков являются обозначения жесткого, тугого, окостеневшего, плотного, например: слав. **studъ* родственно греч. στύω 'находиться в напряжении', первичная семантика и.-е. **steu̯-* реконструируется как 'делаться жестким'[34].

Итак, лексика гнезда праслав. **skripati* обнаруживает многообразие значений, выходящих за пределы сферы 'скрипеть'. Некоторые из этих значений могут быть согласованы с гипотезой о звукоподражательном происхождении всего гнезда, то есть поддаются истолкованию как производные от 'скрипеть': см. выше о 'резать, стричь', а также 'воротный столб', 'блок', 'часто ходить из хаты и в хату'. Но есть значения, не выводимые из 'скрипеть' и хорошо согласующиеся с гипотезой о первичности для данного гнезда значения 'резать' с последующим его развитием: это 'расщеп', 'щель', 'живой, подвижный ребенок', 'терпнуть', 'холодеть'. И перечисленные выше значения также непротиворечиво вписываются в семантику гнезда с первичным значением 'резать'. Это побуждает признать гипотезу Цупицы о происхождении слав. **skripati* из гнезда и.-е. **skrei-* (от и.-е. **(s)ker-* 'резать') наиболее вероятным этимологическим толкованием для имеющегося славянского материала. Принятие этого толкования влечет за собою признание значения 'скрипеть' вторичным, производным для гнезда **skripati*, хотя и достаточно древним (вероятно, уже праславянским).

**sǫdoma* и **sǫdomiti*

В украинском языке есть соотносительные имя и глагол: *судóма* 'судорога, корчь' и *судóмити* 'корчить, сводить', 'ломить'[35], *посудóмити* 'свести, судорожно стянуть (руки, ноги)'[36]. Кроме украинского языка, эта лексика известна лишь донским говорам: *судóмить* 'мять, комкать'[37], 'сводить судорогой'[38], 'комкать', 'ругать, шуметь'[39]; возможно, сюда же *судóмиться* 'возиться'[40]. Ареальная ограниченность этих слов (возможно, являющихся в донских говорах украинизмами) затрудняет их этимологизацию. Однако бросающееся в глаза соответствие семантики лексем — 'соединение, сминание, смешивание' (см. 'судорога', 'комкать', 'во-

---

[33] *Петков П. И.* Указ. соч., с. 131 (Из мъзѣтъ сичку *скрйпнъ*).
[34] *Buck*, p. 1078—1079; *Фасмер* III, с. 786—787.
[35] *Гринченко* IV, 226.
[36] Там же, с. 374.
[37] *Миртов*, стб. 315.
[38] Материалы для словаря русских донских говоров. Ростов на Дону, 1961, с. 14.
[39] Донск. словарь III, с. 148.
[40] Там же.

зиться') — возможной префиксальной структуре их, с префиксом *sǫ-*, часто выражающим соединение, позволяет предложить гипотезу о первичности в паре *судома* — *судомити* имени *судома* (поскольку *су-* < *sǫ-* — именной префикс) и принадлежности этого имени по корню к гнезду и.-е. **dhē-* 'класть, помещать' > праслав. **dě-ti*.

В славянских языках много префиксальных имен с корнем *-d(ъ)* / *-d(o)*, являющимся ступенью редукции корня **dě-ti: *obьdo* 'имущество', **podъ* 'основание', **sǫdъ* 'сосуд' и 'собрание членов рода, племени', **udъ* 'часть тела, конечность', **pridъ* (блр. диал. *прыд* 'край')[41]. Структура **sǫdoma* предполагает соединение корня в ступени редукции с суффиксом *-m-*. Подобным образованием в гнезде и.-е. **dhē-* является греч. θαμά 'плотной массой, густо', 'часто', *θαμειος (гомер. θαμεές, θαμειαί мн.) 'частый, многочисленный'[42]. Ср. суф. *-m-* при полной огласовке корня — греч. ἀνάθημα 'приложение', 'жертвенное приношение', ἐπίθημα 'крышка', 'намогильный памятник', 'наконечник'[43], лит. *dėmė̃* 'пятно'[44]. Следовательно, в структурном плане **sǫdoma* может быть образованием гнезда и.-е. **dhē-* > праслав. **dě-*.

В отношении семантики возможность принадлежности **sǫdoma* к гнезду и.-е. **dhē-* подтверждается значениями имен с префиксом и.-е. **som-*, которые возводятся к этому гнезду: это др.-инд. *saṁdhā́* 'соглашение', *saṁdham* 'соединение', лит. *samdà* 'личный наем'[45], слав. **sǫdъ* 'сосуд' и 'собрание'; ср. также семантику причастия в др.-прус. sen *senditmai* rānkān 'со сложенными руками'[46].

В соответствии с предлагаемым толкованием укр. *судома* как праслав. **sǫdoma* < и.-е. **som-dhə-m-*, первичным значением отыменного глагола **sǫdomiti* должно было быть 'корчить', 'комкать', а значения 'возиться', 'ругать, шуметь' представляются следствием вторичного развития (ср. в семантическом плане рус. диал. *склóчить* 'свалять клочьями, спутать' → *склока* 'тревога, хлопоты, передряга'[47]).

**žьrxъ*

Русский диалектизм тамб. *жéрехи* 'бусы'[48] вполне логично сопоставляется с синонимичными именами, производными от **žьrdlo; жерéли, жерéльи, жерéлья* 'бусы'[49]. Вследствие ограниченности

---

[41] См. о последних: *Трубачев О. Н.* Указ. соч., с. 235—237, а также: *Он же*. О составе праславянского словаря. — В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 182.
[42] *Pokorny* I, S. 238; *Frisk* I, S. 651.
[43] *Pokorny* I, S. 238.
[44] *Fraenkel*, S. 92.
[45] *Pokorny* I, S. 237; *Fraenkel*, S. 761.
[46] *Fraenkel*, S. 91.
[47] *Даль*[3] IV, стб. 192.
[48] *Даль*[3] I, стб. 1331; *Филин* 9, с. 141.
[49] *Филин* 9, с. 141.

фиксации лексемы *жёрехи* ее можно было бы даже счесть ошибкой в записи. Но пока определенных доказательств этого нет, следует считаться с возможностью существования формы *жерехи*. При этом представляется необходимым обратить внимание на наличие потенциального соответствия для русского диалектизма в верхнелужицком языке: это *žerch* 'кольцо (на конце цепи, каната)'[50]. Значение верхнелужицкой лексемы достаточно близко к русской, но вместе с тем принятие этого соответствия с более широким значением 'кольцо' делает сомнительной связь рус. *жерехи* с **žьrdlo*. Этой связи противоречит и форма в.-луж. *žerch*. Судя по в.-луж. *žerch*, источником верхнелужицкого и русского слов должно было быть **žьrхъ*, структура же рус. *жерехи* явилась результатом вторичного полногласия типа **vьrvь* > *веревка*.

Близкородственных славянских образований у **žьrхъ*, кажется, нет. Можно предполагать, что это слово является одним из многочисленных, но весьма разрозненных в славянских языках реликтов индоевропейского гнезда **ger-* 'поворачивать, крутить'. К нему принадлежат, например, **gъrča/ь* (болг. *гръч* 'судорога', с.-хорв. *grča* 'сук', чеш. *hrč* 'бугор, желвак, железа, шишка', укр. диал. *гы̆рч'а* 'нарост на дереве')[51], **gъrbъ*, **grǫbъjь*. Для обоснования предположения о происхождении слав. **žьrхъ* из гнезда и.-е. **ger-* существенно, во-первых, наличие среди его производных образований с *-s-* расширением, типа др.-в.-нем. *kresan* 'карабкаться', норв. *karra* 'сморщиваться, коробиться, виться', во-вторых — развитие в именах этого гнезда значений, близких к слав. **žьrхъ*, типа др.-инд. *guṇaḥ (*gr̥nos)* 'отдельное волокно шнура, шнур, веревка', ср.-в.-нем. *krinc* 'кольцо, круг', *kranc* 'кольцо'[52].

И. П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. XII*

(рус. диал. *вычурки, чурить*, укр. диал. *цуравий*; рус. диал. *кувердать*, слав. **vъrdati*)

Рус. диал. *вычурки, чурить*, укр. диал. *цуравий*

В словаре говоров Соликамского района Пермской области зафиксирована очень интересная лексема *вы́чурки*, мн. (реже *вы́чурок*, м. ед.) в значении 'старая поношенная обувь' (Каки-те *вычурки* себе нашла — тожно не буду брать твои тапки)[1]. Насколько нам

---

[50] *Трофимович*, с. 458. Ср. также *žerch* 'уплотняющее кольцо, обойма шарикоподшипника' — *Pfuhl*, S. 1044.
[51] ЭССЯ 7, с. 202.
[52] *Pokorny* I, S. 385.
* Предшествующие статьи под этим же названием см. в томах ОЛА 1972 (М., 1974) и Этимологии (1972—1980).
[1] Соликам. словарь, с. 101.

известно, в других словарях этот пример отсутствует, в этимологической литературе — также, хотя, безусловно, нуждается в интерпретации.

При этимологизации лексики, обозначающей старую изношенную одежду или обувь, следует учитывать тот факт, что подобные лексемы часто восходят к глагольным основам с семантикой 'драть, рвать, резать...': рус. диал. *оборвáшка* 'поношенная одежда'[2] (к *оборвать*), *дрáнка* 'что-либо рваное, истрепанное, изношенное; рваная одежда, обувь'[3] (к *драть*), ср. также рус. влад. *хальё* 'старое платье, обноски', блр. *халь* 'дрянь, ветошь', трактуемые в связи с рус. (пск. твр.) *хóлить* 'стричь очень коротко', слав. **xoliti*, родственным слав. **kolti* (рус. *колоть* и др.), далее — к и.-е. **(s)kel-* 'резать'[4]; рус. арханг. *кóромы* 'худая негодная обувь'[5] мы интерпретировали как **korm-* (или **kъrm-*), восходящее далее к и.-е. **(s)ker-m-* 'резать', и присоединяли его таким образом к другим многочисленным славянским продолжениям индоевропейского **(s)ker-m-* (**kroma*, **kromъsati*, **kъrma*, **kremy* и др.)[6]; чеш. диал. *šábor* 'старая обувь', которое возводят к **xabati* (с.-хорв. *hȁbati* 'изнашивать (одежду)', 'портить', словен. *hábati* 'толкать', ср. еще с.-хорв. *hȁbav* '(об одежде) драный'), далее — к слав. **skob-* (рус. *скоблить* и др.), лит. *skõbti*, *skabiù* 'скрести, срывать', лат. *scabō* 'скрести, скоблить, чесать', гот. *skaban* 'скрести, стричь', др.-инд. *ava-skabhnāti* 'отламывает'[7]. Итак, учитывая многочисленные примеры связи названий старой обуви с глаголами в значении 'тем или иным способом разрушать (резать, рвать, драть, скрести...)', аналогичную картину можно предполагать и в случае со словом *вычурок (вычурки)*. С формальной точки зрения сущ. *вычурок* членится на префикс *вы-*, суффикс *-ок-* (**-ъk-*) и корневую часть *-чур-* (**čur-*). Ср. в отношении способа образования семантически близкое рус. диал. *вы́носок* 'старая изношенная одежда, обувь'[8]. Следовательно, слово *вычурок*, по нашему мнению, нужно связывать с обозначающим какое-то разрушительное действие ('резать, колоть...') глаголом типа *вычурить (чурить)*, возможно, через промежуточное звено *вычур*. Аргументом в пользу обоснованности данного предположения, по-видимому, могут служить такие русские диалектные примеры, как том. *чурить* 'готовить поделочный лес в меру, по изделиям'[9] (т. е. собственно 'отпиливать, нарезать лес по определенному размеру'), волог. *вычурá*, мн. 'выемки, пазы в дорожнике (плотничьем инструменте)'[10], а также не исключено, что и

---

[2] Камчат. словарь, с. 114.
[3] *Филин* 8, с. 172.
[4] ЭССЯ, 8, с. 13, 61; о и.-е. гнезде **(s)kel-* см.: *Pokorny* I, S. 923—927.
[5] *Филин* 14, с. 363.
[6] *Петлева И. П.* К этимологии русского диалектного *кóромы* 'худая негодная обувь' — ОЛА 1979. М., 1981, с. 329—331.
[7] ЭССЯ 8, с. 9, 7—8.
[8] Соликам. словарь, с. 94.
[9] *Даль*[2] IV, с. 615.
[10] *Филин* 6, с. 58.

перм. *вы́чур* 'резные украшения, фигуры'[11]. Что касается слова *вы́чуры*, ж. мн. 'узоры, разводы, фигуры, украшения в резьбе, шитье, живописи', 'прихоти, причуды'[12], то наряду с другими возможными толкованиями семантического развития этой лексемы нельзя не принимать в расчет и такое: 'резьба, резные фигуры, украшения' → 'сложная резьба, сложные витиеватые узоры, фигуры' → 'странные («витиеватые») желания и выдумки'. Ср. показательный в данном отношении пример из Словаря сибирских слов и выражений, помещенного в Исторической хрестоматии по сибирской диалектологии: *рытый бархат*, т. е. с узорами[13].

Исходя из всего вышесказанного, представляется закономерным соотнесение рассматриваемых слов (*вычурок*, *вычур*, *чурить*), восходящих к **čur-*, с другими славянскими лексемами этого же корня и далее рассмотрение их всех в составе индоевропейского гнезда **(s)keu-* 'резать, отделять, скрести, царапать, ковырять, рыться' (точнее — **(s)keu-* плюс формант *-r-*). Еще Г. Ильинский, предполагал наличие корня **(s)keur-* 'резать' в составе целой группы славянских (в основном — русских) слов таких, как *чур* '*черта, зарубка', *чурка*, *чурак*, *чурбак*, *чурбан*, *чураться*, *чуриться*, *щуриться* ('*делать щель между веками') и других[14], из которых, как справедливо заметил М. Фасмер, многие не имеют сюда отношения[15]. Ст. Младенов также констатировал этот корень в составе ряда славянских лексем, в частности, в составе русского *чур*, а также *щур* 'береговая ласточка' и 'земляной червь', польск. *szczur* 'крыса', чеш. *ščurka*, *ščírka* 'ящерица', *štúr* 'саламандра'[16]. Рус. *чурка*, *чурак*, *чурбан*, *чурбак* традиционно сопоставляются с лит. *kiáuras* 'дыра; дырявый', лтш. *caũrs* 'дырявый'[17], которые, в свою очередь, включаются в то же самое и.-е. гнездо **(s)keu-* (**(s)keu-r-*) 'резать'[18]. Заметим, что рус. *чурка* 'обрубок бревна' имеет соответствия также в украинском (*цурка*, *цура* 'палочка'[19] и др.) и в белорусском (*цурка* 'палка трость', 'небольшой обрубок бревна, сухих веток'[20] и др.). Если возведение восточнославянской лексемы **čurъka* к и.-е. **(s)keu-r-* 'резать', по-видимому, не вызывает возражений, то этого нельзя сказать относительно

---

[11] Там же.

[12] *Даль*² I. с, 326.

[13] *Цомакион Н. А.* Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии, ч. II, вып. 1. Красноярск, 1974, с. 31.

[14] *Ильинский Г.* Славянские этимологии. — РФВ 1911, XV, с. 225; *Он же*. Notules. V. *Čur*: un faux dieux. — RÉS 1928, VIII, 3—4, p. 241—242; Он же. Славянские этимологии. — ЈФ, 1930, IX, с. 287. Связь **čurъ* (**čura*) с и.-е. **keur-* 'резать' принимают также авторы Праславянского словаря (см. Słownik prasłowiański II, с. 294).

[15] *Фасмер* IV, с. 511.

[16] *Младенов Ст.* Славянские этимологии. 17. Слав. *jaščerъ*, *jaščerica*, *jaščurъ*. — РФВ 1914, LXXI, с. 455—457.

[17] *Фасмер* IV, с. 387 (с указанием литературы); Słownik prasłowiański, II, с. 294—295.

[18] *Pokorny* I, S. 954.

[19] *Гринченко* IV, с. 437.

[20] *Расторгуев*, с. 281.

русских диалектных слов *чурбан* и *чурбак*. Дело в том, что некоторые признаки (внешний облик, ареал, наличие вариантного *чурган* 'обрубок дерева, короткое бревно; чурбан'[21], см. еще *чургашка* 'короткий отрезок бревна'[22]) могут свидетельствовать в пользу их заимствованного характера, поэтому отсутствие этих лексем в обоих новейших праславянских словарях (ЭССЯ, Słownik prasłowiański), безусловно, закономерно.

Итак, рус. диал. *вычурок* (*вычурки*) (**vyčurъkъ*) 'старая поношенная обувь', очевидно, следует интерпретировать в связи с глаголами **вычурить* (**vyčuriti*), *чурить* (**čuriti*) 'резать, отделять' (см. также *вычур* < **vy-čurъ*), далее, видимо, к **čur(ъk)a*, **čurъ* '*черта, граница' (причем **čuriti* может быть старым праславянским деноминативом), затем — к и.-е. **(s)keu-r-* 'резать, отделять, скрести, царапать'. Первоначальное значение слова *вычурок* было 'то, что прорезано, выдрано, продырявлено', собственно 'рвань', оно особенно близко семантике его балтийских соответствий (лит. *kiáurs* 'дыра; дырявый', лтш. *caũrs* 'дырявый'), а также значению диалектного украинского прилагательного, которое следует относить к тому же корню, — *цу́равий* 'в лохмотьях'[23]. Показательно, что к корню **(s)keu-* 'резать', расширенному другими формантами (*-d-*, *-t-*), возводят многочисленные лексемы, семантика которых аналогична семантике русского *вычурок* (*вычурки*), укр. *цу́равий*, лит. *kiáurs* и лтш. *caũrs*. Это лит. *skùduras* 'лохмотья', *skiáutė* 'лохмотья, обрезки', *skùtas* 'тряпки'[24], с которыми Л. Куркина сопоставляет такие славянские примеры, как болг. *шю́дравый* 'грязный, лохматый', диал. *шудра* 'кусок, лоскут', *шу̀дрьв* 'изорванный, изношенный', польск. *szudrać się* 'чесаться; карабкаться', чеш. *šudlit* 'тереть', словац. *šudrovat'i*) 'драть, грабить', н.-луж. *šudry* pl. 'лохмотья, рвань' и др.[25].

Рус. диал. *кувердать*, слав. **vъrdati*

В словаре, составленном на основе лексики северных причитаний, собранных Е. В. Барсовым, встречается редкий глагол *кувердать* 'шатать'[26] (ударение не отмечено). Фасмер пишет: «Возможно, экспрессивное образование от *ку-* и *вертеть*»[27]. Неуверенность здесь вполне понятна, так как если констатация в составе рассматриваемого глагола архаичной приставки *ку-* никаких возражений не вызывает, то сопоставление *-вердать* и *вертеть* затруднительно из-за очевидных формальных (да и семантических)

---

[21] *Иванова*. Подмоск., с. 542.
[22] *Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А.* Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972, с. 278.
[23] *Гринченко* IV, с. 437.
[24] *Fraenkel*, S. 798, 823—824, 804.
[25] *Куркина Л. В.* Заметки по болгарской этимологии. — В кн.: Этимология 1978, М., 1980, с. 42—43.
[26] *Барсов Е. В.* Причитанья Северного края, ч. I. М., 1872, с. IX.
[27] *Фасмер* II, с. 397.

расхождений. Кроме того, существующие в других славянских языках многочисленные примеры, и формально и семантически чрезвычайно близкие глаголу *кувердать* и не восходящие к **vьrt-* (см. *вертеть*), наталкивают на мысль о предпочтительности иного объяснения рассматриваемого глагола — в кругу этих примеров. См., в частности, с.-хорв. *вр̏дати* 'двигаться туда-сюда, меняя направление', 'уклоняться', 'быть нестойким, непостоянным', 'увиливать, лукавить, изворачиваться', диал. *вр̏днути* 'дернуться, сдвинуться; отодвинуться', 'стать неверным, обмануть', *вр̏днути се* 'отскочить в сторону', диал. *вр̀дац* 'бросок мяча в сторону (в игре)'[28], диал. *завр̏дити се* 'укачаться, убаюкаться, усыпиться'[29], с вставным *-н-*[30] *вр̀ндати* 'прясть на большом веретене', диал. 'прясть грубо, толсто', 'двигаться туда-сюда, слоняться', 'крутиться вблизи чего-н.', диал. *вр̀ндати се* 'слоняться, вертеться около чего-н.', 'сильно чесаться'[31]. См. еще болг. диал. *въ̀рдам* 'отбегать в сторону'[32], а также приведенные Ж. Ж. Варбот словен. *vȏrdati* 'шарить (например, переворачивать одежду в сундуке)', *vȏrdati se* 'играть, баловаться (о детях или о молодых животных)', 'трудиться, стараться', польск. диал. *wardać się* 'слоняться по углам, скитаться, лазить', болг. диал. *вържа̀л'ъм* 'валяться в пыли', *въ̀рдо̀л'ъм съ* 'кататься, валяться' и 'пачкаться', которые вместе с с.-хорв. *вр̏дати* 'избегать' и *вр̀ндати* 'прясть на большом веретене' она совершенно справедливо возводит к и.-е. **u̯er-* 'вертеть, сгибать' с расширителем *-d-*[33].

Учитывая формальное сходство русского *ку-вердать* с с.-хорв. *вр̏дати* и многими другими указанными выше славянскими глаголами, а также его особую семантическую близость к некоторым из перечисленных примеров (ср. рус. *кувердать* 'шатать' — с.-хорв. *вр̏дати* 'двигаться туда-сюда...', 'уклоняться', 'быть нестойким', *завр̏дити се* 'укачаться'), можно, видимо, предполагать родство исследуемого русского слова с указанной лексической группой, восходящей к и.-е. **u̯er-d-* 'вертеть'. Причем показательно, что в сербохорватском языке зафиксирован диалектный глагол, который не только аналогичен русскому *ку-вердать* в отношении тематической гласной инфинитива (*-а-*), но и демонстрирует наличие варианта (*ку-*) того же самого префикса (*ко-*), который представлен в русском *ку-вердать*. Это (с вставным *-н-*) *за-ко-вр̀ндати се* 'перепутаться, запутаться (о волосах)'[34]. Интересно, что в сербохорватском известен также глагол с другим архаичным префиксом *ше-* — *шевр̏дати* 'увиливать, уклоняться от работы; быть ненадеж-

[28] РСА III, с. 32—33.
[29] РСА V, с. 592.
[30] Трактовку *-н-* в качестве вставного элемента дал П. Скок (*Skok* III, с. 622).
[31] РСА III, с. 70.
[32] Извлечения из Софийских архивов, сделанные О. Н. Трубачевым.
[33] *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VIII. — В кн.: Этимология 1978. М., 1980, с. 19—21.
[34] РСА V, с. 3.

ным в работе; халтурить, не держать данного слова, обещания' [35] (на его родство с *вр̏дати*, *вр̏днути* указывал уже Шахматов [36]), см. еще (с вставным *-н-*) *швр̏ндати* 'перебирать и искать что-л. в доме' [37].

Итак, рус. диал. *кувердать* 'шатать', очевидно, следует реконструировать как **ku-vъrdati* и возводить его далее к и.-е. **u̯er-* (с расширителем *-d-*) 'вертеть', причем возможность семантической связи 'вертеть, катать' — 'качать, шатать' подтверждается многочисленными примерами: в составе данного гнезда **u̯er-* (с расширителем *-t-*) представлены лексемы и в значении 'катать' и в значении 'шатать', это др.-инд. *vártanam* 'вращение, катание' и 'хождение взад—вперед', словац. *vratký* 'шаткий, неустойчивый'; рус. (и др.) *кача́ть* и *кати́ть*, *ката́ть* этимологически едины [38] и т. д.

В названной выше статье Ж. Ж. Варбот помещает словен. *vȏrdati (se)*, польск. *wardać się*, с.-хорв. *вр̏дати* и др. под праформой **vъrdati*, однако отмечает, что она «условна: при отсутствии соответствий из других славянских языков, равным образом возможна и праформа **vьrdati*» [39]. Рассмотренное нами рус. диал. слово *куверда́ть*, очевидно, является тем искомым соответствием, которое позволяет однозначно решить вопрос относительно характера редуцированного: следует реконструировать праформу **vьrdati*. В пользу ее косвенно свидетельствует и тот факт, что славянские континуанты индоевропейского **u̯er-* с другими расширителями (*-b-*, *-g-*, *-t-*), имеющие в корне редуцированный, демонстрируют обычно *ь*, а не *ъ* (**vьrb-*, **vьrg-*, **vьrt-*).

В заключение отметим, что в свое время Шахматов предполагал родство сербохорватских глаголов *шевр̏днути*, *шевр̏дати*, *вр̏дати*, *вр̏днути* с русскими примерами, обнаруживающими вторичную огласовку корня перед *-ъчу́ти* (*ыр* на месте более старого *ar* < *r̥* < *ъr*, *ьr*): **кувы́рнуть*, откуда диал. *кувы́рдать* 'бросать палку', *кувы́рдаться* 'кувыркаться' [40], тем самым он постулировал былое существование в русском соответствующего глагола с редуцированным (*ъ* или *ь*) в корне, хотя реально существующий глагол *кувердать* оставался ему, по-видимому, неизвестным. Ср. аналогичную картину звукового развития, например, в таких диалектных (псков. твер. осташ.) русских лексемах, как *ско́верзень* 'дитя, которое часто скатывается со своей постели' и *сковырзну́ть* 'соскользнуть, скатиться' [41]. Не исключено, что к корню **vьrd-* может восходить и собственное имя (прозвище) *Ковердяй*; *Ковердяй* Ульянов, новгородский своеземец, 1551 г. [42].

---

[35] *Толстой* [3], с. 673.
[36] *Шахматов А. А.* К истории звуков русского языка. Замена долгих плавных слоговыми и третье полногласие. — Сб. ИОРЯС 1902, VII, 2, с. 337.
[37] *Iveković-Broz* II, с. 548.
[38] *Фасмер* II, с. 213.
[39] *Варбот*. Указ. соч., с. 21.
[40] *Шахматов*. Указ. соч.
[41] Дополнение к Опыту, с. 243.
[42] *Веселовский*. Ономастикон, с. 146.

И. Г. Добродомов

К ЭТИМОЛОГИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО хлѧбь (хлѩбь)

Этимология указанного церковнославянского слова, имеющего также соответствия в русском и сербохорватском языках, была объектом внимания многих лингвистов, высказавших по этому поводу ряд различных суждений, ни одно из которых не удовлетворило М. Фасмера, ограничившегося их простым перечнем в порядке убывающей достоверности[1]. Многообразие предложенных этимологических версий и их неубедительность были обусловлены — в первую очередь — недостаточной разработанностью семантической стороны проблемы. Вторичные осмысления почти вышедшего из употребления книжного слова с неясным и расплывчатым значением явились непреодолимым препятствием для поисков правильной этимологии.

При этимологизации старославянской (а также церковнославянской) лексики исследователь должен постоянно помнить, что «подлинное значение слов мертвого старославянского языка — это величина, подчас отнюдь не поддающаяся непосредственному наблюдению, несмотря на известность греческих соответствий в оригиналах; подлинное значение представляется нам иногда как некий субстрат, перекрытый книжным употреблением в роли эквивалента нужному греческому слову. Проникнуть до названного субстрата и реконструировать это подлинное значение удается, разумеется, не всегда, но подобная ситуация возможна в достаточно большом числе случаев, почему те, кто занимается интерпретацией старославянского словарного состава, обычно имеют в виду специфичность взаимоотношений старославянских и греческих эквивалентов»[2]. Это обычно всплывает при многозначности последних и создает исследователю массу дополнительных трудностей.

Путь к правильной этимологии слова хлѧбь, хлѩбь был установлен О. Н. Трубачевым, который весьма убедительно показал, что праславянское существительное **xlębь*, восстанавливаемое им в таком виде для старославянской, русской и сербохорватской форм, «является техническим термином с реконструируемым значением 'затвор, запор, сточное отверстие' (ср. засвидетельствованные значения 'плотина, шлюз' (с.-хорв.), оборот *хляби затворить* и др.; значение 'просторная жидкая среда и т. п.' (Даль) вторично, с забвением четких первонач. границ)». Предложенная О. Н. Трубачевым этимология отличается простотой как в семантической, так и в фонетической части: «Слав. **xlębь* родственно лит. *sklem̃bti* 'соскользнуть', далее *sklendžiù sklę̃sti* то же, что соответствует идее

---

[1] *Фасмер* IV, с. 248—249.

[2] *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, с. 188—189.

примитивного запора, засова»[3]. Этимологию можно было бы упрекнуть лишь в одном: славянское слово объясняется с помощью литовского глагола. Однако этот упрек не может быть решающим основанием для сомнения в правильности этимологии, как и невыясненность словообразовательных тонкостей, что было оставлено для дальнейших уточнений.

Гораздо более существенные претензии к этимологии слав. **xlębь* ∽ лит. *sklem̃bti* можно предъявить совсем по другому поводу — со стороны неполного охвата славянского материала. Дело в том, что ст.-слав. хлѩбь, с.-хорв. стар. редк. *hljeb*, *hleb*, *hljep*, *hlep*, др.-рус. ц.-слав. и рус. стар. *хлябь* не исчерпывают весь славянский материал, особенно это касается с.-хорв. региона, данные которого сейчас могут быть дополнены на основе этимологического словаря П. Скока, где под словом *hlip*, которое встречается «у западных авторов, как Баракович» и подано у П. Скока со следующим толкованием: «плотина для воды; синонимы: *slap*, *katarakta*», даны следующие этимологические соображения: «Множ. число здесь *lêpovi* (Ластрич, XVIII в.) = *hljab* (согласно Стуличу из глаголического служебника). Екавские формы *hljȅp* и *hljȅb*, которые даны у Будмани, не подтверждаются ни в говорах, ни у писателей. Кажется, основа содержит *ě*. Других параллелей для этого в названиях клапанов и вентилей не имеется. Вероятно, ономатопоэтического происхождения». Далее сделана отсылка к глаголу *hlapiti* 'испаряться, выветриваться' (где, однако, нет «обратной связи») и ссылка на RJA III, 634[4].

Едва ли есть основания соглашаться с приведенными сомнениями и предположениями П. Скока, поскольку и его материал оказывается все-таки весьма далеким от полноты, но учесть приведенные у П. Скока факты представляется необходимым и весьма важным.

Прежде чем перейти к фонетическому анализу поражающего несколько хаотическим многообразием фактического материала, особенно на сербохорватской почве, представляется необходимым подчеркнуть, что и в русском, и в сербохорватском языках мы имеем дело с сугубо книжным словом, семантика которого в словарях зачастую довольно значительно отошла от первичного значения, хорошо и весьма убедительно восстановленного и объясненного О. Н. Трубачевым. Именно это значение и необходимо учитывать в дальнейшем при поисках этимологии и при рассмотрении истории слова.

Впрочем, имеются указания на существование слова *хлябь* в русских народных говорах Севера. В. В. Виноградов, рассматри-

---

[3] ЭССЯ 8, с. 32—33; ранее и подробнее: *Трубачев О. Н.* Славянские и балтийские этимологии. — В кн.: Этимология 1975. М., 1977, с. 4—10. М. Ф. Мурьянов подтвердил правильность семантической реконструкции привлечением ряда других памятников славянской письменности. См.: *Мурьянов М. Ф.* Семантика ц.-слав. хлѩбь. — В кн.: Этимология 1979. М., 1981, с.58—60.

[4] *Skok* I, с. 673.

вая истоки слов *расхлябанный*, *расхлябанность*, сформировавшихся на основе северновеликорусских глаголов *расхлябать*, *расхлябаться*, указывал: «Любопытно, что севернорусским говорам известно и слове *хлябь* в значении 'пасть, зев'. Проф. Е. Ф. Будде готов был признать северным провинциализмом употребление слова *хлябь* в одическом стиле М. В. Ломоносова»[5].

Обращает на себя внимание, что на сербохорватской почве слово *hleb*, *hljeb*, *hleb*, *hljep*, *hlip*, *hljab* обнаруживает следующие колебания в звуковом составе слова *b* ∽ *p*, *l* ∽ *lj*, *e* ∽ *i* ∽ *a*, которые можно будет объяснить исключительно как характерные для заимствования, причем преимущественно как для заимствования прежде всего внутриславянского.

Форма *hljab* фонетически полностью совпадает с русской и должна объясняться в качестве русского церковнославянизма, хотя можно объяснить и эту форму как первичную и очень важную для восстановления исходной праформы с фонетической ее стороны.

Что касается наиболее популярных сербохорватских форм с гласным *е*, то они также могут рассматриваться как русизмы с закономерной субституцией (если учитывать лишь графическую сторону) русского *я* сербским *е* (ср. рус. *пять*, *мясо* — с.-хорв. *пет*, *месо*), при этом мягкость русского согласного *л'* то устранялась, то сохранялась, из-за чего возникло колебание, которое как бы вписалось в качестве соответствий между экавскими и екавскими диалектами, а далее путем отталкивания от этих якобы экавских и екавских форм возникла и форма *hlip* вполне икавского облика. Этим объяснением снимается также предположение П. Скока о первичном корневом *ě* в группе вариантов рассматриваемого слова.

Приведенный материал о взаимоотношении рус. *хлябь* и с.-хорв. *hleb* (с вариантами) хорошо показывает, что при этимологизации славянской лексики представляется чрезвычайно важным учет миграции отдельных слов внутри славянского языкового мира. Применительно к русскому языку в исторической лексикологии и этимологии основательно и даже несколько преувеличенно учитывается южнославянский (= старославянский) лексический вклад в русский язык, но гораздо хуже изучен лексический вклад русского языка (в том числе и русского церковнославянского) в языки южных славян[6].

Происхождение слова *хлябь* на русской почве ни у кого не вызывает сомнения: это слово, носящее и сейчас явный церковно-книжный характер, на русской почве является старославянизмом.

---

[5] *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с.174, со ссылкой на: *Будде Е. Ф.* Несколько заметок из истории русского языка. — ЖМНП, 1898, март, с. 157—158 и 172.

[6] Ограничусь одним характерным примером. У южнославянских слов типа болг. *поприще*, макед., с.-хорв. *поприште* в значении 'сфера деятельности' нет истории на почве этих языков, зато она хорошо прослеживается с XVIII в. на русской почве (см.: *Романова Г. Я.* Наименование мер длины в русском языке. М., 1975, с. 19—20), откуда и произошло их заимствование в период славянского национального возрождения.

Из старославянских памятников употребление слова хлаба знают Синайская псалтырь и Супрасльская рукопись. В глаголической Синайской псалтыри (пс. XLI, 8), вообще изобилующей ошибками и описками, читается: бездъна безднѫ призываетъ въ гласъ хлабеі твоіхъ (καταῤῥάκται)[7]. Среди многочисленных ошибок этого памятника есть и один случай смешения а и ѧ: плача вм. плачѧ (л.43_{12}), причем первоначальное а переделано в ѧ «(не писцом?)», как указали на это С. Н. Северьянов (с. 43) и Б. фон Арним[8].

Что касается Супрасльской рукописи, то в ней представлено не само слово хлаба, а производное прилагательное хлабаныи причем оно написано по ошибке вместо хлѣбаныи (ἄρτου)[9] и в расчет приниматься не должно.

В итоге можно сказать, что на почве старославянских памятников слово хлаба (= греч. καταῤῥάκτης) представлено недостаточно надежно и полной уверенности в правильности огласовки ѧ пока быть не может. С другой стороны, корневой вокализм слова в русском языке (и частично в сербохорватском) позволяет допустить возможность исконной огласовки *'а* (графически по-русски *я*), что позволяет в данном случае вести поиски этимологического решения совсем по другому направлению и с учетом возможности заимствования лексемы, в пользу чего говорят не только наличие фонетических вариантов в сербохорватском языке, но и узость распространения слова на славянской почве при его вторичных миграциях в качестве книжного элемента старославянского происхождения. Для старославянского языка в качестве исходной формы есть основания допустить реконструкцию формы *хлꙗба с огласовкой *'а*, которая хорошо поддерживается русским материалом, а также сербохорватским *hljab*, если допустить его происхождение не из русского источника (а такую возможность пока исключить не следует).

Все сказанное об истории слова *хлябь* на славянской почве позволяет вспомнить проницательное предположение П. И. Шафарика о паннонском характере этого слова[10] и его поиски в связи с этим немецкой этимологии для этого слова, не нашедшей, впрочем, сочувствия у более поздних исследователей. Действительно, связь с нем. *klaffen* 'зиять' и предположение первоначального значения 'отверстие, дыра' для слова *хлябь* сейчас не могут быть продуктивными, но привлечение немецкого источника при иной его конкретизации окажется перспективным.

---

[7] *Северьянов С. Н.* Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Пг., 1922, с. 55_4, 387; *Селищев А. М.* Старославянский язык, ч. I. М., 1951, с. 273—275.

[8] *Arnim B. von.* Studien zum altbulgarischen Psalterium Sinaiticum. Leipzig, 1930, S. 59.

[9] *Северьянов С. Н.* Супрасльская рукопись, т. I. СПб., 1904, с. 135; *Meyer K. H.* Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt und Hamburg, 1935, S. 279.

[10] *Шафарик П. И.* О происхождении и родине глаголитизма. М., 1861, с. 40 (Из Чтений ОИДР 1860 г.).

Следовательно, первоисточник слова *хлябь* на славянской почве — старославянский язык, а само слово *хлябь* имеет первоначально ограниченное распространение. «Критерий распространенности всегда влияет на результаты этимологии; ограниченное распространение слова очень часто служит признаком заимствования из иного языка. Конечный результат зависит от того, подтвердят или не подтвердят остальные аргументы этимологического исследования это свидетельство ограниченности территориального распространения»[11]. К этому же предположению подводит и отмеченная ранее фонетическая нестабильность слова на сербохорватской почве. Для первоначально паннонского слова его корни следует искать в немецком языке.

В качестве этимологического источника для слова *хлябь* представляется возможным видеть исконное верхненемецкое соответствие для нижненемецкого по происхождению слова *Klappe* из современного немецкого литературного языка со значениями 'клапан', 'заслонка, вьюшка (печи)', '(откидная) крышка (парты, почтового ящика и т. п.)', 'форточка', 'хлопушка' и т. д. Нижненемецкому *Klappe*, вошедшему и в состав немецкого литературного языка, в верхненемецких диалектах должна была соответствовать форма с результатами второго (верхненемецкого) передвижения начального согласного (*k-* > *ch-*) и с некоторой путаницей в противопоставлении звонкого и глухого согласного[12] во втором слоге -*p*-∽-*b*-. Это, вероятно, было слово, похожее на швейцарское просторечное *Chlappe* 'рот, пасть'[13]. Древневерхненемецкое слово хорошо заполнило потребность паннонских переводчиков с греческого на старославянский и впоследствии вместе с переводами стало путешествовать по славянскому миру.

Полное семантическое тождество старославянского хлѧбь и др.-в.-нем. **chlappe* как обозначения устройства для выпуска воды подкрепляется и достаточно заметной их фонетической близостью, которая поддерживается субституционными моментами в условиях слабого противопоставления твердых и мягких, а также звонких и глухих согласных на почве немецких диалектов (*l* ∽ *l'*, *p* ∽ *b*).

Любопытно, что н.-в.-нем. *Klappe* вторично попало почти во все славянские языки в качестве технического термина типа *клапа*, *klapa* (и с суффиксацией *клапка*, *klapka*) или *клапан* (последнее из мн. числа *Klappen*) для обозначения разного рода откидных крышек и клапанов[14]. При этом оно и на этот раз вторично ис-

---

[11] *Трубачев О. Н.* Лингвистическая география и этимологические исследования. — ВЯ, 1959, № 1, с. 25.

[12] *Жирмунский В. М.* История немецкого языка. М., 1958, с. 122—130.

[13] Schweizerisches Idiotikon. Wörterbuch der schweizerdeutschen Sprache, Bd, III. Frauenfeld, 1895, S. 663. Любопытно совпадение семантики нем.-швейц. *Chlappe* и рус. северного *хлябь* 'пасть, зев', о котором уже шла речь. Ср. также франц. *clapet* 'клапан, рот', восходящее к немецкому источнику.

[14] БЕР II, с. 419, 420; *Sławski* II, с. 186; *Machek*² с. 251. Ср. также франц. *clapet* 'клапан' тоже нем. происхождения.

пытывало различные контаминационные сближения с звукоподражательными словами на почве отдельных славянских языков. И на германской почве *Klappe* считается звукоподражательным словом, причем звукоподражательность постоянно усиливается вторичными уподоблениями.

Восточнославянские диалектные названия для плохой, дождливой погоды, дождя со снегом, типа *хляба* едва ли можно слишком решительно отделять от слова *хлябь*, которое встречалось в библейском описании всемирного потопа (Бытие, VII, 11—12: *хляби небесные отверзошася*) и дало основу для шуточного русского фразеологизма *разверзлись хляби небесные*[15]. Ср. также укр. диал. *хля́павка* 'дождь' (по определению Л. Украинки: «чудовий буковинський термін для дощу»[16]) и *халепа* с многочисленными экспрессивными вариантами, которые переплетаются самым причудливым образом: *ха́лепа*, *ха́лепа*, *ха́лопа* = *хля́ба*, *хля́г'а*, *хля́ка* 'плохая, дождливая погода; непогода'[17]. К этой же «водной группе» следует отнести загадочное венг. диал. *haláp* 'мокрый болотистый луг', не получившее пока удовлетворительной этимологии[18], но, вероятно, представляющееся одним из явных, но пока еще не учтенных славянских включений венгерского языка.

Семантические сдвиги и контаминации у слова *хлябь* на славянской почве начались уже давно, чему способствовали метонимические переносы значения слова, весьма тесно соприкасавшегося с названиями водных объектов в текстах.

Не придавая абсолютного значения материалам старинной восточнославянской лексикографии, отмечу только, что в изданном архимандритом Амфилохием словарике XVI в. «Лексис с толкованием словенских мов просто» слово *хлябы* толкуется в соответствии с исконным его значением как «продухи воднии»[19], а в «Лексиконе славеноросском» Памвы Берынды (1627 г.) уже обнаруживаем наряду со старым и новое толкование в двух сходных словарных статьях: «хлѧ́би: пра́духи во́дныи, водѣ̀ оуп*ѹст*, ворота̀, ґвалтовная вода̀» и чуть ранее: «хлѧ́бъ: гвалто́вна҄ѧ вода̀ про́рв*а*, окни́ско, мѣ́стце оурва́ное въ рѣцѣ̀, гдѐ вода̀ ра́чей лл*ѧтсѧ* а не тече́тъ, затамова*н*е, а́бо кра́ты оу бро́нѣ мѣ́сцкихъ»[20].

Предложенная здесь этимология слова *хлябь* построена преимущественно на учете внутриславянского материала и путей ми-

---

[15] *Ашукин Н. С.*, *Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1960, с. 519.
[16] Словник української мови, т. XI. Київ, 1980, с. 91.
[17] *Лисенко П. С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974, с. 222, 224.
[18] A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, II. kötet. Budapest, 1970, с. 33; *Лыткин*, *Гуляев*, с. 114.
[19] Цит. по переизданию в кн.: Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская. Київ, 1964, с. 193.
[20] Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, 1961, с. 143 (новой пагинации издания). Ср. также: Лексикон латинський Є. Славинецького. Лексикон словено-латинський Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. Київ, 1973, с. 526; «хлябъ. мѣсце ува́рное в(ъ) водѣ. Cataracta. Emissarium Effluvium. Lacus.»

грации книжного слова по славянскому языковому миру. Учет материала письменных памятников церковнославянского языка с разных территорий, а также истории этих памятников поможет уточнить предполагаемые вехи движения слова в славянских языках, сделать их более конкретными и наглядными.

В заключение представляется важным остановиться и на форме *hlop*, которая отмечается загребским словарем[21] на основе нескольких цитат с библейскими реминисценциями у авторов XV—XVIII вв., но не учтена исследователями. Эта форма является непосредственным и точным отражением верхненемецкого *Chlappe* (с кратким *a*, давшим на славянской почве *o*). Скорее всего именно форме *hlop* обязаны своим появлением глухие исходы у форм *hlep*, *hljep*, *hlip*[22].

Э. П. Хэмп*

ЗАМЕТКИ

жа́ба

Статья *жаба* I Bufo в словаре Фасмера содержит все существенные формы: укр. *жа́ба*, болг. *жа̀ба*, с.-хорв. *жа̏ба*, словен. *žába*[1], чеш. *žába* и т. д.[2]. Праславянская форма должна быть **žābā*. Фасмер реконструирует **gēbā* и сравнивает его с др.-прус. *gabawo* и др.-сакс. *quappā*, ср.-нидерл. *quappe*, ср.-н.-нем. *quabbe*, *quobbe*. Фасмер цитирует также мнение Махека о важной роли жабы в народных верованиях. Махек же ничего не добавляет к настоящей аргументации[3]. Его предположение о том, что **gēbā* было звукоподражательного происхождения, не является ни убедительным, ни принципиальным, ни обоснованным; оно представляется скорее petitio principii. В Болгарском этимологическом словаре, вслед за обильным материалом и добавлением ценных сведений о заимствованиях в неславянские языки Балканского полуострова, реконструируется **gēbā* < и.-е. **g^{w}ēbhā*[4]. В других отношениях больше ничего не добавляется. То же в словаре Скока[5].

---

[21] RJA III, с. 632.

[22] Следует упомянуть также попытку В. В. Мартынова (см. *Мартынов В. В.* Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968, с. 130—131) отыскать возможность исконной этимологии для этого трудного слова с проявлением «фоносемантических уподоблений», но В. В. Мартынов исходит из праформы **xlębъ* 'пучина, водная глубина', которая неспособна объяснить многообразие славянских форм (особенно сербохорватских).

[1] О неправильном отнесении к нашему этимону фриул. *záve* см. *Plomteux H.* Un presunto slavismo in friulano: *záve* 'rospo'. — In: Škerljev zbornik (= Linguistica XII), Ljubljana, 1972, с. 195—206.

[2] *Фасмер* II, с. 31.

[3] *Machek*[1], с. 590.

[4] БЕР I, с. 520.

[5] *Skok* III, с. 669.

Самое последнее по времени подробное исследование рассматриваемого слова, известное мне, принадлежит Стангу[6]. Статья, посвященная этому слову в его монографии, имеет помету, обозначающую, что этимон не принадлежит к числу тех, которые автор считает надежными для описываемых им отношений. Следует привести текст Станга почти полностью: «др.-прус. *gabawo* 'жаба', рус. *жа́ба*, с.-хорв. *жа̏ба*, чеш. *žába*, польск. *żaba* < **gēbā*. — Др.-сакс. *quappa* 'головастик', ср.-н.-нем. *quabbe* 'влажная масса'. — Др.-прус. *gabawo* имеет, по-видимому, иную ступень огласовки, нежели славянские формы, и обнаруживает тот же суффикс, что в лтш. *cìẽlava* 'трясогузка', *raudava* 'дикая утка', см. Endzelin, Senpr. val., с. 174. — Лат. *bufo* 'жаба' должно быть, судя по интервокальному *b*, диалектным по происхождению. Начальное *bu*- не соответствует ни праслав. **gē*- < **gʷē*-, ни др.-прус. и герм. формам на *ga*-, resp. *qua*-». Далее Станг, следуя за Эрну, вполне обоснованно допускает, что *bufo* может быть оскским. Более доступное исследование суффикса в *gabawo* (суффикс индоевропейских названий живых существ) представлено в недавно переведенной работе Эндзелина[7].

Следует далее отметить, что орфографическое *a* в др.-прус. *gabawo* (Эльбинг., 779) может читаться как [ā][8]. Более того, для Эльбингского словаря возможна даже передача [ē] на письме как *a*[9]. Во всяком случае, мы просто не можем окончательно решить, что представляло собою *gabawo*. Следует руководствоваться обширным славянским материалом.

Наша проблема недавно было значительно упрощена. Ясно, что германские формы, в частности др.-сакс. и нидерл., указывают определенно на исходное **kʷap*-, которое предполагает более раннее **gʷab*- или **gʷob*-. В. Винтер показал, что исконные звонкие согласные обусловливали в балто-славянских языках удлинение в предшествующем слоге[10]. Следовательно, слав. **ž'ābā* < **gēbā* может быть возведено к **gʷebā* и непосредственно сопоставляется с герм. **kʷap*- < **gʷob*-[11].

---

[6] *Stang Chr. S.* Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo, 1972, S. 20—21.

[7] *Endzelīns J.* Comparative Phonology and Morphology of the Baltic Languages. Mouton, 1971 (Transl. Schmalstieg W. R. and Jēgers B.), p. 95, § 109, b. 2.

[8] *Schmalstieg W. R.* An Old Prussian Grammar: the Phonology and Morphology of the Three Catechisms. Penn. State Press, 1974, p. 16, 213—214; относительно Эльбингского словаря см. *Levin J. F.* The Slavic Element in the Old Prussian Elbing Vocabulary. — University of California publications in linguistics. Berkeley, 1974, 77, p. 5, 7.

[9] См.: *Levin*. Op. cit., 9, § 5.1. Радикальным было бы предположение, что *a* здесь передает *ea*.

[10] *Winter W.* The distribution of short and long vowels ... in Baltic and Slavic languages. — In.: Recent developments in historical phonology. Mouton, 1978, p. 431—446, особенно 438.

[11] Совсем не ясно, относится ли сюда жемайт. *gėbinė* 'белая сыпь', приведенное Скоком (*Skok* III, с. 669), и если относится, то с каким диалектным развитием; неясно также, не является ли здесь *e* жемайтским

Теперь очевидно, что *$^{*}g^{w}$eb-* / *$^{*}g^{w}$ob-* является вполне вероятным региональным или диалектным северно-европейским образованием. Только наличие **b* делает этот этимон, вероятно, невозможным для общеиндоевропейского[12]. Далее, сосуществование двух звонких согласных противоречит индоевропейским фонетическим правилам относительно структуры корня и указывает на позднее диалектное образование[13].

Итак, можно убрать помету, сопровождающую рассматриваемое слово в работе Станга, и присоединить эту лексему к фонду северно-европейского словника, восходящего к автохтонным источникам.

жеребёнок

Фасмер[14] справедливо связывает рус. *жеребёнок*, укр. *жереб'я́*, болг. *жребе́*, с.-хорв. *ждрѝјебе*[15], словен. *žrebè*, чеш. *hříbě*, словац. *žriebä* с греч. βρέφος. Следует отметить, что праславянской формой должно быть **žerbę̑*, восходящее к **gerbén-*. Фасмер и Скок сравнивают славянское слово далее с др.-инд. *gárbha-*, авест. *garəva-*, что невозможно, так как последние восходят к *$^{*}g^{w}$olbho-*[16]. Это признает Покорный[17], хотя у него отсутствует указание, что **žerbę̑* должно отражать *$^{*}g^{w}$erbh-*[18]. Так как **žerbę̑* является продуктивным образованием, следует допустить промежуточное *$^{*}g^{w}$r̥bh-*. Поэтому мы предполагаем и.-е. корень *$^{*}g^{w}$rebh-* → *$^{*}g^{w}$rebh-es* (> βρέφος) со структурой типа **prek'-*. Тогда от какой-то незасвидетельствованной промежуточной нулевой ступени *$^{*}g^{w}$r̥bh-* было образовано новое *$^{*}g^{(w)}$erb(h)-* → **gerb-én*, подобно тому, как, например, образованы лит. *peršù* или умбр. *persklu*[19].

Нет никаких оснований реконструировать для этого корня носовой, который предполагается формой ср.-ирл. *brommach*, введенной в гнездо *$^{*}g^{w}$rebh-* Покорным[20], равно как нет оснований и для реконструкции *o*-ступени. Скорее следует перенести среднеирландское слово в гнездо **bhreu-s-* 'набухать'[21] и реконструировать **bhrus-m-āko-*, то есть **bhrus-* 'venter, uterus' *-mo-* (именной показатель) + *āko-* 'относящийся к ...'.

Перевела с английского *Ж. Ж. Варбот.*

рефлексом *ė*, см. *Zinkevičius Z.* Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, с. 479, карта 34.

[12] См. в этой связи *Hamp E. P.* — The North European word for 'apple'. — ZfceltPh 1979, 37, S. 158—166.

[13] См. мои замечания об этом: *Hamp E. P.* 'Cut' and 'meat' in Germanic. — Acta Philologica Scandinavica 1975, 30, p. 49—51.

[14] *Фасмер* II, с. 48.

[15] Относительно интонации в этой форме ср. *ždrijèbe* у Скока — *Skok* III, с. 673.

[16] *Pokorny*, I, S. 473.

[17] Там же, с. 485.

[18] Словарь Фриска (*Frisk* I, S. 266) содержит верные общие наблюдения, но не объяснение; данные словаря Шантрена (*Chantraine*, p. 195) менее ценны.

[19] См. *Hamp E. P.* Some Italic and Celtic correspondences. — KZ 1977, 91, S. 240 ff.

[20] *Pokorny* I, S. 485.

[21] Там же, с. 170.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА.

Ни германские, ни балтийские родственные формы не подтверждают обычно реконструируемую праформу праслав. **žaba* — **gēbā*, которую принимает и Хэмп (выше), напротив, они противоречат ей и отражают лишь **a*, а не **e*. В качестве правильного славянского рефлекса ожидалось бы (даже если принять удлинение перед звонким согласным, по Винтеру) только **gaba*, но не **žaba*. Появление последней формы Хэмп нам все-таки не объяснил. Природа специфической славянской формы, очевидно, — в изначальной ее экспрессивности, которая делает понятной, по-видимому, и наличие здесь именно и.-е. **b* и и.-е. **a* (а не **o*, как у автора «Заметок»). Предположение Махека о звукоподражательности **žaba* отнюдь не беспочвенно, напротив, оно служит для нас намеком на то, что в этом слове не следует искать регулярную апофонию и что дело здесь, по-видимому, вообще не в апофонии, а в экспрессивной палатализации согласного: **gaba* > **g'aba* > **žaba*. Эта точка зрения уже высказывалась в литературе (G. Shevelov. A prehistory of Slavic. The historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964, p. 259—260; *Idem.* Dwie uwagi o słowiańskim *ě* — In: Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. 5. Warszawa, 1965, с. 93—95; Топоров. Прус. яз. E—H, с. 125).

А. Ф. Журавлев

К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВ. **skotъ*

Слав. **skotъ* (ст.-слав. скотъ κτῆνος, ζῷον, болг. *скот* 'скот', с.-хорв. *ско̏т*, словен. *skȍt* 'детеныш животного, приплод'; др.-чеш. *skót*, чеш. *skot* 'крупный рогатый скот', польск. *skot*, кашуб. *skœt*, в.-луж., н.-луж. *skót*, полаб. *sküöt*; др.-рус. *скотъ* 'скот', 'имущество', 'деньги, подать', ср. *скотьница* 'казна', рус. *скот*, *скотина*, укр. *скот*, *скотина*, блр. *скаціна*) до сих пор удовлетворительно не разъяснено, хотя недостатка в предлагавшихся толкованиях его происхождения нет. В своей книге, посвященной генезису славянских названий домашних животных, О. Н. Трубачёв, критически подходя ко всем выдвигавшимся этимологиям этого слова (заимствование из германских языков, ср. гот. *skatts* δηνάριον, μνᾶ, др.-исл. *skattr* 'налог', др.-сакс. *skat* 'монета', 'состояние', совр. нем. *Schatz* 'сокровище', — наиболее популярная этимологическая версия; *skotъ* : *щетина*, по Г. А. Ильинскому; *skotъ* < **skok-to*, ср. *skakati*, по М. Рудницкому; *sъkotъ* 'приплод, выводок' : *kotiti sę* 'плодиться', по В. В. Мартынову[1]), ничего им

---

[1] *Miklosich*, S. 303; *Преображенский* II, с. 310; *Фасмер* III, с. 655; *Brückner*, S. 495—496; *Machek*², S. 548; *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, с. 397; *Ильинский Г. А.* Славянские этимологии. LI—LX. — РФВ, т. 73, 1915, с. 281 и след.; *Rudnicki M.* Sufiksy z *-r-*. — SO 13, 1934, 111—112; *Мартинов В. В.* Проблема первісної префіксації і найстаріші слов'яно-германські мовні зв'язки. — Труды Одесского универси-

в противовес не предлагает и считает этимологию слав. *skotъ «неясной»[2].

Однако, на наш взгляд, одно из перечисленных объяснений этого слова, а именно версия, согласно которой *skotъ этимологически возводится к *kotiti (sę), заслуживает более пристального внимания. Возможность такой этимологизации в значительной степени заслоняется интересом к устойчивым семасиологическим эволюциям классического типа 'скот' ⇄ 'имущество', 'скот' ⇄ 'деньги', широко представленным во многих языках, в том числе и славянских[3], однако модель образования названий скота от наименований имущества, товара, денег является, разумеется, не единственно вероятной.

Связь существительного *skotъ с глаголом *kotiti (sę) предполагал еще П. Шафарик[4]. В. В. Мартынова это слово занимает прежде всего с точки зрения славяно-германских языковых взаимоотношений и рассматривается им как пример лексического заимствования из славянского в германский («со средней относительной надежностью»). В объяснении формального облика исконнославянского, по Мартынову, слова *skotъ есть известная непоследовательность: s- в начале слова интерпретируется то как рефлекс т. н. «подвижного s» в индоевропейском[5], то как результат девокализации префикса sъ- (*sъ-kotъ 'род (о животных), приплод'), где -ъ- утрачен, по логике В. В. Мартынова, еще в праславянском: «праслав. (!) skotъ могло возникнуть из первичного *sъkotъ»[6]. Более правдоподобным является, по нашему мнению, первое предположение. В. В. Мартынов привлекает в качестве соответствий к славянской форме др.-греч. κτάομαι 'наживать, приживать, порождать', κτῆμα 'нажитое имущество, богатство', κτῆνος 'скот, имущество', последнее из которых «следует рассматривать как об-

---

тета, т. 147. Серия филологических наук, вып. 6. Одесса, 1957, с. 182—183; *Мартынов В. В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (К проблеме прародины славян). Минск, 1963, с. 183 и след. В последнее время В. И. Абаевым поддержана иранская этимология Э. Леви: ст.-осет. *skat* (< иран. *fšu-kata* 'помещение (*-kata*) для овец (*fšu-* из *pasu-*)') → «ст.-слав.» *skotъ* → герм. *skat*: «Как известно, ни на германской, ни на славянской почве эти слова не поддаются анализу» (*Абаев* III, с. 123—124).

[2] *Трубачев О. Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках (Этимологические исследования). М., 1960, с. 101—102.

[3] Там же, с. 102—104; *Трубачев О. Н.* «Молчать» и «таять». О необходимости семасиологического словаря нового типа. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1964, с. 104. *Коннова В. Ф.* Славянские лексико-семантические изоглоссы, связанные с названиями скота. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974, с. 139—140.

[4] *Šafařík P. J.* Sebrané spisy, т. III, Praha, 1865, s. 483 (цит. по: *Machek*[2], с. 548).

[5] См.: *Мартынов В. В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие. . . , с. 184.

[6] Там же, с. 186.

разование на *-no-s* с долгой огласовкой суффикса и нулевой — корня (< *(s)kt-ēn-os)*»[7].

Основанием для сближения **skotъ* и **kotiti (sę)* 'плодиться, приносить потомство' служат формы с.-хорв. *скȍтна* 'беременная' (*скотна крава, скотна овца*), *скȍтница* 'беременное животное'[8], *скȍт*, словен. *skȍt* 'детеныш животного, приплод', рус. диал. *скотная коза* 'суягная'[9]; ср. глагольные и производные от них формы, не отражающие начального *s-*: рус. *котиться* 'рожать детенышей (о кошках[10], куницах, хорьках, зайцах, овцах, козах)', укр. *котитися, кiтна* (**котьна*) 'беременная (о животных)', *обкiт* 'окот (овец)', болг. *котя се* 'котиться', *котило* 'место окота', 'окот, потомство', с.-хорв. *(о)кȍтӣм, кȍтити се* 'щениться, котиться, рожать (о животных)', *котило* 'место окота', *кȍт*, род. п. *кȍта* 'выводок птенцов', словен. *kotiti* 'котиться', *kȍt* 'выводок, приплод', чеш. *kotiti se* 'котиться', польск. *kocič się* 'котиться, ягниться и т. д.', *kotna* 'беременная, суягная', *wykot* 'окот', в.-луж. *kócić so, kóćować* 'забеременеть' и др. (Словарь М. Фасмера, откуда приводится данная сводка славянских форм, допускает не предусмотренную автором возможность этимологического отождествления слов *скот* и *котиться*: отрицая эту связь и признавая **skotъ* германизмом, Фасмер тем не менее словен. *skȍt*, род. п. *skóta* 'приплод' включает в обе указанные словарные статьи).

С точки зрения семантики возведение названия скота к глаголу со значением 'рождать, плодиться' вполне оправдано. Более того, оно поддерживается целым рядом типологических параллелей. Тюрк. *tovar, tuvar, tavar* 'скот' и проч.[11] восходит к **toγ-*, **tuγ-* 'родить, родиться', 'ягниться'. Особо заслуживают внимания в этой связи такие значения, отмечаемые у форм, отражающих тюркскую основу **toγ-*, как 'молодняк скота' (в каракалпакском), 'теленок', 'молодое животное вообще' (в калмыцком — из тюркских). В языке барабинских татар отмечается слово *йеник* 'животное', связанное с общетюрк. *enik* 'детеныш, молодое животное' (значения соответствий в других тюркских языках: 'детеныш животных и зверей', 'молодое животное', 'щенок', 'ребенок, младенец', 'выкидыш', подзывное слово для собак и др.), производным от глагольной основы *en-* 'рожать' (в словаре Махмуда Кашгар-

---

[7] Там же, с. 184 (со ссылкой на: *Stender-Petersen A.* Slavisch-Germanische Lehnwortkunde. Göteborg, 1927, S. 310); *Мартынов В. В.* К лингвистическому обоснованию гипотезы о висло-одрской прародине славян. — ВЯ 1961, № 3, с. 55.

[8] *Толстой*[2], с. 875.

[9] *Даль*[4] IV, стб. 215 (с примечанием: «ошибч. *сукотная*», ср. *суягная*).

[10] Нет нужды доказывать отсутствие непосредственной этимологической близости **kotiti sę* и **kotъ* (см.: *Фасмер* II, с. 350; *Трубачев О. Н.* Происхождение названий домашних животных. . . , с. 97—98). Но лат. *cattus* 'дикая кошка', из которого слав. **kotъ*, по-видимому, все же в родстве с рассматриваемыми славянскими лексемами (см. также ниже).

[11] *Радлов* III, стб. 985, 1341, 1516, 1645.

ского — только о женщине)[12]. К и.-е. **per-* 'родить' возводятся греч. πόρις, πόρταξ 'теленок, телка', др.-инд. *pṛthuka* 'вол, теленок, детеныш', арм. *ortʿ* (*hortʿ*) 'теленок', чеш. *spratek*, *zpratek* 'преждевременно родившийся детеныш животного'[13], ср. рус. *выпор(о)ток*, и др. Ностратический корень **Ḳanʌ* 'рождать(ся)' отразился в и.-е. **ken-* 'рождаться, молодой', откуда далее (с «подвижным *s*») ст.-слав. *štenę* 'щенок, детеныш животного' и под., арм. *skund* 'щенок', и в дравидийском **kan-* с продолжениями в значениях 'молодой детеныш', 'теленок', 'ягненок', 'ягниться', 'младенец, сын' и др.[14]

Таким образом, вырисовывается путь семантического развития 'рожать, плодиться' → 'детеныш' → 'молодое животное' → 'животное' → 'скот', с возможными побочными ответвлениями от различных звеньев этой семантической цепи (в частности, 'детеныш животного; молодое животное' → 'детеныш животного определенного вида' : 'ягненок', 'теленок', 'щенок').

Возможность семантического перехода 'приплод, потомство' → 'скот' у слав. **skotъ* подтверждается хотя бы польской параллелью *zwierzęta (domowe)* 'домашние животные, скот', в котором явно присутствует слав. формант *-ęt-*, оформляющий названия детенышей (ср. рус. *зверята*). Примечательно, что А. Мейе[15], а вслед за ним О. Н. Трубачев[16], в суффиксе *-ęd-* в с о б и р а т е л ь н о м наименовании (взрослого) крупного рогатого скота **gov-ęd-o* видят аналог форманту *-ęt-*. Вероятно, ту же семантическую тенденцию, т. е. восхождение названия взрослого животного к названию потомства, можно обнаружить и в наименовании взрослого (некастрированного) самца лошади *жеребец*, ср. греч. βρέφος 'плод, новорожденный, ребенок, детеныш', др.-инд. *gárbhas* 'материнское чрево, плод во чреве', авест. *garəva-* 'то же' < и.-е. **gerbh-* / **gʷerbh-* / **gʷ-rebh-* 'чрево, утроба'[17].

Рассматриваемую семантическую модель 'приплод, потомство' → 'скот' допустимо, на наш взгляд, обобщить путем обращения к этимологиям различных индоевропейских названий 'птицы'. Сделанный в одной из недавних работ О. Н. Трубачева обзор этимологических соответствий к индоевропейским словам призван показать, что «древним значением лексемы 'птица' ... было 'детеныш, выкормыш', а не 'летун, то, что летает'»[18], ср.: к слав.

---

[12] *Севортян* I, с. 281—283.
[13] *Machek*², с. 571.
[14] *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b — Ḳ). М., 1971, с. 335—336. Ср. сводку ностратических корней с этимоном 'рождать' и его семантическими продолжениями в: *Иллич-Свитыч В. М.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. — В кн.: Этимология 1965. М., 1967, с. 361.
[15] *Meillet A.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, II. Paris, 1905, p. 323.
[16] ЭССЯ VII, с. 74.
[17] *Трубачев О. Н.* Происхождение названий домашних животных..., с. 53.
[18] *Трубачев О. Н.* Реконструкция слов и их значений. — ВЯ 1980, № 3, с. 11.

**pъtica* — лат. *putus* 'дитя', др.-инд. *putrá-* 'сын', *póta-* 'детеныш животного', лит. *paũtas* 'яйцо'[19]; к англ. *bird* — др.-англ. *bridd* 'птенец' (!), англ. *breed* 'выращивать', *brood* 'высиживать (яйца)', нем. *brüten* то же; к лат. *avis* — лит. *veĩsti* 'плодить(ся), размножаться', лтш. *veist* 'выращивать, размножать' < и.-е. **u̯ei̯s-*; к греч. ὄρνις — ἔρνος 'отпрыск, потомок' и далее ὄρνυμαι, ὄρνυμι 'начинать(ся), рождать(ся)'. Наименования 'птицы', таким образом, могут служить типологической параллелью к модели образования совокупного или отвлеченного от «видовых» характеристик названия для целого «класса» животных (в данном случае этот «класс» описывается как 'домашние сельскохозяйственные животные') от названия 'потомства, приплода, детенышей'.

Сказанное снимает необходимость в апелляции к «первоначальному» значению 'скот, домашние сельскохозяйственные животные' у слова *skot* на южнославянской территории для объяснения генезиса значения 'скотина (о человеке)', вопреки соображениям В. Ф. Конновой[20] (значения 'домашнее животное' и под. известны в болгарском только книжной и «поэтической» речи, что указывает, как можно предположить, на русское влияние). Использование лексем *skot*, *skotina* в качестве бранных слов вполне аналогично употреблению с пейоративными интенциями рус. *отродье*, с.-хорв. *изрод* и др. (ср., далее, *выродок*, *изверг*, а также *семя* с необходимыми адъективными определениями), ориентированных в семантическом отношении на понятие 'потомства', 'рожденного'[21].

На связь слав. **skotъ* с **kotiti* косвенно указывает еще одна лексико-семантическая параллель. В восточнославянских, преимущественно южнорусских, говорах широко известны слова *котя́х*, *катя́х*, *котя́к*, *котя́ш*, *котяшо́к*, *ка́тенье*, *кацця́х* и др. 'помет лошади, овцы, козы', 'комок кала', 'высохшая лепешка навоза', 'кизяк', 'замерзший кусок кала' и т. п.[22]. Родство этих слов (в словаре М. Фасмера оставленных без внимания) с глаголом *котиться* 'приносить потомство' кажется на первых порах несколько неожиданным или, во всяком случае, неочевидным, однако оно не будет выглядеть неправдоподобным, если вспомнить об омонимичных отглагольных образованиях *помёт* 'кал животных, птиц' и *помёт*

---

[19] Ср.: *Фасмер* III, с. 398; *Fraenkel* I, с. 554; *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, с. 51—52.

[20] См.: *Коннова В. Ф.* Указ. соч., с. 142.

[21] *Вайян А.* (RÉS, 1933, t. 13 (Chronique), p. 251) пытается сравнить рус., укр. *кодло* 'отродье', 'род, племя' с *котиться* 'рожать (о животных)'. М. Фасмер полагает это сближение ошибочным (см. *Фасмер* II, с. 275).

[22] См.: *Филин* XIII, с. 127, 128, 135; XV, с. 118, 119; *Даль*[4] II, с. 460; *Тиханов П.* Брянский говор. Заметки из области русской этнологии.— Сб. ОРЯС, 1904, т. 76, № 4, с. 51; *Халанский М. Г.* Народные говоры Курской губернии (Заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии). — Сб. ОРЯС, 1904, т. 76, № 5, с. 367; *Миртов*, с. 148; Донской словарь II, с. 84; *Ва́снецов*, с. 113; *Шатэрнік*, с. 133; и др.

'единовременный приплод некоторых животных, например собак, кроликов' (ср. *метать* 'рождать потомство (о зайцах, кроликах и др.)', *метать икру*)[23]. Таким образом, мы имеем дело по крайней мере с двумя семантически параллельными разнокорневыми парами 'потомство, приплод' : 'кал, испражнения', 'приносить потомство, плодиться': 'испражняться'[24]. Нет нужды доказывать определенное сходство этих двух физиологических явлений. (В этой связи заслуживает упоминания одно сравнение, делаемое О. Н. Трубачевым: «Лит. *šū̃das* 'дерьмо, помет', лтш. *sũds* 'помет, навоз, дерьмо', этимология которых признается Френкелем неясной, могут быть специально сближены помимо глоссовых названий свиного помета и спермы — греч. ὑσ-κυθά· ὑὸς ἀφόδευμα, κυθνόν· σπέρμα (и то и другое — Гесихий), также с авест. *xšudra-* 'semen', которое может продолжать вместе с балтийским и.-е. **k'sud(h)-* / **k'sūd(h)-*»[25].)

Слав. **kotiti (sę)*, с которым мы связываем слово **skotъ*, Ю. Покорный включает в этимологическое гнездо и.-е. **kăt-* 'приносить потомство; детеныш животного', объединяя его с лат. *catulus* 'детеныш животного, особ. молодая собака или кошка', умбр. *katel* 'catulus', др.-исл. *hađna* 'молодая коза', ср.-в.-н. *hatele*, н.-в.-нем.-швейц. *hatle* 'коза'[26]. Учитывая спирантный анлаут в славянском, а также, возможно, относящиеся сюда же латинские формы *scătĕo*, *scătēre*, архаичн. *scăto*, *scătĕre* 'бить ключом', метафорически 'появляться во множестве, изобиловать'[27], следует допустить вероятность существования варианта указанной индоевропейской корневой морфемы с *s*-mobile.

Итак, по нашему мнению, слав. **skotъ* этимологически означало не 'состояние, имущество, деньги', как предполагается сторонниками германского происхождения этого слова в славянском[28], а (подобно наименованиям 'птицы', см. выше) 'плодящееся, известное своей плодовитостью, приносящее потомство' или, скорее, 'приплод, потомство, рожденное, произведенное на свет'. Его «по-

---

[23] Может быть предположена связь упомянутых названий кала с *катать* (ср. *катышек* и под.); но она кажется нам менее вероятной.

[24] В ЭССЯ VII, с. 78, упоминается старая этимология слав. **govьno*, возводящая целую серию индоевропейских названий нечистот и экскрементов «к особому и.-е. **gʷou-* 'нечистоты, экскременты', кстати, фонетически совпадающему с **gʷou-* 'крупный рогатый скот'».

[25] *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений. — В кн.: Этимология. 1965. М., 1967, с. 14—15.

[26] *Pokorny* I, S. 534; ср. *Berneker* I, S. 590.

[27] Ср.: *Berneker* I, S. 592 (под вопросом).
О слав. **kot-* / **kat-* 'катить, валить и т. д.', относимых к продолжениям и.-е. **(s)kēt-* / **(s)kət-*, специально см.: *Львов А. С.* О славянских словах с корнем **kot-*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. II. М., 1962. В. Н. Топоров (*Топоров В. Н.* О праславянском **kot-*. — ВСЯ, 1962, 6, с. 173) реконструирует и.-е. **kat-* в значении 'метать, бросать' (ср. *метать* 'рожать', *помет*, *выкидыш*, нем. *Junge werfen*).

[28] Справедливости ради следует отметить, что решение вопроса о происхождении германских слов в результате нашей этимологизации так и остается повисшим в воздухе.

сессивная» семантика вполне может быть признана вторичной по отношению к значению 'скот', так как известные примеры семантического движения от одного к другому демонстрируют его обоюдонаправленность [29].

Р. Мароевич *

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ. 1 — 2

1. Форма *ꙗсынꙗ* в древнерусских летописях

В Картотеке Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (хранится в Институте русского языка АН СССР в Москве) зафиксированы два примера употребления слова *ꙗсынꙗ*, один в Лаврентьевской (ЛЛ), а другой в Ипатьевской (ЛИ) летописях.

Ꙗрополкъ ходи на половьчьскую землю. . . . и приведе с собою *ꙗсы* и жену полони собѣ *ꙗсыню* ЛЛ 1377, л. 96 об. (1116) кнѧзь кыевьскыи стославъ всеволодичь ѡжени в сна. за глѣба поꙗ. рюриковноу. а за мьстислава *ꙗсыню.* из володимерѧ соуждальского. всеволожю свесть ЛИ ок. 1425, л. 219 (1182).

На основании первого из приведенных примеров П. С. Кузнецов пытался объяснить слово *ꙗсынꙗ* как женский патроним (собственно притяжательное прилагательное в функции патронима) от иноязычного личного имени *ꙗсы*: «Отличается от только что рассмотренного [образования типа *борисковна.* — *Р. М.*], хотя и связано с ним (и в то же время отличается от старого образования на *-j-* [типа *володимерѧꙗ.* — *Р. М.*], хотя имеет общее и с ним), единичное образование от иноязычного имени *ꙗсы* — *ꙗсынꙗ*: и приведе с собою *ꙗсы* и жену полони собѣ *ꙗсыню* (л. 96 об.), т. е. 'дочь Ясы'; образование содержит *n*, как это имеет место в прилагательном притяжательном, обозначающем 'дочь такого-то', но *ь* здесь, после гласного, отсутствует этимологически, само же *n* выступает как *ń*, напоминая образования с *j*. Форма от этого образования употреблена, как видим, именная» [1].

Насколько приемлема интерпретация П. С. Кузнецова? В ее поддержку можно было бы привести старославянские притяжательные прилагательные типа *Salańь* (см. заметку 2), которые как будто также образованы от полной формы иноязычного личного имени с помощью суффиксального элемента *-ńь*. Однако неубедительно приводить в качестве доказательства образования, которые в научной литературе отмечены как странные и искусственные, сами требующие специального объяснения. При этом, если гре-

---

[29] См.: *Трубачев О. Н.* «Молчать» и «таять». . .

[1] *Кузнецов П. С.* Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, с. 160.

ческие и грецизированные nomina propria, от которых известны притяжательные прилагательные типа *Salańь*, легко включались в старославянском в парадигму славянских *ā*-основ, то предполагаемое личное имя **Ясы* могло быть воспринято как несклоняемое, однако известно, что праславянский язык (и славянские языки на ранних этапах своего развития) имел строгую грамматическую систему, так что существительные иноязычного происхождения, включая и собственные личные имена, фонетически и морфологически адаптировались и включались в систему именного склонения. Исходить из несклоняемого личного имени **Ясы* значило бы, следовательно, фактически признать наличие в древнерусском языке несклоняемых существительных и возможность создания на их базе новых слов.

Затруднения вызывает и толкование П. С. Кузнецовым суффикса. Женские патронимы в древнерусском языке были весьма продуктивной категорией, для их образования был характерен суффикс *-ъна*$>$*-на*[2]. Предполагаемый женский патроним ꙗсынꙗ был бы исключением, имеющим суффикс *-ńа* с *ń* палатальным, которое было бы трудно истолковать.

Судя по всему, объяснение форм ꙗ*сы и* ꙗ*сын*ꙗ нужно искать в другом направлении.

По нашему мнению, форма ꙗ*сы* в Лаврентьевской летописи — форма винит. падежа мн. числа *ŏ*-основы **jasъ* со значением мужского этнонима, тогда как ꙗ*сыню* (в обеих летописях) — форма винит. п. ед. ч. женского этнонима ꙗ*сын*ꙗ. Согласно этому, форма ꙗ*сын*ꙗ образована присоединением продуктивного суффикса лица женского рода *-yńi*$<$*-yni* к основе существительного **jasъ* подобно тому, как форма *грькын*ꙗ 'гречанка' получена с помощью этого же суффикса от этнонима *грькъ*. Летописный отрывок 1116 года мы интерпретируем по-другому: Ярополк привел из Половецкой земли в качестве пленников какое-то число людей из племени, именуемого *ясы*, и привел себе в жены одну *ясыню*, женщину из этого племени.

Наше толкование поддерживается словообразовательным и семантическим анализом слов с корнем *jas-* в древнерусских памятниках.

1. Племя (или народность) ꙗ*си* (в форме винит. п. мн. ч. ꙗ*сы*) упоминается в Новгородской (ЛН) и Лаврентьевской летописях в контексте, который недвусмысленно подтверждает, что речь идет об этнониме:

$<$придоша ꙗзици незнаѥмі ... а зовоуть ꙗ татары$>$многы страны поплѣниша. ꙗ*сы*. ѡбезы касогы. и половьчь безбожьныхъ множьство избиша ЛН XIII—XIV, л. 96 (1224) — ср. это место и в ЛЛ 1377, л. 153 (1223);

иде стославъ на козары ... ѡдолѣ стославъ козаромъ ... ꙗ*сы* побѣди и касогы ЛЛ 1377, л. 19 (965)

---

[2] На эту тему предполагается публикация нашей статьи «Патронимы в системе посессивных категорий древнерусского языка».

2. От основы *jas-* с помощью сингулятивного суффикса *-inъ* образован мужской этноним *ꙗсинъ*:

началникъ же оубиицамъ петръ кучковъ зать. аньбалъ *ꙗсинъ* ключни[8]. ꙗкымъ кучковичь ЛЛ 1377, л. 124 об. (1175) — ср. это место и в ЛИ ок. 1425, л. 207 (1175);

прииде амбалъ ключникъ. *ꙗсинъ* родомъ тотъ бо ключь держашеть оу всего дому кнѧжа ЛИ ок. 1425, л. 208 об. (1175).

Соотношение *jasinъ* — *jasi* и со словообразовательной и с семантической точки зрения полностью соответствует соотношению *србин — срби* в сербохорватском языке.

3. С помощью суффикса *-ьskъ(jь)* от основы *jas-* образовано относительное прилагательное *ꙗсьскыи*:

ꙗрополкъ приведе собѣ жену красну велми. *ꙗсьскаго* кнѕѧ дщерь ЛИ ок. 1425, л. 106 (1116).

В примере, взятом из Ипатьевской летописи, синтагма *ꙗсьскаго* кнѕѧ дщерь употреблена вместо формы *ꙗсыню*, представленной в Лаврентьевской летописи.

4. Засвидетельствован и женский этноним *ꙗска*:

перенесе блговѣрнаꙗ кнѧгини ѡлена. *ꙗска* кнѕѧ своего ꙗрополка. из гробницѣ. въ црквь стго андрѣꙗ ЛИ ок. 1425, л. 118 (1145).

Этноним *ꙗска* вместо *ꙗсыниꙗ* (см. выше пример из ЛЛ 1377) отражает процесс вытеснения суффикса *-ыня* суффиксом *-ка* в кругу женских этнонимов[3].

2. Старославянские притяжательные прилагательные типа *Salańь*

Согласно исследованию М. Бродовской-Гоновской, в старославянских памятниках (Мариинском и Зографском евангелиях) засвидетельствованы четыре притяжательных прилагательных этого типа *Aviěnь*, *Salanь*, *Taranь*, *Chuzanь*. С словообразовательной точки зрения Бродовская-Гоновская характеризует эти примеры как прилагательные с суффиксом *-nь*, полагая, что на образование этих «странных форм» могли оказать влияние, во-первых, притяжательные прилагательные типа *Solomonь*, созданные путем присоединения суффикса *-jь* к личным именам, чья основа (без тематического гласного) оканчивалась на согласный *n*, и, во-вторых,

---

[3] Считается, что ясы — предки современных осетин. Ср.: «ясы — осетины, народность на север. Кавказе и в бассейне Дона» (*Дылевский Н. М., Еленский Й. Й.* Сборник древнерусских текстов X—XVIII веков для практических занятий по исторической грамматике русского языка» (2-ое изд. София, 1966, с. 132). В книге «История СССР с древнейших времен до наших дней» (М., 1966. Серия первая, т. 1, с. 599) на карте Восточной Европы конца XII — начала XIII вв. обозначены «аланы (ясы)». В книге *Пашуто В. Т.* «Внешняя политика Древней Руси» (М., 1968) асы (ясы), аланы и осетины указываются как отдельные народы (см. Географический указатель на с. 458, 465).

прилагательные на *inъ* и *-inь*, которые также производились от неславянских личных имен[4].

Ф. В. Мареш считает, что притяжательные прилагательные *Avijańь*, *Chuzańь*, *Salańь* — нетипичные и искусственные образования, получившиеся присоединением суффикса *ń* к им. п. ед. ч. *ā*-основ *Avija*, *Chuza*, *Sala*[5].

Словообразовательное членение притяжательных прилагательных типа *Salańь* на форму им. п. ед. ч. личного имени (*Sala*) и суффикс *-ńь* не соответствует способу образования славянских прилагательных, так как «согласно правилу прилагательные образуются от основ существительных, а от падежных форм — только в порядке исключения. Этим вторым способом создавались когда-то прилагательные только от форм род. и дат. падежей, т. е. от падежей, которые имели и притяжательное значение, всегда с помощью какого-либо структурального суффикса, и никогда, буквально никогда — от падежных форм ед. числа с помощью суффикса с реальным значением»[6]. Славянские притяжательные прилагательные образовывались двумя способами:

1. В кругу старых основ на *-ā-*, *-ŏ-*, *-ĭ-* суффикс притяжательности присоединен к основе без тематического гласного: *Jaroslav-ъ* — *Jaroslavľь* (< *Jaroslav—jь*), *Petr-ъ* — *Petr-ovъ*, *gostь* — *gost-inъ*, *Nikol-a* — *Nikoľь* (< *Nikol-jь*) (прилагательное сохранено в названии религиозного праздника *Nikoľdan*). Прежние тематические гласные основы *-ā-*, *-ŏ-*, *-ĭ-* на славянской почве слились со старыми падежными окончаниями, в результате чего появились новые славянские падежные окончания или старые тематические гласные стали падежными окончаниями. В формах им. п. ед. ч. этих основ *a*, *ъ*, *ь* с точки зрения славянского языка — падежные окончания[7].

2. В кругу старых основ на *-ŭ-*, *-ū-* и согласный посессивный суффикс присоединен к тому виду основы, который существительные имели в косвенных падежах (в род. и дат. как падежах принадлежности), т. е. к старой основе с показателем, но опять-таки к основе без падежного окончания: *synou-* — *synovьńь*, *volou-* — *volujь* (< *volou-jь*), *svekrъv-* — *svekrъv-ьńь*, *mater-* — *materь* (< *mater-jь*), *mater-ьńь*[8].

Согласно этому, если исходить из законов суффиксального словообразования славянских притяжательных прилагательных, то старославянские посессивные прилагательные типа *Salańь* не могли быть произведены от формы им. п. ед. ч. личного имени типа *Sala* с помощью суффикса *-ńь*. Как же тогда они возникли?

---

[4] *Brodowska-Honowska M.* Słowotwórstwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków—Wrocław—Warszawa, 1960, 171—172.

[5] *Mareš F. V.* K chronologii slovanských posesívních adjektiv staršího a mladšího typu (*Budeč—Budkov*) — Zpravodaj místopisné komise ČSAV. Praha, 1970, XI, č. 3, c. 350—351.

[6] *Бошковић Р.* Одабрани чланци и расправе. Титоград, 1978, с. 364.

[7] *Бошковић Р.* Op. cit., с. 461—470.

[8] *Марojeвић Р.* Посесивне категориje у руском jезику (у своме историjском развитку и данас). Докторская диссертация. Београд, 1979, с. 21—123.

Можно было бы предположить, что прилагательные типа *Salańь* образованы от основы личного имени путем присоединения некоего суффикса *-ańь*. Этот предполагаемый посессивный суффикс *-ańь* мог сформироваться в результате переразложения, если бы прилагательные типа *Milańь*, образованные с помощью суффикса *-jь* от ласкательного имени *Milanъ*, вторично ассоциировались с ласкательными именами типа *Mila*. Хотя с точки зрения грамматики такое объяснение возможно, оно все же маловероятно, по меньшей мере, по двум основаниям: во-первых, насколько нам это известно, следов предполагаемого суффикса *-ańь* нет ни в современных славянских языках, ни в славянских исторических памятниках, и, во-вторых, суффикс *-ańь* мог бы появиться в случае, если бы ласкательные имена типа *Milanъ* исчезли из живого употребления, однако они являются жизнеспособной и продуктивной категорией (особенно в сербохорватском языке).

По нашему мнению, старославянские притяжательные прилагательные типа *Salańь*, возникли следующим образом. Греческие и грецизированные мужские собственные имена типа Σαλὰ включались, или могли включаться, в славянскую систему склонения и с помощью словообразовательной адаптации, т. е. как формы с суффиксальным сонантным элементом *n*. Такая суффиксальная адаптация была особенно удобна в случае, когда греческое имя было несклоняемым. Это значит, что греческие имена Χουζᾶ, Ἀβιά, Θάρα, Σαλὰ включались в славянскую систему — через призму языкового сознания первых переводчиков — в форме **Chuzanъ*, **Avijanъ*, **Taranъ*, **Salanъ*, которая является результатом суффиксальной адаптации по образцу славянских имен на *-nъ* типа сербохорватских *Milan* и *Mil'an*. От этих личных имен славянский писец-переводчик образовывал прилагательные как от имен на *-nъ*, т. е. с помощью суффикса *-jь*. Притяжательные прилагательные типа *Salańь*, по нашему мнению, возникли именно таким образом.

В подтверждение этого объяснения можно привести три аргумента.

1. Греческие и грецизированные имена собственные входили в старославянский язык с помощью не только фонетической и морфологической, но и словообразовательной адаптации, как показал Р. Йовичевич[9]. Так, грецизированное несклоняемое собственное имя мужского рода Φαραώ с необычным и для старославянского языка совершенно новым исходом -αω засвидетельствовано в Супрасльской рукописи один раз в дат. п. в форме *Faraōsu*, другой раз в местн. п. в форме *Faraōnĕ*, что свидетельствует о том, что оно опиралось на известные славянские личные имена на *-sъ* и *-nъ*. Грецизированное мужское личное имя Ἀβιά вошло в старославянский язык (см. в Ассеманиевом евангелии) в облике *Aviadъ*, основывающемся на известных славянских именах типа *Milad*[10].

---

[9] *Jovićević R.* Grčka i grcizirana nomina propria (njihovi morfološki i derivacioni likovi) u staroslovenskom jeziku. Beograd, 1978, c. 78—83.
[10] Эти и другие примеры см. в указанной выше работе Р. Йовичевича.

Подобно тому, как греческое имя Φαραώ вошло в славянский (старославянский) ономастикон и систему склонения в форме *Фараонъ* с помощью словообразовательной адаптации, так, по нашему мнению, и греческие nomina propria типа Σαλὰ входили или могли входить в старославянский ономастикон и систему склонения суффиксально адаптированными по типу *ŏ*-основы *Salanъ*. Разница лишь в том, что от последних имен в старославянских памятниках засвидетельствованы только притяжательные прилагательные с суффиксом *-jь*[11].

2. Вышеприведенное толкование косвенно подтверждается существованием в сербохорватском языке в кругу личных мужских имен дублетов *Toma — Toman*[12], *Sava — Savan*[13], *Luka — Lukan*[14]. Эта словообразовательная адаптация греческих и грецизированных личных имен опиралась на славянские мужские личные ласкательные имена, во множестве представленные в сербохорватском языке (*Mil'a — Mil'an*, *Mila — Milan*, *Mira — Miran*[15] и др.).

3. И до сих пор в живом сербохорватском языке отмечается такое явление, когда языковое сознание включает мужские ласкательные формы типа *Vuki* (в литературном языке: им. п. *Vuki*, род. п. *Vukija*, дат. п. *Vukiju*. . .) в систему склонения в форме *Vukin*: им. п. *Vukin*, род. п. *Vukina*, дат. п. *Vukinu* и т. д.[16] Это значит, что ласкательное имя *Vuki* вводится в именное склонение путем присоединения сонанта *n*, т. е. путем суффиксальной адаптации по образцу имен на *-in*.

Авторизованный перевод с сербохорватского *И. П. Петлевой*.

---

[11] Личное имя Ἀβιά, как мы видели, засвидетельствовано в Ассеманиевом евангелии в облике *Aviadъ*, появившемся также в результате аналогичной словообразовательной адаптации по образцу имен на *-dъ*. В Саввиной книге это грецизированное имя отмечено в форме *Avidъ*, опирающейся на известные славянские nomina propria типа *Snovid* (см. *Jovičević R.* Op. cit., с. 79).

[12] Мужское имя *Toman* впервые зафиксировано в памятнике 1460 г. (см. RJA XVIII, с. 456).

[13] Мужское имя *Savan* не засвидетельствовано, однако на его былое существование указывают как топонимы *Savanova voda*, *Savanovac* и *Savanovići*, так и фамилия *Savanović* (RJA XIV, с. 725).

[14] Мужское имя *Lukan* отмечено в старом сербском памятнике 1253 г., и от него образовано притяжательное прилагательное в топонимах *Lukańa*, ж. р., *Lukańe* ж. р. мн. ч., *Lukańe brdo*, ср. р. (см. RJA VI, с. 208).

[15] Случаи фиксации этих имен см. в RJA.

[16] Такую словообразовательную адаптацию ласкательного имени *Vuki*, как и клички пса *Biki*, я зарегистрировал в селе Мораково в Черногории.

В. И. Дегтярёв

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО ТИПА ИМЕН СОБИРАТЕЛЬНЫХ НА *-ик*

В общеславянской словообразовательной системе имен собирательных праславянские типы ж. р. *-иѩ* и ср. р. *-иѥ* наиболее выразительны по характеру функций и структурных особенностей. Поэтому вопрос об их происхождении и развитии имеет важное значение для определения лингвистической природы и сущности самой категории собирательности в ее отношении к грамматической категории числа.

В праславянскую эпоху, а затем и в старший период самостоятельного развития древних славянских языков, как можно заключить на основании древнейших письменных данных, образования на *-иѩ* и *-иѥ* были четко и строго противопоставлены по содержанию денотативной отнесенности и словообразовательной структуре. В древних славянских языках старшей письменной поры имена собирательные ж. р. на *-иѩ* производились только от основ имен личных, причем обычно от основ мужского рода, и следовательно, образования этого типа исконно выражали одушевленно-личные собирательные множества, например: ст.-слав. братиѩ и братриѩ οἱ ἀδελφοί, fratres, ἀδελφότης, fraternitas, 'братья', 'соплеменники', др.-рус. *братиѩ*, *братьѩ* 'братья', 'соплеменники', 'товарищи, спутники', ст.-чеш. *bratřie*, совр. мн. ч. *bratří*, ст.-польск. *bracia*, в.-луж. *bratřa*, н.-луж. *bratša*, др.-серб. *брат'а*, совр. собир. *браħа*, макед. *братиjа* — в тех же значениях, др.-рус. *кънѧжьѩ*, ст.-чеш. *kněžie*, ст.-польск. *księża*, в.-луж. мн. ч. *knjaža*, н.-луж. *kńaža* и *kněža* 'господа' (ед. ч. *kněz*), рус.-цслав. *рабиѩ*, ст.-слав. и др.-рус. сѣмиѩ (единичн. **sěть* и *сѣминъ*), ст.-рус. собир. *дружья*, *дядья*, *зятья*, *шурья* и т. п. Ср. образованные по этой модели собирательные в серболужицком языке: в.-луж. *burja* и н.-луж. *buŕa* 'крестьяне', н.-луж. *kmótša* 'кумовья' (ед. ч. *kmótš* 'кум'), в.-луж. *mniša* 'монахи' и т. п. В противоположность этому имена собирательные ср. р. на *-иѥ* в древних славянских языках могли быть образованы только от основ имен существительных, обозначающих неодушевленные предметы. Большей частью это названия растительного мира — деревьев, кустов, трав, побегов, ветвей, листьев, цветов, плодов и т. п., а также наименования предметов неорганической природы, например, ст.-слав. и др.-рус. боріѥ (единичн. боръ 'сосна'), брѣстиѥ, др.-рус. *берестьѥ*, *врьбиѥ*, др.-русск. *вьрбиѥ*, *вѣиѥ* (единичн. *вѣѩ*), *вѣтвиѥ*, *гроздиѥ* (единичн. *гроздъ*), *гроздовиѥ*, *грьзновиѥ* 'виноград', *гръмиѥ* (единичн. *гръмъ*) 'кусты, кустарник', *драчиѥ* (единичн. *дракъ* 'терн'), *дрѣвиѥ*, др.-рус. *деревьѥ*, *джбиѥ* (единичн. *джбъ* 'дерево', 'дуб'), *ѥлиѥ*, *зелиѥ*, *корениѥ*, *кѫпиниѥ*, *липьѥ*, *листвиѥ*, *лозиѥ*, *рождиѥ* (единичн. *розга*), *садовиѥ* (единичн. *садъ* 'растение', 'дерево'); *брьниѥ* 'грязь', 'тина',

грудиѥ (единичн. *груда*), *дружиѥ* (единичн. *другъ* 'кол', 'бревно'), *жьзлиѥ*, *кремениѥ*, *ремениѥ*.

Это противопоставление двух древнейших структурно-грамматических типов славянских имен собирательных проявлялось синтагматически — в различии форм согласования сказуемого с подлежащим, выраженным именами собирательными первого и второго типов. Имена собирательные ж. р. на *-иꙗ*, оформленные в ед. ч., принимали глагольное сказуемое во мн. ч. соответственно грамматической функции форм мн. ч. и материальному значению выражаемого множества лиц. В отличие от них имена собирательные ср. р. на *-иѥ* согласовали сказуемое только в ед. ч., например, ст.-слав. Възиде тръние и подави е. Зогр. ев. Мтф. XIII. 5—6; Егда юже вѣтвие еꙗ бѫдетъ младо и прозабнетъ листвие. Мар. ев. XIII, LXIX; Доньдеже посрамнетъ трьстиѥ. Сав. кн. Мтф. XIX, 1 об; Камениѥ свято валаетъ сꙗ по земи. Сав. кн. XX, 14; Корениѥ въ землѭ въложено бысть. Супр. р. XXIV, 42 об и под. Правило согласования в единственном числе строго соблюдается также в древнерусской, среднеболгарской, древнесербской, а также в старочешской и старопольской письменности. Эта особенность имен собирательных неличного значения имеет не только общеславянский, но и индоевропейский характер. В других древних индоевропейских языках собирательные ср. р. также согласовали сказуемое в ед. ч. Неоднократно отмечалась характернейшая особенность древнегреческого синтаксиса — постановка глагольного сказуемого в ед. ч. при подлежащем, выраженном именем среднего рода в форме мн. ч. (правило τὰ ζῷα τρέχει). В аттических рукописях, по свидетельству И. Шмидта[1], содержатся лишь единичные, обусловленные особыми обстоятельствами, отклонения от этого правила. Оно последовательно соблюдается в Гатах Авесты, отмечено, хотя и реже, в санскрите и в хеттском. Как убедительно доказал И. Шмидт, форма им. п. мн. ч. подлежащего в конструкциях этого типа по происхождению является индоевропейским именем собирательным ед. ч. Установленное различие в согласовании сказуемого с подлежащим, выраженным именем собирательным личных и неличных значений, указывает на праязыковую закономерность, основанную на древнейшем противопоставлении личных и предметных собирательных множеств. Следует заметить, что оба типа имен собирательных в древних славянских языках, а также и в праславянском языке-основе выполняли функцию форм мн. ч., т. е. применялись как лексические, словообразовательные средства выражения множественности. Это функциональное качество имен собирательных является реликтом древнейшего праязыкового состояния, свидетельствующим о том, что грамматическая категория числа генетически связана с классом имен собирательных. Действительно, образование ряда формативов мн. ч. вызвано исторической трансформацией типов имен собирательных. Имея в виду общность грамматической

[1] *Schmidt J.* Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889, S. 1.

функции обоих типов собирательности, можно предположить, что структурное и семантическое различие и противопоставление их отражает древнюю номинальную классификацию предметов действительности, для которой существенным было противопоставление лиц и вещей. Показательно, например, что в восточно-кавказских (дагестанских и вейнахских) языках противопоставление личного и вещного классов составляет основу всей системы грамматических классов имен существительных, и это противопоставление типично для любой номинально-классной системы. Различие в формах согласования глаголов с именами собирательными двух типов может служить еще одним подтверждением того, что в праиндоевропейском языковом состоянии современной системе трех грамматических родов соответствовало противопоставление одушевленного (социально активного) и неодушевленного (социально пассивного) классов предметов. Прямые указания на это содержит хеттский язык, в котором различаются два рода — одушевленный и неодушевленный, или средний, а в др.-греч. склонении флективно противопоставлены в им.-вин. падежах одушевленный, объединяющий мужской и женский, и неодушевленный роды. Различение лиц и предметов, несомненно, составляет основу этого противопоставления, и следовательно, оно было актуально для древнейшего состояния языка и мышления индоевропейцев. Типологические данные указывают на то, что это характерно и для ряда иноструктурных языков — корневого и агглютинативного типов. Индоевропейский средний род как грамматическая субкатегория сформировался на базе вещного класса. Даже в современных индоевропейских языках имена существительные ср. р., несмотря на формализованный характер грамматического значения рода, называют в основном неодушевленные предметы. П. Шантрен, оперируя фактами древнегреческого языка, утверждал, что «средний род означает вещь как нечто противопоставляемое одушевленным существам. . . Таким образом, имена среднего рода — это первоначально имена вещей» [2].

Различия в формах согласования объясняются характером восприятия совокупных множеств лиц и предметов. Имена собирательные на *-ıja* выражали множества лиц, мыслимые совокупно-дифференцированно, т. е. расчлененно. Каждое лицо, включаемое в совокупное множество, осознавалось как индивидуально значимое. Это подчеркивается согласованием глагольного сказуемого во мн. ч. Напротив, имена собирательные ср. р. на *-ıje* выражали недифференцированное множество как однородную массу. Для такого представления совокупности предметов типично согласование сказуемого в ед. ч. Характерно, что личные имена собирательные имели специальные формы сингулятивов, например: *шурия — шуринъ, сѣмия — сѣминъ*, тогда как предметные подобных форм не образуют.

Сведения о происхождении этих типов имен собирательных сводятся к двум различным точкам зрения. Согласно одной из них

[2] *Шантрен П.* Историческая морфология греческого языка. М., 1953, с. 16.

тип имен собирательных на *-иѥ* представляет собой преобразованное множественное число имен существительных с основой на *-ĭ- типа *гостие*, *людие* и т. п., а собир. *братиꙗ* восходит к первоначальной форме мн. ч. *братиꙗ* от предполагаемой, но не известной формы ед. ч. ср. р. **братие*. Эту точку зрения изложил Г. Павский, считавший, что мн. ч. *братья*, *друзья*, *князья*, *зятья* и под. в древнерусском языке «суть остаток того древнего обычая, когда множественное число как вещей, так и лиц выражаемо было единственным окончанием среднего рода *-іе*. Окончание *-ья* в именах *братья*, *друзья* и пр. есть не что иное, как знак множественного числа имен *братіе*, *друзіе*, равно как *прутья*, *каменья*, *коренья* суть множественное число собирательных имен *прутье*, *каменье*, *коренье*. . .»[3] Однако никакими действительными фактами из истории славянских языков это не подтверждается. Как будет показано далее, образование собирательных форм ср. р. на *-иѥ* от личных имен существительных в древних славянских языках старшей письменной поры, а следовательно, и в праславянский период, было невозможно. Лично-собирательных форм типа **братье* в прошлом вообще не существовало: личные и предметные совокупные множества четко различались в способах выражения. Ошибочность данной точки зрения обнаруживается в рассуждениях другого ее сторонника, К. С. Аксакова: «множественное число, получая значение чего-то, воедино собранного, соединенного или сомкнутого целого, носит на себе оттенок нового имени собирательного, а иногда прямо переходит в новое имя, разумеется, уже единственного числа. Это очень ощутительно, например, в слове *господа*. *Господа* перешло в новое имя женского рода и стало склоняться: *господа*, *господы*, *господу*, *господѣ*, *господою*, даже звательный: *господо!*»[4] Легко установить, однако, обратившись к действительным фактам истории русского языка, что развитие собир. *господа* шло иным, прямо противоположным путем — от формы ед. ч. к форме мн. ч., ср. др.-рус. собир. ед. ч. *господа* и совр. мн. ч. *господа*.

Столь же произвольно утверждение К. С. Аксакова о том, что собирательные ср. р. на *-ье* типа *каменье*, *уголье*, а вместе с ними и *мужьё*, произошли из форм мн. ч. *каменіе*, *уголіе* и *мужіе*, генетически связанных с древнеславянским мн. ч. на *-іе* склонения *ĭ-основ[5]. К. С. Аксаков считает, что в истории русского языка мн. ч. *мужіе* (само, как известно, вторичного образования — вместо исконного *мѫжи*) преобразовано в имя собирательное ед. ч. *мужьё*. а собир. *братья* является историческим трансформом мн. ч. *братья*. Однако это не соответствует действительному историческому соотношению имен собирательных и форм мн. ч. Между лично-собирательными новообразованиями типа совр. рус. *мужьё* и древними

---

[3] *Павский Г.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. А. Отделение первое. Об именах существительных. Спб., 1850, с. 292.

[4] *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики. М., 1880, с. 106.

[5] Там же, с. 107.

славянскими формами мн. ч. м. р. основ на *-ĭ- типа *гостие*, *людие* и т. п. нет генетической преемственности или исторической связи. Это совершенно разные по происхождению формы. В старший исторический период развития славянских языков окончание им. п. мн. ч. *-ie* в склонении имен на *-ĭ- было присуще именам м. р., и в целом оно отличает только данный тип основы, например: *тать* — мн. ч. *татие*, *чрьвь* — мн. ч. *чрьвие*, *оугль* — мн. ч. *оуглie* и т. п. Тогда как форматив имен собирательных ср. р. *-ие* присоединялся к разным основам всех трех родов. Ср., например: *вѣꙗ* — *вѣиѥ*, *вѣтвь* — *вѣтвиѥ*, *камы* — *камениѥ*, *быль* — *былиѥ*, *корѧ* — *корениѥ*, *тиса* — *тисиѥ*, *трьнъ* — *трьниѥ* и т. п. В то же время имена собирательные ср. р. на *-иѥ* выражали, как отмечено, только предметные (неличные) множества, тогда как окончание мн. ч. м. р. *-ie* было свойственно формам мн. ч. имен м. р. *ĭ-основ как личных, так и предметных значений; ср., например: *гостие* и *пѫтие*. Наконец, исторически прослеживаемые тенденции развития грамматических форм в славянских языках таковы, что преобразование детерминанта основы или основообразующего суффикса в окончание вполне возможно и подтверждается историческими фактами, а случаи обратного перехода окончания в суффикс не известны. Поскольку флексия в высшей степени формализована как морфологически значимая (грамматическая) часть словоформы, такой переход означал бы возврат от более высокой ступени грамматической абстракции к более низкой. Но это противоречило бы самой логике развития грамматического строя. Даже утрата падежной парадигмы у имени, как в болгарском языке, исключает подобное явление. Этому не противоречат известные трансформации имен pluralia tantum ср. р. в формы ед. ч. ж. р. в новоболгарском языке, например: др.-слав. мн. ч. **kola* ср. р. 'повозка', 'воз' — совр. болг. ед. ч. ж. р. *кола* (мн. ч. *коли*) 'телега', 'машина', др.-слав. (южн.) мн. ч. *vrata* ср. р. — совр. болг. ед. ч. ж. р. *врата́* (мн. ч. *врати*) 'дверь', 'ворота'. Здесь флексия *-а* не превращается в суффикс, а только наполняется новым грамматическим содержанием. Подобные факты легко обнаружить и в истории романских языков при сравнении фактов народной латыни и сформировавшихся на ее основе романских языков с классическим латинским.

Концепция К. С. Аксакова имеет ложное методологическое основание. Он исходит не из фактов истории русского языка, а из предвзятой, по сути идеалистической версии об особой «склонности русского человека видеть во множественном. . . как бы новое имя» [6]. Аксаков рассматривает общеславянские собирательные формы в русском языке изолированно от других славянских языков и даже противополагает их древнеславянским формам на основе пресловутой идеи об особых отличительных свойствах народного сознания, не вникая в подлинную историю этих форм, отраженную в письменности.

---

[6] *Аксаков К. С.* Указ. соч., с. 106—107.

Эту концепцию можно было бы считать давно забытым курьезом, если бы она неожиданно не нашла современных сторонников. Так, И. Э. Еселевич вслед за Г. Павским и К. С. Аксаковым тоже утверждает, что собир. *братия* является формой мн. ч. от не зафиксированного письменностью русского языка собир. **братие*[7]. Однако нет оснований предполагать существование в прошлом такой формы. Ясно, почему Еселевич не аргументирует свое мнение.

Совершенно иначе этот вопрос решается на основе сравнительно-исторического анализа. Славянскому типу *-иѥ* соответствуют санскр. *-yam*, др.-греч. -ιον и лат. -ium. Ср. ст.-слав. съниѥ, съньѥ и санскр. *svápn(i)yam*, греч. ἐνύπνιον, лат. *somnium* 'сновидение', 'сон' наряду со ст.-слав. сънъ, санскр. *svápnaḥ*, греч. ὕπνος, лат. *somnus*, лит. *sãpnas* 'сон'; ст.-слав. оустиѥ и лат. *ostium* 'вход', 'устье', греч. φρύγιον 'хворост' и ст.-слав. хврастиѥ. Соответствие славянского форматива *-иѥ* греческому -ιον учитывалось и переводчиками христианских книг; ср. греч. τοπάζιον и ст.-слав. топаꙁиѥ (Син. пс. 164.2). Для праславянского языкового состояния этот форматив реконструируется в виде **-ĭi̯ŏn*. Что же касается окончания им. п. мн. ч. имен м. р. с основами на **-ĭ-*, то оно прямо отражает и.-е. флексию им. п. мн. ч. **-es*, например: **g(h)ostei̯-es > гостие*, **lēud(h)ei̯-es > людие* и т. п. Таким образом, форматив собирательности *-иѥ* и окончание им. п. мн. ч. *-ie* совершенно различны по происхождению. Формативы имен собирательных и отвлеченных ср. р. **-ĭi̯ŏn* и ж. р. **-ĭi̯ā* восходят к индоевропейским основообразующим суффиксам относительно-притяжательных прилагательных и причастий **-i̯ŏ-* и **-i̯ā-*, вокализованным гласным *-i-*[8].

К. Бругман, обобщая сравнительно-исторические данные индоевропейских языков, заключил, что в праиндоевропейском языковом состоянии в функции имен собирательных и отвлеченных субстантивировались отыменные адъективы, выражавшие отношение, принадлежность, качество, при этом правилом была субстантивация прилагательного в форме ср. р., что существенно для целостного восприятия совокупного множества. Здесь, в частности, имелись в виду собирательные типа слав. *камениѥ*. К. Бругман указал также на то, что иногда в собирательном значении употребляются суффиксы существительных ж. р., обозначающих свойства, например, др.-инд. *janátā* 'команда', 'товарищество', 'группа людей', укр. *бiдота*, *темнота*. К этому ряду отнесено и ст.-слав. братрьꙗ[9]. Позже В. Вондрак прямо утверждал, что греч. φρᾱτρία, а значит и

---

[7] *Еселевич И. Э.* Из истории собирательных существительных (грамматическая история существительного *братия*). — В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Сб. 11. Казань, 1976, с. 109.

[8] *Schleicher A.* Die Formenlehre der kirchenslavischen Sprache. Bonn, 1852, S. 175—177; *Brugmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. 2. Wortbildungslehre, H. 1. Strassburg, 1889, S. 116—119.

[9] *Brugmann K.* Указ. соч., с. 435.

слав. *bratrьja восходят к субстантивированному прилагательному[10]. Таким образом, у Бругмана отчетливо намечена идея происхождения словообразовательных типов имен собирательных в индоевропейских языках на основе функционально-семантического преобразования типов выражения отвлеченно-качественных значений и трансформации качественности в собирательность. Теория происхождения собирательности из первоначальной качественности обстоятельно разработана А. А. Потебней на материале славянских языков, главным образом старорусского, староукраинского и старопольского[11]. Потебня также считал, что слав. форматив -иѥ отвлеченных и собирательных имен ср. р. развил данные словообразовательные функции в результате субстантивации в праязыке относительно-притяжательных прилагательных на *-ĭi̯ŏ- в обобщающем отвлеченно-собирательном значении подобно тому, как аналогичные функции получили греч. -ιον, др.-инд. -yam и лат. -ium.

И. Ф. Ломан, вслед за К. Бругманом и В. Вондраком, тоже подчеркивал собственно абстрагирующий характер типов собирательности на *-ĭi̯on и *-ĭi̯ā и отмечал, что собир. *bratrьja, греч. φρᾱτρίᾱ образовано, как κακία, ξένια, а *kamenьje — это собственно средний род прилагательного на *-ĭi̯ŏs и, значит, также тип абстрактного свойства[12]. Указанным типам (др.-инд. -yam, др.-греч. -ιον, лат. -ium) действительно были свойственны значения отвлеченного качества и свойства. Ср., например, др.-инд. bhrātryam 'братство'. Однако образование имен собирательных с помощью суффиксов, для которых эта функция является вторичной, характеризует отнюдь не древнейшее, исходное, а качественно новое состояние категории собирательности как определенный исторический этап в ее развитии. Этому этапу соответствуют изменившиеся отношения между именами собирательными и категорией числа. Для новых типов имен собирательных, таких, например, как -ин(а), -ств(о), -от(а), -ежь, сложившихся на основе преобразования суффиксов качественности, не характерна важнейшая функция собирательности — замещение грамматических форм мн. ч. Но эта черта, ставшая архаичной уже в дописьменную эпоху и реликтовая в старший письменный период, исконно отличает собирательные типы -ьꙗ и -иѥ. Поэтому развитие этих типов следует представлять не совсем так, как это мыслилось К. Бругманом, А. А. Потебней и их последователями.

С диалектико-материалистических позиций формирование собирательности в мышлении и в языке представляется не как переход отвлеченно-качественных значений в предметно-собирательные, а как расчленение и дифференциация первоначально синкретичных понятий, в которых органично сочетались качественность (свой-

---

[10] *Vondrák W.* Vergleichende slavische Grammatik. Bd. I. Göttingen, 1924' S. 512.
[11] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 3. М., 1968, с. 24—36.
[12] *Lohmann J. F.* Das Kollektivum im slavischen. — KZ, 1929, Bd. 56, H. 1—2, S. 44.

ство, принадлежность, отношение) и собирательность предметов или лиц, объединенных определенным качественным признаком. При этом происходит отвлечение собственно собирательного значения от сопутствующих представлений о признаках или пространственно-временных форм существования множества. Это связано с абстрагированием идеи количества в процессе развития абстрактно-количественных понятий. Поэтому неточно представление, будто развитие собирательности идет от качественности. Собирательность формируется в результате расчленения понятий о качественной и количественной сторонах действительности. На славянской почве собирательные и отвлеченные значения суффикса *-иѥ* выступают уже как совершенно самостоятельные словообразовательные функции, и не сохранилось явных следов первоначального единства значений качественности и собирательности. В древних славянских языках имена отвлеченные и имена собирательные на *-иѥ* различаются по своим словообразовательным структурам, а именно, по характеру производящих основ, так что фактически они представляют два самостоятельных морфологических типа. В других индоевропейских языках — санскрите, древнегреческом и латинском сохраняется структурное единство соответствующих словообразовательных типов, и в них можно заметить совмещение конкретных, собирательных и отвлеченно-качественных значений. Так, в санскрите некоторые имена существительные на *-уат* выражают собирательные понятия, например: *kāiçyam* 'волосы' (собирательно) наряду с *keçaḥ* 'волосы' (предметно, например: 'конский хвост'), *kāidāryam* 'обилие орошаемых земель' — от ед. ч. *kedāraḥ* 'орошаемое поле'. Вместе с тем этот тип выражает обычно качественные значения. Отвлеченность и собирательность совмещены в греч. συμπόσιον 'пиршество' и 'пирующие', συμβούλιον 'совет' и 'совет как совещательный орган' и т. п.

Для праславянской эпохи правомерно выделить по крайней мере четыре омоформанта *-иѥ*: 1) образующий от адъективных, субстантивных и глагольно-именных основ имена отвлеченные качественных значений типа др.-рус. *веселиѥ*, *мудриѥ*, *обилиѥ*, *разумиѥ*, *съвѣтиѥ*, *съдружиѥ* и т. п.; 2) образующий от основ страдательных причастий прошедшего времени имена отвлеченного действия типа *знаниѥ*, *питиѥ*, *рождениѥ* и т. п.; 3) образующий имена собирательные от основ неодушевленных существительных; 4) образующий имена местные от имен существительных и предложно-именных сочетаний, например: др.-рус. *върховье*, *побережье*, *поморье*, *полѣсье* и т. п.

Анализ фактов древних славянских языков позволяет предположить, что тип имен собирательных на *-иѥ* выражал собирательное значение не в абстрагированно чистом виде, а более или менее конкретно, представляя совокупное множество в определенных действительных формах его непосредственного, локально-временного или качественного состояния и восприятия. Древнерусские имена собирательные на *-иѥ* /*-ье*/, как свидетельствуют данные летописей, актов и других источников, близких к народной

речи, выражали наряду с формообразовательным значением отвлеченно-собирательной множественности также лексикализованные — конкретно-предметные и локальные значения (когда множество, мыслимое в совокупности и единстве, осознается как предмет), например: *берестье* 'вязы, ильмы' и 'вязовая роща', *дубье* 'деревья', 'дубы' и 'дубовая роща, дубрава', 'дубняк как межевой знак', *каменье* 'камни' и 'каменистая почва', *колие* 'колья' и 'частокол', 'изгородь', 'сваи', *тростие* 'тростник' и 'заросли камыша' и т. п. В опредмеченно-качественных значениях собирательной множественности 'лес', 'роща', 'луг', 'цветник' и т. п. данный тип хорошо известен и в других славянских языках. По данным древнесербских грамот XII—XV вв. локально-собирательные значения выражали *нивиѥ*, *грьмиѥ*, *ливадиѥ*, *водѣничиѥ*, *коупеничиѥ*, *трьстиѥ*, *орѣшиѥ*, *лозиѥ* и др. Ср. совр. словен. *brezje* 'березняк', 'березовая роща', *gozdóvje* 'большой лес' (от *gȍzd* 'лес'), *bréstovje* 'берестовый лес', *dóbovje* 'дубовый лес', *búkovje* 'буковый лес' и т. п.

Собирательная функция у суффикса *-иѥ* несомненно развилась на основе первоначального синкретичного значения, соединявшего идею пространства, предметного множества и качественности.

Развитие этого типа шло по пути дальнейшей дифференциации и абстрагирования значения собирательности от иных, сопутствующих и конкретных значений. В этом направлении развития типа *-иѥ* нашло свое выражение абстрагирование идеи множественности как результат развития и абстрагирования вербального мышления.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Зогр. ев. Зографское евангелие: Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Edidit V. Jagić. Berolini, 1879.

Мар. ев. Памятник глаголической письменности Мариинское четвероевангелие. Труд И. В. Ягича. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1883.

Сав. кн. Саввина книга. Труд В. Щепкина. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1903.

Син. пс. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Приготовил к печати С. Северьянов. Изд. ОРЯС АН. Пг., 1922.

Супр. р. Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова, т. I. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1904.

В. А. Меркулова

РУССКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. VI

кручина

Слово *кручи́на* много раз служило предметом этимологического анализа. В своем этимологическом словаре Ф. Миклошич приводит старославянские слова кржчина cholera, bilis, ira, epilepsia и наглокржчиньство 'вспыльчивость', украинское *кручинитися*, русские

кручина и *кручениться*[1]. Этимологического решения автор не предлагает, но реконструирует праформу **kręčina*. Но в своем лексиконе старославянского языка он уже приводит для сравнения древнеиндийский корень *krunč-* 'сгибать'[2]. Предложенное Горяевым сравнение с *крутой* было отвергнуто уже Преображенским, так как такому сопоставлению противоречит фонетическая форма старославянского слова. Своей этимологии Преображенский не предлагает, но говорит о семантических трудностях[3]. Бернекер сохраняет сравнение с древнеиндийским глаголом *krūñcati*[4]. Фасмер приводит в качестве родственных слов словенский глагол *ukrokniti* 'изгибаться, извиваться', *ukročiti* 'согнуть', чешское *kručinka* 'дрок' и польское *kręcz* 'головокружение, судороги, столбняк'. В качестве исходной формы Фасмер дает **kręk-*[5]. Махек доказал, что чешское слово *kručinka* 'дрок' заимствовано из польского *kręczynka* то же, но происхождение слова считает неясным[6]. Ф. Славский связывает польское название дрока *kręczynka* с русским церковнославянским *кручича*, сербским церковнославянским *кручина*. Обоснование такого наименования он видит в лекарственных свойствах дрока и в его использовании для добывания желтой краски. Этимологически слово возводится к корню *kręk-* 'гнуть'[7]. Скок показывает, что слово *kručina* фиксируется только в церковнославянских текстах, в современном языке не существует, но то, что оно было в южнославянских языках, доказывается румынскими заимствованиями из славянского (*crîncen*, *crîncenie*)[8]. Ж. Ж. Варбот относит к этому же гнезду слов и кашубско-словинское слово *krąčni* 'больной'[9].

Короче говоря, праславянское слово **kręčina* возводится к корню *kręk-* / *kręk-* 'гнуть, сгибать'.

И действительно, новые данные по диалектологии и исторической лексикологии славянских языков позволяют нам реконструировать обширное лексико-этимологическое гнездо слов, в основе которого лежит корень *kręk-*/*kręk-* 'гнуть'.

Цель данной заметки не опровержение существующей этимологии и выдвижение новой, а лишь обоснование некоторых вопросов и сомнений.

Слово *кручи́на* в значении 'грусть, тоска, печаль' существует только в русском языке, главным образом, в языке народной поэзии. Ср. у Кольцова: «*Кручину*, что тучу, не уносит ветром», в народной песне «Извела меня *кручина*, подколодная змея...» В сказках слово *кручина* служит синонимом слова *печаль*, *кру-*

[1] *Miklosich*, S. 142.
[2] *Miklosich LP*, S. 320.
[3] *Преображенский* I, с. 397.
[4] *Berneker* I, S. 626.
[5] *Фасмер* II, с. 387.
[6] *Machek V*. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1957, c. 118.
[7] *Sławski* III, c. 102—203.
[8] *Skok* II, c. 213.
[9] *Варбот Ж. Ж*. Лехитские этимологии. — Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981, с. 321.

чинный — слову *печальный*, а *кручиниться* — *печалиться*. В северных плачах, собранных Барсовым, слово *кручина* выступает как синоним слов *печаль* и *горе*: У мня три поля *кручинушки* насияно, Три озерыщка горючих слез наронено; Пороздню тут великую *кручинушку*... параллельно: Не с кем горя пороздияти...[10]

Помимо слова *кручина* мы находим в русских говорах еще слова *кру́чень* 'грусть, тоска, печаль' (твер.); 'тот, кто горюет, кручинится, горемыка' (псков., твер.); *кручли́вый* 'скучный, тоскливый, горемычный' (псков., твер.)[11]. Особенно интересен глагол *кручи́ть* 'печалиться, тосковать'. Он представлен в смоленских[12], кольских[13] и забайкальских говорах: Отец помер, и давай он *кручить*, целыми днями молча сидит, адали в рот воды набрал; *Кручила* перво время девка, пока к чужому дому привыкла[14].

Отмечено слово *кручина* и в ономастике: *Кручина*, крестьянин, 1578 г. Арзамас; *Кручина* Самсонов, 1615 г., Каргополь[15].

С точки зрения семантического развития слова интересен глагол *кручи́ниться*, который в текстах вологодских и архангельских песен, записанных Киреевским, выступает в значении 'заботиться' и 'сердиться, гневаться'[16], что позволяет и для слова *кручина* реконструировать значение *'забота', 'гнев'. Интересно, что Берында трактует глагол *кручинѧтися* как 'гневаться', 'надуваться'.

Материалы русских говоров дают и результаты народной этимологии, попытки связать слово *кручича* с глаголом *крушить* (*кручина кру́шит*) и с глаголом *крутить* (*крутёнушка* 'кручина').

В старорусских и древнерусских памятниках слово *кручина* может быть определено как 'неприятность, забота, беспокойство': *Кручина* мнѣ велика о тебя, что мне не заплатишь (Разговорник Т. Ф., 429, 1607 г.); До насъ *кручинъ* не доносити (Дел. Датск.)[17] и 'горе', 'гнев, раздражение, опала': ... а бояре и дѣти боярские... сидѣли въ смирномъ платьѣ... потому что на государя толды *кручина* была, не стало в животѣ брата его князя Юрия Васильевича (Пам. дипл. МГ III, 183—1563 г.); В лета 1791-го благоверный царь, государь и великий князь Иван Васильевич всеа России распалився *в кручине*, и непощаде сына своего... (Пов. Ив. Гр. и куп., 2 пол. XVII в., л. 268); ... чтобы мнѣ отъ тебя не быть въ великой *кручинѣ* и опалѣ (А. МГ. III, 76—1660 г.); «... тебе самому от меня быть в *кручине*...» (Хоз. Мор. II, 216—1660 г.)[18].

При анализе церковнославянских и старославянских текстов следует учитывать, что мы имеем дело не с народным, а с письменным литературным языком, которым пользовались для пере-

---

[10] *Барсов* I, с. 12.
[11] *Филин* 15, с. 337.
[12] *Добровольский*, с. 363.
[13] *Меркурьев*, с. 75.
[14] *Элиасов*, с. 172.
[15] *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974, с. 166.
[16] *Филин* 15, с. 336.
[17] *Срезневский* I, стб. 1337.
[18] Картотека ДРС.

вода. Так, слово *кручина* в этих текстах обычно встречается в словосочетаниях *черная кручина* и *желтая кручина*. Мы имеем дело с научной терминологией. Это изложение гуморальной теории Гиппократа, по которой в основе всех болезней лежит ненормальное смещение жидкостных сред организма: крови, слизи, черной и желтой желчи. Эта теория просуществовала в науке две тысячи лет и была заменена в XIX в. вирусной теорией Вирхова. Тот же принцип был положен Гиппократом и в основу деления человеческих темпераментов (холерик, сангвиник, флегматик, меланхолик). Обоснование этого деления с точки зрения физиологии высшей нервной деятельности дал академик И. П. Павлов.

Таким образом, словосочетания *черная кручина* и *желтая кручина* — это кальки научных терминов; ср. греч. μελαγχολία 'душевная депрессия, меланхолия', по теории Гиппократа, результат разлития черной желчи. Эти словосочетания, *черная кручича* и *желтая кручина*, мы встретим во всех лечебниках XVI, XVII и XVIII вв. В ряде случаев это переводы с немецкого или латинского, где, в свою очередь, мы имеем кальки с греческого (ср. лат. *atra bilis*, *nigra bilis* и т. д.).

Естественно возникает вопрос, почему при переводе греческое χολή было передано словом *кручина*, а не *желчь*. Ведь слово зълчь, злъчь существовало в старославянском языке, и оно употребляется устойчиво в евангельском тексте, когда речь идет о желчи, смешанной с уксусом. Мне представляется, что выбор слова определялся однозначностью слова злъчь и многозначностью слова χολή. Слово злъчь означало только 'желчь', в то время, как греч. χολή, помимо основного значения 'желчь' значило еще 'раздражение, злоба', 'яд', глагол χολάω значил 'быть безумным, сумасбродствовать', 'быть в бешенстве, в ярости, гневаться'. Поэтому нужно было найти такой эквивалент, который, кроме значения 'желчь', имел бы еще значение 'раздражение, гнев' для передачи таких сложных терминов, как μελαγχολία, ὀξυχολία и др. Таким эквивалентом оказалось слово *кручина*. Точное значение его в народном языке мы определить не можем. Мы можем лишь предположить, что в каких-то случаях оно обозначало 'желчь': ср. *Кручины* изблевати (Пчела, XV в.)[19], но кроме того, еще значило 'раздражение, гнев', ср. ст.-слав. наглокручинъство 'вспыльчивость', передающее греч. ὀξυχολία.

Исходным и первичным является значение 'желчь'. Желчь, секреторная жидкость, вырабатываемая железистыми клетками печени, обладает двумя характерными признаками — цветом (от желтого до черного) и исключительной горечью. Если мы рассмотрим названия желчи в индоевропейских языках, то они все восходят к названию цвета (желтый, зеленый), см. греч. χολή, лат. *fel*, нем. *Galle*, праслав. **zъlčь* и др., восходящие к и.-е. **ghel-*[20].

---

[19] *Срезневский* I, стб. 1337.
[20] *Pokorny*, S. 430.

С другой стороны, горечь не менее характерный признак, ср. нем. *gallenbitter* 'горький как желчь', др.-рус. «Горьчаю злъчи» (Изб. 1073 г.).

Теперь обратимся к польскому названию дрока *kręczynka*. Растение Genista, дрок, издревле служило сырьем для получения желтой краски. Кроме того, оно использовалось, по свидетельству Анненкова, от укуса бешеной собаки и при бешенстве скота. Вспомним, что русское название растения genista — *дрок* совпадает со словом *дрок* 'бешенство скота от укусов насекомых в июльскую жару'. Итак, у растения выделяются тоже два характерных признака: 'желтый' и 'помогающий от бешенства', следовательно один из них должен лежать в основе наименования.

Итак, в русском языке семантическое наполнение слова *кручина* 'печаль, грусть, тоска, горе', 'гнев, раздражение', 'неприятность', в польском *kręczynka* 'желтый', 'бешенство', в церковнославянских текстах *кручина* 'желчь' ('желтый', 'горький'), 'раздражение, гнев'.

В основе наименований печали и горя лежат две семантических модели: 'гореть' → 'горе' (ср. *печь — печаль*, *жечь — жгода*, *гореть — горе*) и 'давить, угнетать' → 'горе' (ср. *tęgti* → *tǫga*); в основе наименований гнева лежит модель 'гореть' → 'гнев' (ср. *gniti* → *gněvъ*, лит. kerštas 'ярость') и 'быть сильным, возбужденным' → 'возбуждение, гнев' (ср. **jarъjь* → *jarostь*).

В основе наименований горького вкуса лежат модели 'гореть' → 'горький' (ср. **gorěti* → **gorьkъjь*, словен. *grének* к **grěti*) и 'резать' → 'резкий, горький' (ср. лит. *kartùs*)[21].

Проанализировав семантику слова *кручина*, мы никак не можем согласиться с тем, что оно восходит к корню со значением 'гнуть'. Единственный признак, который объединяет все значения, это производность от глагола со значением 'гореть'.

Естественное возражение заключается в том, что производными от индоевропейского корня **ker(ə)-* 'гореть, сверкать' в славянских языках являются лишь глаголы **kuriti*, **čuriti* и имя **krasa*. Мне представляется, что доказательства существования в праславянском корня **kręk-* / *krǫk-* 'гореть' еще могут быть найдены.

дутри

В работе Е. В. Барсова «Причитания северного края» мы находим любопытное череповецкое слово *ду́три* 'сопли': Выпустит *дутри-те* ровнышко червяки[22]. М. Фасмер в своем «Этимологическом словаре русского языка» приводит слово *дутри*, считая его неясным[23]. В других говорах русского языка это слово не отмечено.

---

[21] *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. VII. — В кн.: Этимология 1976. М., 1978, с. 45.
[22] *Барсов* II, с. 320.
[23] *Фасмер* I, с. 555.

Можно предположить, что перед нами образование от глагола *дуть*. В этом случае могут быть высказаны две гипотезы:

1. Слово позднее, образовано на местной почве от основы причастия *дутый* с суффиксом *-р-* по аналогии со словом *возгри*.

2. Слово старое, праславянское, образовано с архаичным суффиксом *-tr-* от основы глагола, ср. праслав. **pę-tro* от **pę-ti* (ср. еще *vě-trъ*, *ę-tro*)[24].

Семантически этимология может быть обоснована следующим образом. Слово *дутрь* должно было значить 'то, что выдувается, надувается' → 'пузырь' → 'сопли'.

прижолнуться

В 1980 г. в д. Семенкино Мошенского района Новгородской области мною записан следующий текст: *Прижо́лнулась к избе́* 'прижалась к избе' (речь идет о поведении во время неожиданно налетевшей грозы). Глагол *прижо́лнуться* 'прижаться' до сих пор не был отмечен в научной литературе.

Глаголы на *-nǫ-*, означающие неожиданный переход к какому-либо состоянию (ср. **lьpnǫti*, **bъdnǫti*, **blьsknǫti* и т. д.), обычно имеют в корне краткий гласный, следовательно, мы можем реконструировать рассматриваемый глагол как **prižьlnǫti sę* и условно предположить существование в русском языке глагола ***žьlnǫti* 'жать'.

Индоевропейский корень **gel-* 'жать, сжимать', 'нечто круглое, ком' очень богато представлен в славянских языках. Он выступает с разными огласовками корня и со многими расширителями. К этому гнезду слов относятся такие именные формы, как **žely* (или **žьly*), *-ъve* 'вздутие, шишка, железа', **želza* 'железа', **žьlna* 'железа', **gliba* 'ком', **gluda*, **gluta*, **glyza* то же и мн. др.[25] Глагола в продолжениях этого индоевропейского корня в славянских языках мы не находим.

Диалектный глагол ***žьlnǫti* 'жать' позволяет нам более полно реконструировать состав этого словообразовательно-этимологического гнезда на праславянском уровне.

Хочется сказать несколько слов об указанном выше слове **žely-*, *-ъve*. В Лаврентьевской летописи под 1076 г. находим следующий текст: Престависа С҃тославъ с҃нъ Ярославь. . . ѿ рѣзаньꙗ *желве*[26]. Этот текст интересен в нескольких отношениях. В наших летописях обычно лишь констатируется факт смерти того или иного исторического лица, но причины не указываются. В редких случаях упоминают о том, что перед смертью человек болел, но о характере болезни не говорится ничего. Исключение составляют примеры, когда в кончине данного лица было нечто необычное

---

[24] Słownik prasłowiański II, с. 22.

[25] *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. IX. — В кн.: Этимология 1978. М., 1980, с. 44—51.

[26] *Срезневский* I, стб. 887, СлРЯ XI—XVII вв., 5, с. 81.

(ср. описание болезни и смерти князя Дмитрия Красного, 1441 г.: Бысть же нѣчто дивно в болѣзни его. . .). Таким образом, приведенный выше текст относится к исключениям. В современном русском литературном языке слово *желвак* обозначает 'вздутие в виде шишки на теле человека, животного и на стволе дерева'. Но по говорам и в литературном языке XIX в. слово *жолви* значило еще 'распухшие и затвердевшие железы при туберкулезе кожи и лимфатических узлов' или, по устаревшей терминологии, при золотухе или скрофулёзе [27]. По традиции средневековой медицины такие железы вскрывали, резали. По-видимому, в большинстве случаев операция проходила благополучно, данный случай был исключением, иначе он не был бы упомянут в летописи. То, что в данном тексте слово *желве* означает 'золотушные железы', подтверждается употреблением в том же значении родственного слова *желча*. В современном языке это значение слова утрачено в связи с исчезновением самого явления.

матинки

В «Словаре русских донских говоров» есть очень интересное слово *матйнки* 'веснушки': *Матинки* бывають и на лице и на руках [28]. В других говорах русского языка это слово не отмечено. Но ср. сербохорватское диалектное *маћа* 'пятно' (< **matja*), что говорит о существовании в славянских языках основы *mat-* для обозначения пятна.

С известной долей осторожности к этому же гнезду слов можно отнести и *мáтежи* 'пятна на лице беременной женщины', 'синяки', если не считать это слово результатом деэтимологизации праславянского **madežь*: Бывáјет в *мат'ежáх* л'ицó/а у б'ер'ёменых лáпа во лбу / и не у б'ер'ёменых бывáјет в *матежах* л'йца / п'áтна э́то с'йниjе [29].

Итак, в качестве осторожной гипотезы можно выдвинуть мысль о существовании в праславянском языке этимологического гнезда слов: **mata*, **matja*, **matežь* 'пятно'.

Возможны два этимологических решения.

1. Праславянское **mata* 'пятно' является омонимом к праславянскому **mata* 'приманка' и восходит к индоевропейскому корню **ma-* 'подавать знак'.

2. Праславянское **mata* < *mōt-* и восходит к индоевропейскому корню **mē-* 'мерить, отмечать'.

Обе гипотезы равно вероятны. Ср. использование слов со значением 'знак' в качестве наименований индивидуальных примет человека, родимых пятен, шрамов и т. д. *Знáмя* 'знак собственности, камень для обозначения границ участка' (арханг.) [30]; *знамя*

---

[27] *Даль* [3] I, стб. 1358; *Куликовский*, с. 24, *Гринченко* I, с. 488.
[28] Донской словарь, 2, с. 131.
[29] Картотека Словаря русских говоров Карелии.
[30] Запись сделана мною в 1957 г. в д. Зауйта Виноградовского р-на Архангельской области.

'шрам, след': А на лицы подъ лѣвымъ глазомъ *знамечко* невелико, бывало зашибено каменемъ (Новг. каб. кн. IV, 24—1600 г.)[31]; И ой же Добрынина матушка! Какое у Добрыни было *знамечко*? — *Знамечко* было на головушке. Уцупала она *знамечко* (олон.)[32]; чеш. *mateřské znaménko* 'родимое пятно'; словен. *vrojeno znamenje* 'родимое пятно'; *зна́тьба* 'признак, примета, знак', 'родимое пятно' (волог.)[33].

С другой стороны, *ме́тка* 'знак, отметка', 'пятно', 'шрам, след от удара', 'веснушка'. Люди с вясну́шкам — кари́чневым *ме́ткам* таким: у-у, ска́жут, ря́ба, как курапа́тка[34].

помередиться

В восьмом выпуске «Этимологического словаря славянских языков» есть две статьи **xamordь* и **xymordь*. Последняя построена на украинско-словацком материале: «Укр. *хи́мородь* ж. р., также *хи́морода* ж. р. 'причуда, каприз', 'колдовство' (Гринч. IV, 397—8); *хи́мороды* мн. 'капризы, причуды' (Лысенко. Житом. 56, Лисенко, 224).

Ср. слвц. *chymradný* 'слабый, болезненный' (Kálal, 208).

Вар. к **xamordь* (см.), т. е. сложение экспрессивной приставки **xa-*, **xy-* и **mordь*, возм. именного производного от гл. **mъrdati*. . .»[35].

Новые диалектные материалы позволяют нам несколько расширить и уточнить данную статью. В книге И. С. Меркурьева «Живая речь кольских поморов» мы находим глагол *помере́диться* 'померещиться, почудиться': Как *помере́дилось* в ле́се, так одна и не хо́жу боле[36]. До сих пор глагол *мере́диться* 'чудиться' не был отмечен в лингвистической литературе.

Говоры Кольского полуострова в основе своей новгородские. В этом случае, может быть, надо несколько иначе воспринимать новгородско-тверское слово *ме́рет* 'злой дух'. Может быть, это фонетическая запись слова *ме́ред*? Если это так, то все этимологическое гнездо будет выглядеть следующим образом: **merditi sę* 'чудиться', **merdъ* 'злой дух', **xamordь* 'темнота', **xymordь* 'причуды', 'колдовство', **kamordъkъ* — гидроним; все к и.-е. **mer-* 'сверкать, мерцать'[37] с расширителем *-d-*. К этому корню восходят праслав. **mъrknǫti*, **morkъ*, **mara*, **marevo*, **mъrějati*, **merkъ* и т. д., семантика которых исключительно близка рассмотренным выше словам.

---

[31] СлРЯ XI—XVII вв. 6, с. 46.
[32] Филин 11, с. 308.
[33] Там же, с. 313.
[34] Картотека Псковского областного словаря.
[35] ЭССЯ 8, с. 157.
[36] *Меркурьев*, с. 119.
[37] *Pokorny*, S. 733.

Т. В. Горячева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

молбнить

В Словаре русских говоров Забайкалья записано интересное слово *молбнить* в значении 'светать': *Молонить* почнет, так до солнца недалеко[1]; в том же словаре оно представлено с префиксом *за-* — *замолонить* 'светать': Не заметили, как и *замолонило*[2]. Это слово еще не подвергалось этимологическому анализу.

В старорусском языке зафиксирован глагол *молнѣти* в значении 'блистать молнией': Гримящму и *млъчѣущому* (в другом списке: гремящему и *молнующему*) (Кирил. Иерус. Огл. по сп. XVI в.)[3], а также *молновати*[4], *мълъновати*, *мълчѣвати*, *мълъноватисꙗ* 'блистать молнией'[5], *молноватися* то же: Како *молнуяся* съ нбсе судии сходитъ (Ефр. Сир. XVI в.)[6].

В словенском языке есть глагол *molniti* в значении 'блистать, сверкать'[7], в сербохорватском — *muniti* в значении 'сиять'[8].

Представляется возможным на основе приведенных выше примеров реконструировать для праславянского уровня глагол **mъlně / iti* в значениях 'блистать (молнией), сверкать, сиять'. Этот глагол образован от праслав. **mъl(d)ni* 'молния'.

Наиболее интересные и важные для нас значения продолжений праслав. **mъl(d)ni* наблюдаются в болгарском, верхнелужицком и кашубском языках. Это значения болгарского *млънии* 'луч, свет луча'[9], верхнелужицкого *milina* — 'зарница', 'северное сияние'[10] и кашубского *mål̃ńå* 'мгла, обычно предутренняя', 'какой-либо дрожащий свет'[11].

Таким образом, можно предположить, что у праслав. **mъl(d)ni* могли быть значения не только 'молния', но, возможно, 'колеблющийся свет, сияние', а также 'мгла', и, вероятно, '*огонь'.

Значение 'огонь' мы находим еще на индоевропейском уровне у др.-исл. (поэтич.) соответствия праслав. **mъl(d)ni* — *myln* (< и.-е. **meldh-* 'молния')[12]. Ср. также словосочетание в рус. (кольских) говорах *огонь-молния* 'яркая, сильная молния': Фчера *огня-молнии* колько[13]. Ср. еще сочетание значений 'огонь' и 'молния' у лат. *ignis*.

---

[1] *Элиасов*, с. 207.
[2] Там же, с. 124.
[3] СлРЯ XI—XVII вв., 9, с. 247.
[4] Там же.
[5] *Срезневский* II, стб. 204.
[6] СлРЯ XI—XVII вв., 9, с. 248.
[7] *Pleteršnik* I, S. 600.
[8] RJA VII, c. 155.
[9] *Геров* 3, с. 73.
[10] *Pfuhl*, S. 362.
[11] *Sychta* III, с. 45.
[12] *Pokorny*, S. 722.
[13] *Меркурьев*, с. 100.

Пересечение значений 'блеск, свет, сияние' и 'молния' мы наблюдаем у таких синонимов молнии, как ст.-слав. блискъ fulgur 'молния'[14], др.-рус. *блѣскъ* splendor, αὐγή; ἀφή tactum; 'цвет', χρόα, color, 'молния'[15], рус. (смол.) *блеска́вица*, *блиска́вйца* 'молния без грома'[16], чеш. *blesk*, слвц. *blesk*, словен. *blêsk*, н.-луж. *błysk* и т. д., а также болг. *светлавица*, *светкавица*, *святканица*, *светкавище*, *светкотева*, *свитка*[17], макед. *светкавица*[18], с.-хорв. *све́тлица*, *свје́тлица*[19]; с.-хорв. *си̏јавица* 'зарница, молния'[20]; ср. также рус. (соликам.) *воссия́ньё* 'яркий свет, излучаемый молнией; сверканье молнии'[21]; интересно также подмоск. *разъясне́ние* 'прояснение (о состоянии погоды)', 'вспышка молнии'[22].

Интересны также значения кашуб. прилагательных † † *måĺńani* — 'о пламени дрожащем' и † *måĺńisti* — 'светящийся, блестящий'[23].

Кашуб. *måĺńani* 'о пламени дрожащем' позволяет высказать предположение о том, что древнерусское существительное *молняно* в отрывке из Археографической летописи (1015 г.) по списку XVII в.: От тѣла же святого много ви//дяхуся славно *молняно*. И как Ярослав побѣди Святополка, тогда и тѣло святого обрѣтше Глѣба[24] — субстантивированное прилагательное **молняный*, которое, возможно, существовало в древнерусском языке в значении, близком или тождественном значению кашубского прилагательного — 'о пламени дрожащем'. Существительное *молняно* значило, видимо, *'колеблющийся свет, мерцание, сияние'.

У кашубского глагола *måĺńic są* (которое также восходит к праслав. **mъlně / iti*) кроме значения 'блистать (о молнии) без грома', есть также значение 'нахмуриваться (о погоде)': Tou̯ so mö d'o‿dejšču, bu̯e tou̯ so. *möĺńö*[25], а кашубское прилагательное *måĺńovati* значит 'пасмурный'[26].

Сочетание значений в кашубских примерах 'дрожащий свет' и 'мгла', 'блистать (о молнии)' и 'нахмуриваться (о погоде)' не является исключением в славянской лексике, ср., например, рус. (твер. осташ.) *уси́нка* 'тень от строений'[27]; *сень* 'тень', восходящие к *сиять*[28], кашуб. *blěščava* 'пасмурная погода, небо пасмурное'[29] и т. д.

---

[14] Slovník. jaz. stsl. 3, с. 115.
[15] *Срезневский* I, стб. 118.
[16] *Филин* 3, с. 26.
[17] *Koseska V.* Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972, с. 97.
[18] *Конески* III, с. 157.
[19] *Толстой*³, с. 535.
[20] Там же, с. 542.
[21] Соликам. словарь, с. 85.
[22] *Иванова.* Подмоск., с. 436.
[23] *Sychta* III, с. 45.
[24] Картотека ДРС.
[25] *Sychta* III, с. 45.
[26] Там же.
[27] Опыт, с. 240.
[28] *Фасмер* III, с. 602.
[29] *Sychta* VII, с. 16.

Мы можем также предположить, что у праслав. **тъlně / iti*, кроме значений 'блистать (о молнии), сверкать, сиять', могло быть также значение 'нахмуриваться (о погоде)'.

Обратимся теперь к типологии глаголов в значении 'рассветать' в русском языке, с привлечением некоторых данных других славянских языков. Лексика исследованных языков позволяет, как нам кажется, выделить такие семантические модели:

1. 'сиять, светлеть' → 'рассветать': рус. литер. *рассветать*; *свет настал* 'рассветает, солнце всходит'[30], *светóк*, смол. *свéток* 'рассвет, светает, солнце близится к восходу'[31], *наосвéте* 'на позднем рассвете, при первом солнечном луче'[32], *межесвет*, *межесветок* 'сумерки, сутиски, вечерний либо утренний полусвет'[33], вят. *усвет* 'сумерки, сутиски, заря утренняя, или вечерняя'[34], *просветок* 'утренняя заря, рассвет'[35], *просветáть* 'рассветать, наставать утренней заре'[36]; *насветать* то же[37], ср. укр. *дóсвiт* 'рассвет'[38], *освiнýти* 'рассвет, начаться рассвету'[39]; далее, к этой же модели можно отнести и рус. литер. *брéзжить* 'светать, распространять слабый свет в начале утра', рус. диал. (ср.-урал.) *брéзга* 'рассвет', 'что-либо показавшееся, почудившееся, видение'[40], рус. (просторечн. и обл.) *брезг* 'наступление рассвета', соликам., новосиб. 'время суток перед восходом солнца; рассвет'[41]; ст.-рус. *брѣзгъ*, *брезгъ* 'рассвет, diluculum' (Жит. Страт. XVI в.)[42]; смол. *побрящело* 'стало светать'[43]; сюда же, вероятно, относится и блр. диал. *набрачóк* 'рассвет'[44]. Перечисленные выше лексемы восходят к праслав. **brězgъ* (< и.-е. **bhrēg-*) и родственны др.-инд. *bhrā́jati*, авест. *brāzaiti* 'сияет, блестит, светит' и др.-инд. *bhrā́śatē* 'пылает, светит'[45].

К праслав. **zolkъ* 'рассвет, заря' (< и.-е. **g'hel-* 'блестеть, сверкать'[46]) восходят относящиеся также к этой модели рус. диал. (псков.) *зáлок* 'рассвет'[47], псков., твер. *зóлочить* 'заниматься (заре)': На востоке уж *золочит*[48]; блр. диал. *залачáць*,

---

[30] *Даль*³ IV, стб. 87.
[31] *Даль*³ IV, стб. 88.
[32] *Даль*³ II, стб. 1162.
[33] Там же, стб. 821.
[34] *Даль*³ IV, стб. 1066.
[35] *Даль*³ III, стб. 1328.
[36] Там же.
[37] *Даль*³ II, стб. 1216.
[38] *Гринченко* III, с. 427.
[39] Там же, с. 65.
[40] Сл. Сред. Урала I, с. 56.
[41] Соликам. словарь, с. 52; Новосиб. словарь, с. 41.
[42] *Срезневский* I, стб. 186.
[43] *Добровольский*, с. 610.
[44] *Касьпяровiч*, с. 196.
[45] *Berneker*, S. 85; ЭССЯ 3, с. 17.
[46] *Szymański T.* Prasłowiańskie dial. wsch. *zolkъ*. — RS, 1980, t. XL, 1, c. 43—44.
[47] *Филин* 10, с. 218.
[48] *Филин* 11, с. 337.

зълъчаць 'рассветать' [49], *зблак* 'рассвет': На *зблаку* вышли з' л'есý [50].

К этой же модели '*сиять*' → 'рассветать' относится и ср.-обск. *сиятóчек* 'рассвет': Утром чуть-чуть *сияточек* [51].

2) 'белеть' → 'рассветать': краснояр. *отбéлить*, *отбéливать* 'светать': *Отбелит*, это чуть начинает светать [52]; ряз. *добелá* 'до рассвета' [53], *белó* 'светло': Летъм ф три часа уж *било* быват [54]; ср. болг. *разбéлва се* 'светает', *зáбела*, *забеля́ва се* то же [55]; ср. также лат. *albeo*, *-ēre* 'быть белым, белеть', 'рассветать'; *albente caelo* 'на рассвете' [56].

3) 'тускло, слегка светиться' → 'рассветать': волог. *луни́ться* 'светить, отсвечивать, белеться, тускло светлеться, видеться белесоватым, особ. в потьмах; светать' [57], ср.-урал. *луни́ться* 'быть чуть заметным, едва-едва светиться': Ночью темнеть, едва *лунитца*; 'рассветать' [58], волог., новгор. *луни́ть* 'слегка светить, брезжить' [59].

4) 'становиться серым' → 'рассветать': рус. диал. (донск.) *серéть* 'светать': Ноч-уш прашла, начала *сиреть* [60]; блр. диал. (гродн.) *шарэць* 'рассветать': Хýтко бýдз'а дз'éн', ужо *шарéйа* [61].

5) 'неясно, неотчетливо виднеться, мутиться, туманиться' → 'рассветать': рус. (донск., курск., орл.) *бо(а)лванеть* 'рассветать'; 'неясно виднеться, смутно вырисовываться': Я уже почти слепой, вы у меня в глазах *болванеете*, да и только [62]; курск., орл., донск. *заболванéть* 'о наступлении рассвета'; донск. 'начать поспевать, краснеть (об арбузе)' [63]; курск. *балманéть* 'чуть виднеться' [64]; блр. диал. (гомел). *балванéць* 'мутиться': Штось мне *балваніе* ў вачах [65]. В украинском *бованіти* представлено в значении 'виднеться вдали': На небі чистому гек хмара *бованіе*; *бованя́чити* — то же: Дивлюсь — щось *бованячіть під селом* [66].

Что касается происхождения этого слова, то здесь нет ясности. В. В. Мартынов связывает блр. диал. *болван'ити* в значении

---

[49] *Шаталава*, с. 60; М. Н. Крыўко. Так гаворaць на Дзісеншчыне. — В кн.: Народнае слова. Мінск, 1976, с. 113.
[50] *Суяшковіч*, с. 197.
[51] Словарь Оби (Доп.) II, с. 180.
[52] Словарь Красноярского края, с. 136.
[53] Деулинский словарь, с. 143.
[54] Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР, 1. Саранск, 1978, с. 35.
[55] *Koseska V*. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim, c. 81.
[56] Латинско-русский словарь. Сост. А. М. Малинин. Изд. 2. М., 1961, с. 37.
[57] *Даль* [3] II, стб. 707.
[58] Сл. Сред. Урала II, с. 105.
[59] Картотека СРНГ.
[60] Донск. словарь III, с. 116.
[61] *Суяшковіч*, с. 556.
[62] *Филин* 2, с. 79; Филин 3, с. 71.
[63] *Филин* 9, с. 264.
[64] *Филин* 2, с. 83.
[65] Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны. — В кн.: Беларуская мова і мовазнаўства, вып. III. Мінск, 1975, с. 183.
[66] *Гринченко* I, с. 78.

'неясно светиться' (дер. Спорава: коли ји́де ча́јкоју и вели́кий туман и пока́жет'с'а бе́рег там н'и́што болвани́је) со словом балван, которое в значении 'антропоморфная фигура; в ротовое отверстие ее вставляется лучина, которую зажигают для освещения хаты' записано автором в Западном Полесье (дер. Спорава Березовского р-на Брестской области): ста́вл'ат' болвана́ з дерева јак чолов'и́к и дра́нку в рот и гори́т [67].

Авторы Этимологического словаря белорусского языка также связывают блр. балванець 'едва виднѐться' с *bъlvanъ 'балван (изваяние)' [68].

Другое мнение — о том, что это может быть заимствование из балтийских языков, — высказывает О. Н. Трубачев (устное сообщение), ср. лит. bal(s)vas 'беловатый'.

К этой же модели 'неясно виднеться, мутиться, туманиться' → 'рассветать' относится и олон. замеледи́ло, безличн. 'о едва начинающемся рассвете': До того досидели, что уж замеледило на утре [69]; арханг., олон., волог. замеледи́ло 'потемнело, затуманилось в глазах': В глазах-то у меня замеледило, не видал, что у них опосля было; волог. замеледи́ть 'замерцать на темном фоне (о ярком свете)' [70]; арханг. меледи́ться значит 'виднеться, показываться' [71], олон. мелѐдить — 'частить ногами, мелькать' [72]. Развитие значений могло быть следующим: 'мелькать' → 'мерцать' и 'туманиться в глазах' → '(неясно) виднеться' → 'рассветать'.

6) 'становиться видным' → 'рассветать': рус. диал. (курск., орл., калуж., тульск., ряз.) видне́ть 'рассветать' [73]; ряз. видно 'о времени, когда светло', 'о наступлении дня, рассвета', видновáто 'более или менее светло' [74], блр. диал. выдно́ 'свет': Давай вы́јдым на выдно́ [75]; кашуб. v́idńica 'рассвет' [76].

7) 'начинаться заре' → 'рассветать': камч., новосиб. зо́риться 'рассветать': Перет утром начинает зорица: пора ужэ светат' [77]; кузбас., новосиб., краснояр. зáри́ться то же [78]; блр. зара́ць 'светать' [79], зара́цца то же [80].

8) 'наступать дню' → 'рассветать': арханг. днеть 'наступать дню, рассветать, светать; длиться дню, не смеркаться': Время

[67] *Мартынаў В. У.* З беларускіх этымалогій. — В кн.: Беларускае і славянскае мовазнаўства. Да 75-годдзя акадэміка АН БССР К. К. Крапівы. Мінск, 1972, с. 211.
[68] ЭСБМ I, с. 291.
[69] *Филин* 10, с. 239.
[70] Там же.
[71] *Подвысоцкий*, с. 90.
[72] *Куликовский*, с. 55.
[73] *Филин* 4, с. 275; Деулинский словарь, с. 84.
[74] Деулинский словарь, с. 84.
[75] *Климчук Ф. Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, с. 24.
[76] *Sychta* VI, с. 149.
[77] Камчат. словарь, с. 67; Новосиб. словарь, с. 196.
[78] Кузбас. словарь, с. 84; Новосиб. словарь, с. 182; Словарь Красноярского края, с. 69.
[79] *Гарэцкі*, с. 61.
[80] *Юрчанка Г. Ф.* Народнае вытворнае слова. Мінск, 1981, с. 201.

днеет, а ты все еще не готов; иркут., якут. *днйться* 'рассветать, светать'[81], укр. *днiти* 'светать'[82], блр. *днецъ*: *днее* — 'занимается день'[83]; олон. *заднять* 'рассветать'[84], псков., твер. осташ. *побýднеть* 'рассвесть, ободнеть'[85], *ободня́ть* 'рассветать, настать рассвету, утру'[86], донск. *обыдня́ть* 'о наступлении рассвета'[87], твер. *удне́ть* 'рассветать, настать дню, обутреть, ободнять'[88].

9) 'наступать утру' → 'рассветать': подмоск. *разбутря́ть* 'рассветать'[89], арханг. *обутреть* 'развиднеть (с утра)'[90]. Из синонимов глагола *рассветать* укажем еще на псков., твер. осташ. *ра́ннеть* 'рассветать'[91]; ср. еще др.-рус. *рана* 'рассвет'[92].

Опираясь на первую из приведенных выше семантических моделей: 'сиять, светлеть' → 'рассветать' (рус. *света́ть*, *сия́точек* 'рассвет' и т. д.), мы можем отнести забайкал. *моло́нить* 'рассветать' к праслав. **mъlně/iti*, которое, как уже говорилось выше, имело значения 'блистать (о молнии), сверкать, сиять'.

При этом можно вспомнить также так называемые «воробьиные ночи», когда вспышки молний следуют одна за другой, или же зарницы — молнии без туч и грома, которые светят также с небольшими перерывами, находясь под горизонтом. Все небо при этом сияет прерывистым, дрожащим светом.

Не исключено, однако, что *молонить* может быть отнесено и к другой модели — 5 — 'неясно, неотчетливо виднеться, мутиться, туманиться' → 'рассветать' (рус. *болванеть* и др.); можно предположить, что значению 'рассветать' в *молонить* предшествовало значение '*туманиться, стоять мгле' (ср. значение кашуб. *mâłńâ* 'мгла, обычно предутренняя'); впрочем, это менее вероятно, тем более, что такое значение не зафиксировано в русском языке.

Что же касается вокализма забайкальского *молонить* (вместо ожидаемого *молнить*), то здесь, вероятно, наблюдается то же колебание между полногласным и неполногласным вариантом, как в существительном *молния* (ср. диалектный вариант *молонья́*).

закри́на

В псковских говорах записано слово *закри́на* в значении 'опушка леса; поросль'[93]. Оно не отмечено в других славянских языках и еще никем не этимологизировалось.

---

81 *Филин* 8, с. 72.
82 *Гринченко* I, с. 394.
83 *Янкоўскі* II, с. 59.
84 *Филин* 10, с. 60.
85 Доп. к Опыту, с. 184.
86 *Даль*³ II, стб. 1562.
87 Донской словарь II, с. 196.
88 *Даль*³ IV, стб. 956.
89 *Иванова*. Подмоск., с. 433.
90 Доп. к Опыту, с. 228.
91 Доп. к Опыту, с. 228.
92 Срезневский III, стб. 70.
93 *Филин* 10, с. 164.

Опушка леса в восточносибирских, вятских, белозерских, новгородских говорах носит еще название *закра́ек*: В великом посту козули переселяются на житье в лесные опушки, как говорят, *закрайки*[94]. В подмосковных говорах слово *закраек* употребляется в том же значении[95]. В смоленских говорах, а также калужских, новгородских, новосибирских опушка леса называется *край*, в жиздринских, калужских слово *край* употребляется в значении 'лес'[96]. Опушка леса носит также название *кро́мка* — 'опушка леса, рощи, бора': М я г к а я л е с и н а растет с *кромки* рощи (томские говоры)[97]. Ср. значение 'поросль' у слова *закри́на*.

Нам кажется, что слово *закри́на* образовано от **крина*, не засвидетельствованного, правда, ни в русских говорах, ни в других славянских языках и родственного слову *край* в значении 'опушка леса'.

Слово *край* является родственным глаголу *кроить* 'резать' (< и.-е. **(s)krēi-*, далее, к и.-е. **(s)ker-* 'резать'). К основе **(s)krēi-*, по мнению Г. Ильинского, восходит также греч. κρίνω 'отделяю, различаю', лат. *cernọ* (< **crimo*) 'отделять' и праслав. **krь* в слав. *искрь* 'близко'. Та же основа — в укр. *крій* 'близь' < праслав. **krьjь* < **krъịь*[98].

К балтославянской основе **kreịō-* 'отделять' (< и.-е. **(s)ker-* 'резать') Покорный возводит лтш. *krijât* 'обдирать шкуру', **krija* 'древесная кора', лит. *krìjas* 'обод решета', pl. *krìjos* 'лыко, кора', *skríjos* 'обод решета', в.-луж. *křida*, н.-луж. *kśida* (< **krida*) 'решето'[99]. К этой же основе восходит, по нашему мнению, и рус. диал. **крина* 'опушка леса, поросль'.

перевя́ть

В работе Е. Н. Борисовой «Лексика Смоленского края по памятникам письменности» приведен глагол *перевя́ть* в значении 'порвать, перетереть (о канате)': притерщись к берегу где можно погруженои канат зацепит и зацепя тот канат *перевяли*[100].

Слово не отмечено в других русских диалектах и славянских языках, оно еще не этимологизировалось. На первый взгляд, оно как будто бы восходит к *вянуть* (ср. ср.-в.-нем. *swenden* 'истреблять'[101]), что, однако, представляется семантически маловероятным.

Можно предположить, что в смол. *перевя́ть* сохранено реликтовое **вять* в значении 'рвать, тереть', которое, вероятно, можно реконструировать как **vẹti* и возвести предположительно к и.-е.

---

[94] Там же, с. 161.

[95] Записано мною в Московской области (Клинский р-н, 1975 г.).

[96] *Филин* 15, с. 163.

[97] Там же, с. 275.

[98] *Ильинский Г.* Славянские этимологии XXX. Млр. *крій* 'близко'. — РФВ LXV, 1911, с. 230—231.

[99] *Pokorny*, S. 946.

[100] *Борисова Е. Н.* Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1974, с. 134.

[101] *Фасмер* I, с. 375.

*uen- 'бить, ранить', к чему восходит также арм. *vandem* 'разрушаю', гот. *wunds* 'ранит', англ. *wen*, ср.-н.-нем. *wene*, дат. диал. *vann*, *vane* (прагерм. **wanja*), кимр. *ym-wan* 'биться, сражаться', ср.-кимр. *gweint* 'пронзаю', корн. *yth ymwanas* 'пробивает, бьет, прокалывает', *gwane* 'прокалывать, просверливать', а также др.-в.-нем., н.-в.-нем., др.-сакс., англосакс. *Wund*, др.-исл. *und* 'рана' (< **un̥-tós*, *-tā́*), ср.-кимр. *gwân* 'укол', англосакс. *Wenn* 'опухоль' (первоначально, конечно, 'шишка, желвак вследствие удара')[102].

И.-е. **uen-* 'бить, ранить' восходит к и.-е. **ua-*, *uō-*, *uə-* то же, к чему в свою очередь восходит лтш. *vâts* 'рана' = лит. *votìs* 'открытый нарыв', деминутив *votẽlis*[103].

Как мы видим, семантика приведенных выше германских, кимрских и корнуэльских примеров, восходящих к и.-е. **uen-* 'бить, ранить' (значения: 'прокалывать', 'пронзать', 'просверливать') близка семантике глагола **вять* 'рвать, тереть'.

В вологодских говорах записано слово *вя́ха* в значениях 'куча, ворох, беремя, большая ноша', 'удар, затрещина, остолбуха, тумак'[104]. М. Фасмер пишет о *вя́ха* 'удар, тумак', *вяшить* 'бить' как о темных словах[105]. Однако если предположить, что у русского **вять* было кроме значений 'рвать, тереть' еще и значение '*бить', то волог. *вяха* может быть возведено к этому глаголу.

Для вяха I 'куча' М. Фасмер также не дает этимологии; предложенное Преображенским сравнение с *вязать* он считает сомнительным[106]. Нам кажется, что *вя́ха* 'куча' также может быть образовано от **вять* в предполагаемом значении '*бить', если первоначальным значением волог. *вяха* считать значение 'шишка, желвак (от удара)', ср. родственное рус. **вять* англосакс. *Wenn* 'опухоль' (первоначально, также 'шишка, желвак от удара')[107].

Само слово *куча* считается родственным лит. *kaũkas* 'шишка', *kaukarà* 'холм'[108].

Интересно в связи с этим записанное в русских говорах на территории Мордовской АССР слово *вять* 'вершина стога': *Вяти* из-за леса видны[109].

В «Этимологическом словаре белорусского языка» слово *вяхо́тка* в значении 'куча, стадо, толпа' считается неясным, причем не исключается возможность сравнения его с волог. *вя́ха* 'куча' («Дальнейшие связи остаются неясными»)[110]. Белорусское диал. *вяхотка* 'куча, стадо, толпа', действительно, может быть связано с волог. *вя́ха* 'куча' и далее с рус. **вять* '*бить, рвать, тереть'.

---

102 *Pokorny*, S. 1108.
103 Там же.
104 *Даль*[3], стб. 830.
105 *Фасмер* I, с. 377.
106 Там же.
107 *Pokorny*, S. 1108.
108 Фасмер II, с. 437.
109 Словарь русских народных говоров на территории Мордовской АССР, 1, с. 105.
110 ЭСБМ II, с. 336.

Название осоки *вя́чка* (Carex leporina) записано в говоре деревни Деулино (Рязанская область): *В'ач'ка* трава, ана в балотах рас'т'от б'елым пухам... а ш'ш'ас йийо мала урад'илас'[111]. Это название можно, вероятно, объяснить как уменьшительное от **вяча* (< **vętja*), связанное с **вять* '*бить, рвать, тереть' и имеющее первоначальное значение 'режущая, ранящая трава', ср. *осока* от **sěkti* 'сечь'.

сертуха́

Арханг. *сертуха́* в значении 'мелкий моросящий дождь' (синоним арханг. *ситуха́* то же) зафиксировано в анкете для собирания лексики в говорах Архангельской области (устное сообщение Л. П. Комягиной). Это слово не встречается ни в одном из известных нам диалектных словарей русского языка, оно отсутствует в других славянских языках и еще не этимологизировалось.

Это слово, вероятно, родственно в первую очередь с.-хорв. *posŕnuti* в значении 'потечь, устремиться (о воде, людях, животных)', которое возводится Ж. Ж. Варбот к праслав. основе **sьrt-* и далее к и.-е. **ser-* 'стремиться, быстро и порывисто двигаться'[112], к чему восходит, в частности, др.-инд. *sísarti*, *sárati* 'течь, спешить, стремиться', *sará-* 'текучий', *sarā́* 'поток, ручей', греч. ὀρός, лит. *serum* 'сыворотка кислого молока, простокваши'[113]. Ж. Ж. Варбот отмечает, что значение 'течь' встречается у рефлексов **sьrt-* редко и приводит в качестве примера только с.-хорв. *posŕnuti*[114].

Балтийское название реки **Sertēja* (заимствованное в украинский в названии реки *Сертея*, вариант *Сиреть*) украинскими исследователями также возводится к и.-е. **ser-* 'течь'[115].

К глаголам от праславянской основы **sьrt-* 'течь, стремиться', рассмотренным Ж. Ж. Варбот в этюде **sьrtati*, можно отнести также глагол, образованный от апофонического варианта этой основы **sъrt-*, кузбас. *посо́ртить* 'помочь': Я-то к тебе покучилась, чаво ж ты не *посортила*?[116] Значение 'помочь', вероятно, можно вывести из значения 'хлопотать', которое в свою очередь (для праслав. **sьrtati*) выводится Ж. Ж. Варбот из значения 'двигаться взад и вперед'[117]. Ареал праслав. **sьrtati* можно расширить также за счет блр. диал. *сярто́ліцца* 'выполнять долгую и тяжелую работу'[118].

---

[111] Деулинский словарь, с. 105.
[112] *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. V. — В кн.: Этимология 1975. М., 1977, с. 34.
[113] *Pokorny*, S. 909—910.
[114] *Варбот Ж. Ж.* Указ. соч., с. 34.
[115] Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. Київ, 1981, с. 78.
[116] Кузбас. словарь, с. 167.
[117] *Варбот Ж. Ж.* Указ. соч., с. 33.
[118] *Свяжынскі І. М.* Лексічныя рэгіяналізмы гаворкі вёскі Тураспопле Ушацкага раёна. Народная лексіка. Мінск, 1977, с. 10.

*sivati

В сибирских говорах записано слово *сйвкать* в значении 'бегать взад и вперед, суетиться'[119]. Это слово дается В. И. Далем с вопросом. В том же значении слово *сйвкать* представлено в «Словаре русских говоров Забайкалья»[120]; в иркутских говорах слово записано с префиксом *за-*, *засйвкать* в значении 'начать бегать, сновать'[121].

Поскольку элемент *-к-* часто является вторичным — структурным показателем однократности действия, можно предположить существование глагола **сйвать*; такой глагол мы находим в родопских говорах болгарского языка: *сйвам* 'бегаю, спешу, тороплюсь' : Тѐ *сйвала*, преспо̀нала со и па̀днала[122].

Сюда же, вероятно, можно отнести псков., твер. осташ. *сйверить* 'торопить'[123], а также *северьга́* (географические пометы те же) 'кто поспешно принимается за дело и скоро хочет делать'[124], забайкал. *сйвейга* 'бойкий, проворный человек'[125]. *Сйверить*, вероятно, образовано от **сивер*, не засвидетельствованного в славянских языках и восходящего к **сйвать*. От *сйверить* образовано *северьга́* (*сйвейга*).

На основании приведенных выше русских и болгарских примеров мы можем для праславянского уровня реконструировать **sivati* в значении 'бегать, торопиться, суетиться' (мы имеем здесь русско-болгарскую изоглоссу).

Праслав. **sivati* 'бегать, торопиться, суетиться' еще не этимологизировалось.

Нам кажется возможным предположение о родстве **sivati* и **sigati* 'прыгать, скакать', которое сближают с др.-инд. *çīghrás* 'скорый, быстрый', англосакс. *hīgian* 'спешить, напрягаться, стремиться'[126] и возводят к и.-е. **k̂ēi-gh* 'быстрый, стремительный'[127].

Судя по наличию индоевропейских основ **k̂ēigh-*, **k̂ēibh-* с тождественной семантикой[128], можно выделить и.-е. корень **k̂ēi-* в значении 'быстрый, стремительный', к которому может восходить праслав. **sīvati* 'бегать, торопиться, суетиться'. Этот корень, возможно, генетически тождествен и.-е. **k̂ē(i)-* : *k̂ō(i)-* : *k̂ə(i)-* 'точить, заострять'[129]. Семантическая модель 'резкий' → 'быстрый' хорошо известна в славянских языках. Ср. еще новосиб. *сечь*

---

119 *Даль*³ III, стб. 144.
120 *Элиасов*, с. 376.
121 Иркут. словарь I, с. 179.
122 *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II. София, 1965, с. 265.
123 Доп. к Опыту, с. 241.
124 Там же, с. 240.
125 *Элиасов*, с. 376.
126 *Фасмер* III, с. 618.
127 *Pokorny*, S. 542—543.
128 Там же.
129 Там же, с. 541.

'быстро передвигать, переставлять': А рысаки ногами так и *секут* быстро[130].

Есть еще одна возможность интерпретации праслав. **sivati* 'бегать, торопиться, суетиться' — его отождествление с праслав. **sivati* 'блистать, сиять' (ср. чакав. *sīvȁt* 'сверкать, блестеть (о молнии)' [131]).

Ср. с семантической точки зрения также ср.-урал. *блеску́чий* 'веселый, радостный' [132], брян. *блесну́ть* 'быстро исчезнуть': Куда там унучки *блеснули*?; *бли́снуть* 'быстро подойти': «Красуля!» — сказала я. Ана (корова) *блиснула* ка мне и у пуньку[133].

лиять

Арханг. (шенкур.) *лиять* в значении 'дремать или кунять, хотеть спать' приводится в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Далем в контексте: я *лию* — 'меня клонит ко сну, мне дремлется'. Слово дается без ударения[134].

Слово еще не подвергалось этимологическому анализу. Если предположить, что *и* в *лиять* на месте этимологического *ě* (переход этимологического *ě* в *и* характерен для северных русских говоров), то слово можно было бы реконструировать как **lějati* и выдвинуть следующую осторожную гипотезу: арханг. *лиять* (**lějati*) может быть родственно праслав. **lěnь* 'лень' и вместе с ним может восходить к и.-е. **lē(i)-* 'ослаблять, уменьшать' (=*lē(i)-* 'предоставлять'); *lē-no-* 'слабый, утомленный, мягкий', к чему восходят также, вероятно (по мнению Покорного), греч. ἐλῑ-νύω 'я нахожусь в праздности, отдыхаю'; лат. *lētum* 'смерть, уничтожение' ('*сонно падать, опускаться, убывать', ср. *das Leben lassen*), *lēnis* 'кроткий, мягкий' (возможно, преобразовано из **lēnos-*), лит. *lė́nas* 'спокойный, кроткий, медленный', лтш. *lę̄ns* то же, ст.-слав. *lěnъ* 'ленивый'; с другим суффиксом лтш. *lē-lis* 'сонный человек', *lēts* 'мягкий, дешевый', лит. *lė̃tas* 'слабый, глупый' (первоначально 'сонный'), лтш. *laita* 'лень' [135].

Семантическое развитие глагола *лиять* было, вероятно, следующим: 'ослабевать' → 'дремать', 'засыпать'. Ср. восходящее к и.-е. **lē(i)-* 'ослаблять', лтш. *lē-lis* 'сонный человек'. Ср. с точки зрения семантики лит. *drunėti* 'долго и крепко спать' и родственное ему *drūnėti*, *drūnýti* 'становиться слабым' [136].

---

[130] Новосиб. словарь, с. 496.
[131] *Hraste—Šimunović* I, S. 1110.
[132] *Филин* III, с. 19.
[133] Словарь брянских говоров, 1, с. 59, 60.
[134] *Даль* ² II, с. 260.
[135] *Pokorny*, S. 666.
[136] *Fraenkel*, S. 107.

А. Ф. Журавлев

СЕМАНТИКА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА *ОБЫДЕННЫЙ*

Слово *обыденный* является восточнославянским образованием, южно- и западнославянским языкам оно неизвестно.

В современном литературном русском языке прилагательное *обыденный* характеризуется ударением на втором слоге, затемненной морфемной структурой и обладает лишь значением 'повседневный, обыкновенный, заурядный'. Ударение на третьем слоге (с прояснением корневого гласного в *о*) в словарях сопровождается пометой «устаревшее». В 17-томном словаре современного русского языка как устаревшее приводится значение 'произведенный, сделанный в течение одного дня', с иллюстрацией из «Истории русского искусства» И. Грабаря — об *обыденных церквах*[1]. Отсутствует в литературном языке и производящая для *обыденный* форма *обыдень* (в словари включается лишь вторичное по отношению к *обыдень* наречие *обыдёнкой*, но с пометой «областное» и иллюстрациями из текстов, отражающих диалектное влияние, например, из Л. Толстого, И. Бунина). В современных белорусском и украинском литературных языках прилагательные *абыдзенны* и *обиденний* отсутствуют[2]. Включаемое в словари украинского языка наречие *обидень* снабжается пометой «диалектное».

В региональных словарях восточнославянских языков, в отличие от литературного русского языка, у указанного прилагательного сравнительно редко отмечается значение 'повседневный, обычный', ср. например блр. диал. (Логойский р-н Минской обл.) *abydzіónny* 'на каждый день'[3], витеб. *абыдзённы* 'ежедневный': Гэта *абыдзенная* работа[4]; господствует семантика 'однодневный, сделанный в течение одного дня'. То же значение (разумеется, со «снятием» грамматической семантики адъектива) фиксируется у соотносительных наречий *обыдень*, *обыдёнкой* и др. Ср.: моск. *обыдённый* в выражении *обыдённое тесто* 'тесто, из которого пекут в тот же день, в какой оно поставлено', *обыдённик* 'лепешка из ржаного или овсяного «обыденного» теста', *обыдёнкой* 'в течение одного дня': Щас можнъ *абыдёнкъй* в Маскву съездить, а веть раньшы едеш три дня[5]; ряз. *обыдённый*, *обыдёночный* 'сделанный, приготовленный в течение одного дня', *обыдёнкой* 'в течение одного дня'[6], донск. *обыдённый* 'однодневный', *обыдённо*, *обыдёнки*, *обыдёнкою* 'в течение суток'[7]; вят. *обыдень* 'однодневно', *обы-*

[1] ССРЛЯ VIII, с. 575.
[2] См.: Тлумачальны слоўнік беларускай мовы, т. I. Мінск, 1977; Словник української мови, т. V. Київ, 1974.
[3] *Varłyha*, с. 6.
[4] *Касьпяровіч*, с. 8.
[5] *Иванова* Подмоск., с. 303.
[6] Деулинский словарь, с. 359—360.
[7] Донской словарь II, с. 196; *Миртов*, с. 209, 389.

дёнки 'один день, однодневки' (в значении существительного?)[8]; волог. *вобыдён* 'об один день, в один день или за один день, одним днем, в одни сутки'[9], *вобы́ден* то же[10]; *обыдёнка* 'работа одного дня' в говоре уроженки Шатровского р-на Курганской обл.[11]; иркут. *обыдёнком*, *обудёнком* 'за один день', 'на один день'[12]; камч. *обыдёнка* 'выезд куда-либо с возвращением в тот же день', *обыдёнком*, *обыдённо* 'на один день': Я севодня *обыдёнком* сйездил в Ус'йе[13]; могил. *абы́дзень* '1. каждый день; 2. за день, на протяжении дня'[14]; витеб. *абы́дзень* 'в один день': Ездзілі у Віцебск і *абыдзень* былі дома[15], *абудзён* 'в тот же день'[16]; харьк. *обиде́нний* 'сделанный в один день', *обиденкою* 'за день'; конотоп., борзнян. *обидень* 'на день, за день': *Обидень* не вернеться відтіля[17] и т. д. Думается, что и лиозненское (витеб.) *абыдзе́нны* из словаря Касперовича, приведенное выше и иллюстрированное примером «Гэта *абыдзенная* работа», может толковаться как 'однодневный, на один день' (т. е. 'здесь работы на один день').

В. И. Даль литературное употребление слова *обыденный* в значении 'повседневный, обиходный' считает ошибочным: «Недавно стали писать у нас ошибочно *обыденный* в смысле *обиходный* или *ежеденный*; *обыденная жизнь* (однодневная) вошло даже в заглавие одной переводной книги, названной в подлиннике *обиходною, ежеденною*»[18]. В этом его поддерживает Я. К. Грот: «*обыденный*, как ясно показывает его происхождение, может значить только однодневный (*обыденка* = эфемера)»[19].

Семантика 'однодневный, сделанный, совершенный в течение одного дня' отчетливо проявляется у прилагательного *обыденный* в составе обрядового термина (*обыденное полотенце* и аналогичных), обозначающего ритуальное полотно, сотканное в течение одного дня или одной ночи, а иногда и из ниток, спряденных в тот же день или ночь. «Обыденные полотенца» ткали в случаях стихийных бедствий — засухи, падежа скота или эпидемий холеры. Этот обычай был распространен в Белоруссии (концентрируясь в Полесье) и примыкающих к ней зонах (Волынь, Черниговщина, Орловская губ.), а также — реже — на Средней Волге и в Сибири, куда зане-

---

8 *Васнецов*, с. 171.
9 *Даль*[4] I, стб. 533.
10 *Филин* IV, с. 327.
11 *Тимофеев*, с. 77.
12 Иркут. словарь II, с. 82.
13 Камчат. словарь, с. 115.
14 *Бялькевіч*, с. 37.
15 Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. I. Мінск, 1979, с. 44.
16 *Касъпяровіч*, с. 7.
17 *Гринченко* III, с. 9.
18 *Даль*[4] I, стб. 533; II, стб. 1634.
19 *Грот Я*. Народный и литературный язык. — В кн.: *Грот Я*. Филологические разыскания. Т. I. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. СПб., 1876, с. 15, сноска 2.

сен поздними переселенцами[20]. В этнографической литературе отмечены такие наименования ритуального однодневного полотна: *обыденное полотно* (гродн., могил.; в записях игнорируются особенности белорусской фонетики)[21], иркут. *обыдённой холс(т)*[22], минск. *абудзённый* (холст)[23], чебокс. *обыденна новина*[24], минск. (борисовск.) *абыдзянная намётка* у белорусов-католиков[25], орл., (севск.) *обыдённый рушник*[26]. Кроме этого, встречаются универбы — суффиксальные существительные, образованные от прилагательного *обыденный*: блр. диал. *обыдзенник*[27], *обыденник*[28], минск. *обыденок*[29]. Ср.: «В борьбе с повальными болезнями употребляют еще «*обыдённой холс(т)*». В один день напрядут, в этот же день выткут; в работе принимают участие несколько соседок, по возможности больше. Обрезки этого холста привешивают на ворота всех дворов деревни и на ворота поскотины. Старые обрезки «*обыдённова холста*» мне пришлось видеть на «матках» (перекладинах) ворот в дер. Бадар в 1905 году»[30]; «Некоторыми женщинами соблюдаются «*обыденники*». Они заключаются в следующем: в субботу несколько женщин вместе выпрядут, оснуют и выткут сколько с раннего утра до позднего вечера могут успеть и побелив потом несколько это «обыденное», приготовленное в один субботний день, полотно, относят для пожертвования в церковь»[31].

Обыдённым, т. е. делаемым в течение одного дня или одних суток и вследствие этого обладающим особой сакральной чисто-

---

[20] См.: *Зеленин Д. К.* «Обыденные» полотенца и обыденные храмы. (Русские народные обычаи). — ЖСт 1911, вып. 1; *Журавлев А. Ф.* К ареальной характеристике восточнославянской скотоводческой охранительной магии (обряды при эпизоотиях). — В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977, с. 228—229; *Он же.* Охранительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение. — В кн.: Славянский и балканский фольклор. Генезис, архаика, традиции. М., 1978, с. 86—88.

[21] *Крачковский Ю. Ф.* Быт западно-русского селянина. М., 1874, с. 196; ЛО Архива АН СССР, ф. 104 (фонд П. В. Шейна), оп. 1, ед. хр. 367, л. 6.

[22] *Виноградов Г.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири. — ЖСт 1915, вып. 4, с. 384.

[23] *Зеленин Д. К.* Указ. соч., с. 19.

[24] *Магнитский В.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Собраны в некоторых местностях Казанской губернии... Казань, 1881, с. 137; *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического Общества, вып. II. Пг., 1915, с. 503.

[25] *Зеленин Д. К.* «Обыденные» полотенца..., с. 5.

[26] *Святский Д.* Крестьянские костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губерний. — ЖСт 1910, вып. 1—2.

[27] *Дмитриев М. А.* Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края. Вильна, 1869, с. 264.

[28] *Даль*[4] II, стб. 1635; ЛО Архива АН СССР, указ. рукопись.

[29] *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка населения Северо-Западного края, т. III. СПб., 1902, с. 295 (здесь также игнорируется белорусская фонетика).

[30] *Виноградов Г.* Указ. соч., с. 387.

[31] ЛО Архива АН СССР, указ. рукопись.

той, позволяющей использовать такой предмет в магических — очистительных — целях, могло быть не только полотно. В словаре Б. Д. Гринченко статья *обиденний* иллюстрируется текстом, в котором упоминается *обиденна сіть*: Зробіть ви *обиденну сіть*, таку, шоб у в о д и н д е н ь і прялась і сукалась, і моталась, шоб із тії ниті і сітка плелась[32].

Большую известность имел в прошлом обычай воздвижения в случаях крупных бедствий, прежде всего (а по исследованию Д. К. Зеленина — исключительно) моровых поветрий (на людей), *обыденных церквей, обыденных храмов*. Ср.: *обыденьныи*... однодневный; в один день выстроенный: — У Ильи пророка *обыденного*. Никон. л. (т. VIII. 193), — с дальнейшим объяснением и цитатами из летописных документов, не содержащими, впрочем, прилагательного *обыденный*: «Обыденные церкви строились обыкновенно по обету, данному целым городом, большею частью для избавления от болезни. Указание на построение таких церквей встречаются нередко в Новгородской и Псковской летописях»[33]. Обыденные церкви, кроме Новгорода и Пскова, были известны в Ярославле, Вологде, Вятке, Москве[34], например, московские церкви св. Евангелиста Марка «на рву» в Китай-городе, Пророка Илии обыденного «за Пречистенскими воротами», некоторые церкви в Кремле[35].

Как показывает диалектный и исторический материал, первоначальным и единственным значением слова *обыденный* было 'однодневный', 'сделанный в течение одного дня или рассчитанный на совершение в течение одного дня'. Новое значение 'каждодневный; заурядный, обыкновенный' появляется поздно: если опираться на семантический комментарий В. И. Даля, приведенный выше, то можно судить, что в его время смена значений у *обыденный* была еще актуальным процессом. Новое значение почти не проникает в диалектные лексико-семантические системы, но полностью вытесняет прежнее в литературном русском языке. Оно настолько прочно вошло в употребление, что нередко лексикографы-диалектологи, даже имея дело с заведомо старой, не литературной семантикой слова *обыденный*, но не подозревая о стоящем за имеющимся в их распоряжении лексическим и иллюстративным материалом реальном (этнографическом) субстрате, склонны подменять ее в толкованиях современным стандартизованным значением. Так, скажем, в лексиконе говоров Новосибирской области к выражению *обыдённая рубаха* даются следующие толкование и иллюстрация: 'рубашка, сщитая из домотканого полотна для повседневной (?) носки'. — Женщины в о д и н д е н ь намяли, напряли и рубашку сшили, это *обыдённая рубаха*[36]. Еще эффектнее несоответствие между ил-

[32] *Гринченко* III, с. 9.
[33] *Срезневский* II, стб. 572—573.
[34] См.: *Зеленин Д. К.* «Обыденные» полотенца..., с. 18; *Уваров А. С.* Обыденные или единодневные церкви. — В кн.: Древности. Труды Московского Археологического Общества, т. I, вып. 2. М., 1865—1867.
[35] См.: *Снегирев И. М.* Москва. Подробное историческое и археологическое описание города, т, I. М., 1865.
[36] Новосиб. словарь, с. 346.

люстрацией и трактовкой значения того же словосочетания в словаре сибирской диалектной фразеологии, использующем ту же самую диалектную запись, но с более пространным ее цитированием: *обыдённая рубаха* 'рубашка, быстро и просто (!!) сшитая из домотканого полотна для повседневной (?) носки'. — Трясовица раньше ходила (!), так женщины в один день лен намяли, напряли и рубашку сшили, это *обыдённая рубаха*[37].

Морфемная структура прилагательного *обыденный*, а точнее базового наречия *обыдень*, как было сказано, с современной точки зрения представляется не вполне ясной. Трудность заключается, собственно, в идентификации начальной части наречия и прилагательного *обы-*: является ли этот сегмент нерегулярной модификацией предложно-префиксальной морфемы *объ/об(ъ)-* или же перед нами составной элемент, сочетающий морфему *об-* с «остатком» какой-то другой морфемы. М. Фасмер, вслед за Я. К. Гротом[38], принимает вторую версию и считает морфемную структуру прилагательного *обыденный* результатом диссимиляции «из **объ инъ дьнь*» (Г. А. Ильинский, опираясь на форму *овыденный*, реконструирует исходное словосочетание **въ инъ день > выдень* по ассимиляции), предполагая в *-ы-* остаток местоименной морфемы *ин-* 'один'. В этом случае наречие *обыдень* представляет собою, по осторожному соображению Фасмера, частичную словообразовательную параллель к др.-рус.-ц.-слав. *оидень* 'в тот же день'[39]. Апелляцию к незасвидетельствованному словосочетанию **ob inъ dьnь* повторяет и Фр. Копечный в новом чешском этимологическом издании[40].

Однако, на наш взгляд, ряд обстоятельств мешает принять такую интерпретацию происхождения слова *обыденный*. Во-первых, семантика местоимения *инъ* не столько счетная ('один') или отождествительная ('тот же'), сколько индефинитивная ('некоторый, иной'), ср. значения *инъ*, формулируемые в словаре древнерусского языка: 1) 'иной, другой', 2) 'один, какой-то, некий', 3) в знач. сущ. 'другой', 4) в знач. сущ. 'один, кто-то'[41]. Словосочетание **объ инъ дьнь* означало бы не столько 'в тот же самый день; за один день', сколько 'в один из дней, в какой-то день; некогда, однажды; иногда' и т. п.[42].

---

[37] Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. Новосибирск, 1972, с. 130.

[38] См.: *Фасмер* III, с. 111; *Грот Я. К.* Филологические разыскания, т. II. СПб., 1899, с. 442.

[39] «. . .нет ли здесь приставки *о-* и местоим. *jь*?» (*Фасмер* III, с. 126).

[40] Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Předložky. Koncové partikule. Praha, 1973, s. 134.

[41] СлРЯ XI—XVII вв. VI, с. 233.

[42] А. Мейе, правда, пытается отделить слав. **in-* 'другой' от **in-* 'один' (см.: *Meillet A.* Études sur l'étymologie et la vocabulaire du vieux slave, II. Paris, 1905; в этом его поддерживает В. И. Абаев: *Абаев В. И.* Несколько замечаний к славянским этимологиям. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сборник статей к 70-летию члена-кор-

Во-вторых, параллельно с *обыдень*, *обыденный* существуют производные от *ночь*: рус. *обынóчный* 'длящийся всю ночь, целую ночь', *обыночно* 'в одну ночь сделанный, за одну ночь конченный, вночь, заночь' [43], блр. диал. — могил. *абынóч* 'каждую ночь', *абы́ныч* 'за ночь', витеб. *абыночны* [44]. Если исходить из предположения о происхождении *обыдень* из **объ инъ дьнь*, то производные от *ночь* следует признать лишь аналогическими образованиями, так как послепредложный винительный от *ин-* в женском роде никак не мог дать наличную рефлексацию.

По-видимому, при восстановлении деривационной истории слова *обыденный* нужно отказаться и от очень соблазнительного сопоставления его с диалектными формами типа *и́дной* 'иной', *и́дный*, *иднóй* 'иной, некоторый', ср. в устойчивых выражениях *и́дный раз*, *в и́дный день* 'однажды', *в и́дную ночь* 'однажды ночью'; *иднéй* (количественное числительное) 'один', *идни* 'в иной день' [45], как из-за преобладающей семантики 'некоторый', 'однажды', так и в силу их довольно узкой территориальной отмеченности: если не считать ряз. *идновá* 'однажды, однова', они фиксируются только на территории бывш. Олонецкой губ., в то время как *обыденный* известно в говорах гораздо шире. Не объясняют эти параллели и форму *обыночный*.

Представляется, что в основе вост.-слав. *обыдень* лежит предложно-именная группа **объ дьнь* 'в (один) день, за (один) день' (для *обыночь* предполагается соответственно **объ ночь*). На это указывают прежде всего такие примеры, как витеб. *абдзень* 'за день, в течение дня', *абноч* 'в ту же ночь, за ночь' [46], ср. также параллелизм образования прилагательных *одённый* 'денной, дневной' и *онощный* 'ночной' [47].

Доказательством допустимости интерпретации, согласно которой *обы-* рассматривается как вариант морфемы *об-*, может служить ряд параллельных употреблений приставочных морфов *об-/обо-/обы-* в сочетании с одними и теми же корневыми морфемами при условии близости значений сополагаемых лексем:

— *ободня́ть* 'рассветать, настать рассвету, утру', *ободнева́ть*, *ободнёвывать* 'пробыть на пути день, продневать, особ. ожидая ночи', *ободневанье*, *ободнёвка*, терск. *ободня́ть* 'вполне рассветать', новосиб. *ободня́ть* 'рассветать', забайк. *ободни́ть* 'стать ясно (так. — *А. Ж.*) после пасмурной погоды', *ободни́ться* 'проясниться, разведриться' [48], с одной стороны, и донск. *обыдня́ть* 'о наступле-

---

респондента АН СССР В. И. Борковского. М., 1971, с. 12), однако М. Фасмер считает эту гипотезу труднодоказуемой (ср. *Фасмер* II, с. 134).

43 *Даль* [4] II, стб. 1636.

44 *Бялькевіч*, с. 38; *Касьпяровіч*, с. 8.

45 *Даль* [4] II, стб. 11; *Филин* XII, с. 76—77.

46 *Касьпяровіч*, с. 3, 5.

47 *Даль* [4] II, стб. 1631.

48 *Даль* [4] II, стб. 1562; *Караулов М. А.* Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков. — Сб. ОРЯС, 1902, т. 71, № 7, с. 84; Новосиб. словарь, с. 342; *Элиасов*, с. 252.

нии рассвета', *обындяться* 'проясниться (о погоде)' [49] — с другой;

— *обозреть*, *обозревать* 'осмотреть, окидывать взглядом', псков. *обо́зрины* 'смотрины, глядины, смотр невесты' — и ряз. *обы́зрить* 'призреть, приютить, помочь', ворон., курск. *обы́зреть* 'увидать, усмотреть, узреть' [50];

— арханг. *обмека́ть*, *обмекну́ть* 'смекать, сообразить, обдумать и обсудить', 'обсчитать, обмануть или ошибкою обделить в расчете'; *обмёк* 'ошибка в счете или в расчетах своих на будущее', 'обман' — и, с другой стороны, пенз. *обымёки* 'домёки, догадки' [51].

Ввиду всего сказанного следует признать правильной в отношении образования вост.-слав. *обыденный* точку зрения А. Преображенского: «из **объ-денный*. *-ы-* развилось из *-ъ-* фонетически» [52], первоначально, видимо, в безударной позиции, с последующим переносом акцента (*обы́денный*). Принимая во внимание диалектную неоднородность приведенного в данной статье материала, трудно предположить в этом процессе локальное явление, которое может объясняться особенностями безударного вокализма южнорусских или белорусских говоров (впоследствии в лексикализованном виде проникшее и в инодиалектные системы). Однако вовсе исключать такую возможность, по-видимому, не сто́ит, тем более что статистически южнорусские и белорусские фиксации слова *обыденный* (как и морфов *обы-*, *абы-* в сочетании с другими корнями), насколько можно судить, преобладают. Думается, кроме того, что в предположении о слиянии в блр. *абыдзень* двух омонимов ('на протяжении дня' < *аб дзень* и 'ежедневно' < *аб-ін-дзень*), сделанном недавно белорусскими этимологами [53], необходимость отсутствует.

Г. Ф. Одинцов

ИСТОРИЯ СТАРОРУССКОГО ВОЕННОГО ТЕРМИНА *САМОПАЛЪ*

Этимологический и словообразовательный аспекты возникновения старорусского термина *самопалъ* не изучены и лишь на первый взгляд представляются очевидными (термин отсутствует во всех этимологических словарях русского языка). Судьба этого слова до сих пор не рассматривалась в русской исторической лексикологии, хотя вполне того заслуживает.

---

[49] Донской словарь, с. 196.
[50] *Даль*[4] II, стб. 1565, 1635.
[51] Там же, стб. 1540, 1636; к последнему слову, правда, Даль поставил знак вопроса.
[52] *Преображенский* I, с. 633.
[53] ЭСБМ I, с. 65.

По И. И. Срезневскому, термин *самопалъ* впервые упоминается в письменном памятнике 1588 г. — Описи оружия и ратного доспеха царя Бориса Годунова [1].

Л. И. Тарасюк обратил внимание на то, что слово *самопалъ* встречается уже в «Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков в 1581—1582 гг.» (по спискам, относящимся ко времени не ранее конца XVI—нач. XVII вв.), предполагая, что термин мог появиться до начала 1580-х годов [2].

По данным Картотеки ДРС, это слово употреблено уже в документе 1576 г.: И послы, вышедъ изъ колымагъ, сѣли въ цесареву колымагу и ѣхали въ городъ черезъ Д у н а й р ѣ к у мостомъ каменнымъ. . . а отъ городовыхъ воротъ и до посолного двора стояло дрябовъ съ самопалами и съ бердыши человѣкъ съ двѣ тысячи, всѣ въ латахъ [3].

Отметим еще одно, и притом, как увидим ниже, не менее важное употребление слова в том же памятнике: А мимо посолной дворъ ходили прапорщики человѣкъ по двѣстѣ или по полутретьяста; а передъ ними набатчики били по набатомъ, и вышедъ изъ улицы на площадь противъ посолного двора, стрѣляли изъ самопаловъ [4].

Термин *самопалъ*, известный восточным славянам (ср. блр. *самапа́л* 'самопал', укр. *самопа́л*, м. ист. 'самопал, ружье (с курком)', 'ловушка на медведей и других крупных зверей' [5]), отмечен у Й. Юнгмана (*samopal*, м. 'самопал' [6]) без иллюстративного материала и со ссылкой на С. Линде, что следует расценивать как указание на то, что это слово польское, введенное Й. Юнгманом для обогащения чешского языка [7], или, по крайней мере, на то, что это чеш. *samopal*, отсутствующее, кстати, у Ф. Шимека (Šimek, с. 162), заимствовано из польского. Однако польск. *samopał* 'разновидность ручного старинного огнестрельного оружия' [8],

---

[1] *Срезневский* III, стб. 251; *Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг, старинных дворцовых приказов 1584—1725 гг., т. 1. М., 1877, с. 5 (с уточнением даты памятника: 1588, а не 1589 г., вопреки И. И. Срезневскому, ссылающемуся на П. И. Савваитова).

[2] *Тарасюк Л. И.* Из истории русского ручного огнестрельного оружия XVI—XVII вв. — СА, 1965, № 2, с. 106.

[3] Памятники дипломатических сношений с Римскою империю, т. I. СПб., 1851, стб. 671.

[4] Там же, стб. 672. — Составители этого сборника документов, из которого взяты обе цитаты, напрасно датируют данный памятник 1577 годом: текст написан в 1576 г. (7 мая «лѣта 7084» — стб. 664).

[5] *Гринченко* IV, с. 100; *Білецький-Носенко*, с. 321.

[6] *Jungmann* IV, с. 19; *Kott*, III, с. 258. Соврем. чеш. и словац. *samopal* 'автомат (как вид огнестрельного оружия)' (*Влчек Й.* Русско-чешский словарь. М., 1974, с. 21; SSJ IV, с. 20), а также производное от него сущ. *samopalník* 'автоматчик' можно объяснить сильным влиянием пуристических тенденций в этих языках в наше время.

[7] В чешско-немецком словаре Й. Юнгмана, как известно, нашло отражение стремление автора-составителя обогатить чешский литературный язык словами из других славянских языков; при этом весьма важную роль играла ориентация Й. Юнгмана на материалы Словаря С. Линде. См. об этом: *Мыльников А. С.* Йозеф Юнгман и его время. М., 1973, с. 42—43, 58.

[8] *Linde* V, с. 191.

в отличие от ст.-рус. *самопалъ*, отмечено в памятниках письменности лишь с 1625 г. — у С. Линде, вообще широко привлекавшего в своем словаре старопольские материалы не только XVII, но и XVI в. При этом во всех без исключения приводимых в Словаре С. Линде контекстах, где представлено слово *samopał*, оно употребляется лишь в связи с упоминанием в них восточных славян — казаков, в том числе донских, — а также московских образцов самопалов [9]. Это как будто указывает на то, что для поляков данное название было, по-видимому, экзотичным, написанным по-польски обозначением восточнославянского ручного огнестрельного оружия. Ср. толкование термина *samopał* в польских источниках, как названия «ручного длинноствольного огнестрельного оружия типа ручной пищали, мушкета («rusznicy, muszketu») с колесным или нарезным замком, применявшегося в XVI—XVII вв. в Московском государстве, на Украине и в Белоруссии» [10]. Как нехарактерное или малохарактерное для поляков, это слово отсутствует в словарях старопольского языка [11]. Все это заставляет считать термин *samopał* заимствованным поляками у восточных славян.

Как видим, термин *самопалъ* возник, скорее всего, на восточнославянской почве. Конкретные условия его возникновения можно выяснить, обратившись к обозначаемой им реалии. *Самопалъ* — это «название пищали с искровым воспламенительным механизмом, которым в изделиях русских мастеров почти всегда служили кремнево-ударные замки» [12], что далее и будет отчасти подтверждено контекстами; это «пищаль с замком и огнивом, называлась так в отличие от пищали, зажигаемой фитилем или пальником» [13].

Начало освоения в Московском государстве таких пищалей с замком относят в оружиеведении к первым двум десятилетиям второй половины XVI в.; внедрение же таких пищалей в вооруженные силы, как считается, началось не позднее последней трети XVI в., так что к 80-м годам некоторая часть стрельцов была уже вооружена самопалами [14]. Так, защитники Пскова в 1581—82 гг.

---

[9] Приводим контексты: 1) Ręka iego od postrzału z samopału Moskiewskiego zdziurawiona. X. Dominik. Krzyż Kawalerski. W Warszawie, 1625, с. 36; 2) Jednych działa rażą, drugich Dońcy ukryci z samopałów prażą. S. Twardowski. Władysław IV, król. W Lesznie, 1650, с. 139; 3) Kozacka piechota strzelby samopały nazwane miała. Fr. Paprockiego Wegecyusz. O sprawie rycerskiej. 8. T. II. 1776, с. 113; 4) Kozacy prażyli Turków z samopałów. Naruszewicz. Historya Chodkiewicza. W Warszawie, 1781, t. II, с. 401. Из этих контекстов особенно важен третий, в котором восточнославянский характер рассматриваемого термина выражен достаточно определенно.

[10] Wielka encyklopedia powszechna PWN, t. 10. Warszawa, 1967, с. 326.

[11] Sł. stpol. VIII; *Arct*; Лексикон полоно-словенский. М., 1670 г. (Рукоп. ЦГАДА, ф. 381, № 1792).

[12] *Тарасюк Л. И.* Указ. соч., с. 120.

[13] *Вельтман А. Ф.* Московская Оружейная Палата. М., 1844, с. 53—54. Аналогично: *Срезневский* III, стб. 251; Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. XXVIII. СПб., 1900, с. 228.

[14] *Тарасюк Л. И.* Указ. соч., с. 118.

стреляли по осаждающим из «долгих самопалов» [15]. С другой стороны, по свидетельству англичан, посетивших Москву в составе экспедиции А. Дженкинсона, даже московские стрельцы, участвовавшие 12 декабря 1557 г. в показательных стрельбах в присутствии царя Ивана IV, были еще вооружены фитильными пищалями. Описывая выход стрельцов на смотр, англичане отметили, что каждый из них нес «свое ружье на левом плече, а фитиль в правой руке» [16].

В свете этих фактов, достоверность того, что два приведенных выше употребления ст.-рус. *самопалъ* в 1576 г. являются в русской письменности наиболее ранними, возрастает, как и достоверность едва ли не самого давнего употребления ст.-рус. словосочетания *самопальная пищаль* 'самопал' уже в памятнике 1561 г.: И послы Нилшъ съ таварыщы явили царю и великому князю от Ирика короля поминки: кордъ, а у него въ тыльѣ *самопальная пищаль*, да два жеребца [17].

Более раннее употребление в письменности словосочетания *самопальная пищаль*, чем сущ. *самопалъ*, наводит на мысль о том, что это существительное возникло на базе словосочетания *самопальная пищаль* из прилаг. *самопальная* путем «усечения», подобно тому, как возникло в ту же языковую эпоху сущ. *винтовал* (*β̈intoval*) [18] из прилаг. *винтовальная* на базе словосочетания *винтовальная пищаль*, хорошо засвидетельствованного в памятниках письменности XVII в.[19]. (Объяснению образования *винтовал* на базе словосочетания **винтовальный самопалъ* препятствует полное отсутствие такого словосочетания в старорусских памятниках письменности при десятках и сотнях употреблений словосочетания *винтовальная пищаль*.) В связи с этим любопытно более раннее упоминание в летописных записях словосочетания *самострѣльный лукъ*, чем семантически тождественного ему сущ. *самострѣлъ* [20], причем и здесь мы не наталкиваемся на противоречия в инославянском, как правило, более позднем материале, представленном в словарях и исследованиях [21].

---

[15] Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков. М.—Л., 1952, с. 88 (по списку конца XVI—нач. XVII вв.).

[16] *Тарасюк Л. И.* Там же, со ссылкой на издание: *Hakluyt R.* The Principal Navigations, Voiages, Traffiques and Dicscoveries of the English Nation. . ., I. London, 1598, p. 317.

[17] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. Т. 1. 1556—1586 гг. — Сб. РИО, т. 129. СПб., 1910, с. 85. (Картотека ДРС).

[18] *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959, с. 173, 251.

[19] СлРЯ XI—XVII вв., 2, с. 187.

[20] *Срезневский* III, стб. 252; *Кочин Г. Е.*, с. 176, 312; Картотека ДРС. Даты записей: 1184 г. (*самострѣльный лукъ*) и 1252 г. (*самострѣлъ*).

[21] *Miklosich LP*, p. 820—821; Sł. stpol. VIII, с. 121—122 (данные конца XIV—XVI вв.); *Arct*, с. 508; *Reczek S.* Podręczny słownik języka staropolskiego. Warszawa, 1978, с. 438 (данные XV—XVI вв.); *Jungmann* IV, с. 17; *Šimek*, с. 162; RJA XIV, с. 581 (с пометой: «только в словарях»),

С другой стороны, факт более раннего упоминания словосочетания *самопальная пищаль*, чем существительного *самопалъ*, связан с условиями заимствования самой реалии из военного быта Священной Римской империи XVI в. — родины этой реалии («самопальное» оружие появляется здесь уже к 20-м годам XVI в.). О европейском заимствовании русскими этого вида огнестрельного оружия можно судить по тому, что все без исключения первые пять упоминаний о нем в старорусской письменности непременно указывают на то, что это нерусское оружие (т. е. название экзотично на первых порах). Ср. кроме трех приведенных выше употреблений термина *самопалъ* (*самопальная пищаль*) два следующих: 1) съ нѣмецкими людми бились. . . и щиты и *самопалы* у нѣмецкихъ людей многіе поимали. 1580 г.[22]; 2) и какъ вошли въ оружейную палату, и королевнинъ совѣтникъ Христоѳоръ Хатенъ подарилъ Федора *самопаломъ* короткимъ да кордомъ; а Неудачю *самопаломъ* же короткимъ. 1582 г.[23]

По-видимому, древнейший на Руси вариант этого термина — составное название *самопальная пищаль* (где *пищаль* — не 'пушка', а 'ручное огнестрельное оружие'!) можно объяснить как кальку с нем. die selbstschlagende Handbüchse (в записях XVI в. die selbschlagende hanndtpuchse), которому больше всего соответствует рус. словосочетание *самопальная* (*ручная*) *пищаль*. Второй корень немецкого selbstschlagende передан по-русски не корнем *би*(*ть*) («*-бойная»), а термином *пал*(*ить*) («-пальная»), и это оправдывается тем, что в старорусских памятниках глаголы *палить*, *бить*, *стрѣлять* нередко употреблялись в военно-терминологическом смысле как синонимы: И учаше по стругамъ ис пушекъ бити и из мѣлъкаго оружья. Аз. пов. (особ.), 34. 1641 г.[24]; и стрел*л*цо*м* свои*м* хотѣ*л* ѕакаѕа*т* по граждане*х* *бити* (1628 г. Вести-Куранты 1600—1639 гг. М., 1972, с. 118). Ср.: ꙋчали | по свѣиских *би*^{т} изъ наряду и коли ра*т*нои по<ле>во*и* во|евода виде*л* то что ѡни на ни*х* крѣпко идꙋ*т* | и о*н* без мешкаты проти*в* того *из* наряд*у* | *стреля*^{л}. 1642 г.[25] Ср. типичное для ст.-рус. текстов выражение (*в*)*огнен*(*н*)*ый бой* 'огнестрельное оружие'. (Примеры синонимической замены глагола *палить* словом *стрѣлять* в старорусских текстах приведены нами несколько ниже.) Замечательно, что самое древнее употребление термина *самопальная пищаль* («. . .кордъ, а у него въ тыльѣ самопальная пищаль. . .», 1561 г.) таково, что речь идет именно о ручном огнестрельном оружии,

---

Самострел в памятниках письменности древнего Дубровника называется *балистра* (*Шкриванић Г. А.* Оружје у средњовековној Србији, Босни и Дубровнику. Београд, 1957, с. 100), а также *balista*, *balistra* (*Petrović Đ.* Dubrovačko oružje u XIV veku. Beograd, 1976, с. 67).

22 ААЭ, т. I, с. 368. — Картотека ДРС.

23 Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею, т. 2 (с 1581 по 1604 гг.). — Сб. РИО, т. 38. СПб., 1883, с. 39. — Картотека ДРС.

24 СлРЯ XI—XVII вв. 1, с. 187.

25 Вести-Куранты 1642—1644 гг. М., 1976, с. 12.

которое может находиться «въ тыльѣ» небольшого меча («корда»). Приведенное немецкое составное название, в том числе в форме множ. ч. («die selbschlagenden hanndtpuchssen»), неоднократно встречается в указах одного из монархов Священной Римской империи Максимилиана I, например, 4 раза в указе от 28 июня 1518 г. о запрещении ношения и изготовления «самостреляющих ружей» [26].

Сказанное о происхождении термина *самопалъ* из кальки, восходящей к немецкому источнику, географически ограниченному прежде всего территорией Священной Римской империи, подтверждается тем, что древнейший памятник письменности, в котором этот термин встречается (и притом дважды, в качестве достаточно активного названия иностранного образца ручного огнестрельного оружия, распространенного на берегах Дуная, в Вене [27] — см. оба контекста на с. 84), — это документ о дипломатической миссии русских послов в Священной Римской империи. Кроме того, при такой территориальной ограниченности первоначального, по памятникам, употребления термина *самопалъ* возникает возможность объяснить, во-первых, появление как русизма с.-хорв. *samopalo*, ср. р. 'пистолет, то же, что самокрес' (подчеркнем, что и ст.-рус. *самопалъ* иногда употреблялось в таком значении — см. ниже), впрочем, по активности значительно уступающего место основному сербохорватскому обозначению этого оружия *samokres*, судя по данным сербохорватских словарей [28]. Во-вторых, можно объяснить и живучесть чешского слова *samopal*, которое ввел Й. Юнгман или, по крайней мере, воспринимал как нечешское, заимствованное название. Нередко в Священной Римской империи для написания по-русски дипломатических грамот короля империи, адресованных русскому монарху, в качестве писцов использовались сербы или «словѣне» (по-видимому, под последними подразумевались чехи и словаки при Венском дворе); ср.: А велитъ король писати свою грамоту докончалную по великого князя списку, и Юрью и Василью говорити королю, чтобы велѣлъ писати грамоту свою докончалную рускимъ письмомъ, будетъ у него писецъ сербинъ или словѣнинъ, а писати слово съ великого князя списка; а не будетъ у короля такова писца, кому по-руски писати, ино по-латынски писати или по-нѣмецки, съ великого жъ князя списка. 1500 г. [29] Так, придерживаясь русских формул дипломатического письма «слово в слово», писцы сербы и чехи (а также словаки) могли познакомиться с восточнославянским термином *самопалъ* (и *самопальная пищаль*), активность ко-

---

[26] *Blair C.* A Note of the Early History of the Wheel-Lock. — The Journal of the Arms and Armour Society, 1961. March, (III, 9), p. 226, 250, 251, 253.
[27] Как известно, до 1806 г. Вена была резиденцией императоров Священной Римской империи.
[28] RJA XIV, с. 573—574, 576; *Караџић*, с. 684; *Толстой* [1], с. 847. Возможно, конечно, и параллельное русскому термину образование сербохорватского *samopalo*.
[29] Памятники дипломатических сношений с Римскою имперіею, т. I, стб. 41.

торого засвидетельствована именно и только у восточных славян, а не у сербов (как выше показано) и не у чехов и словаков, воспринимавших этот термин как чужеродный, но все же имевших возможность как бы возродить его в XX в. в качестве названия автомата в своем языке.

Второй корень в сложении *самопал* (и *самопальный*) воспринимается на собственно русской почве в своем вторичном, военно-терминологическом значении (*палить* 'стрелять') как экспрессивный, дополнительный синоним (например, 'стрелять из пушек, огнестрельного оружия, обычно залпами или часто [30], с шумом, треском и т. п.' — Картотека БАС) по отношению к термину *стрелять*. Особое положение здесь занимает, правда, фонетически видоизмененная форма повелит. накл. *пли*!, использовавшаяся в качестве военной команды при стрельбе. Впрочем, и эта форма явно экспрессивна.

Не случайно в XVIII в. в России складывается термин *огнестрельное оружие* (не *огнепальное*!), которому в XVII в. предшествовали словосочетания (*в*)*огнен*(*н*)*ый бой* (чрезвычайно активное в разных деловых текстах) и (*в*)*огненая стрельба*, например: Алтынов посланник дальные земли, а царского величества в землю пришол впервые, вогненой стрельбы не знает. 1631 г.[31] Ср. также ст.-рус. прилагательное *скорострельный*, нередкое уже в памятниках XVI в.: нарядъ (артиллерия. — *Г. О.*) скорострѣлной, пушечки и пищали затинные. 1564 г.[32]; городовой нарядъ скорострѣлной, пушечки и затинные и ручные пищали учинити. 1568 г.[33] и т. д.

Ст.-рус. *стрѣлять* употребляется в текстах широко, *палить* 'стрелять' — неизмеримо реже, преимущественно в синтагматически ограниченных условиях — *палить из пушек / пищалей* ('пушек'), хотя и в сочетании с существительными *пушка*, *пищаль* гораздо чаще встречается глагол *стрѣлять*. В «Повести о прихожении Стефана Батория на Псков» (1581—82 гг.) при трехкратном употреблении термина *самопалъ* глагол *палить* 'стрелять' не встречается, *стрѣлять* же употребляется 13 раз [34]. В статейных списках И. М. Воротынского, А. Ю. Сицкого-Ярославского и др. о переговорах с польскими послами в 1615—16 гг.[35] при двукратной передаче слов польского гетмана Ходкевича («Хоткѣева»), близкой к прямой речи, оба раза употреблен в сочетании с сущ. *пушка* и *снарядъ* глагол *палить*: 1) гетман Хоткѣювъ. . .

---

[30] *Ушаков* III, стб. 24; Словарь современного русского литературного языка, т. 9. М.-Л., 1959, стб. 64.
[31] Русско-монгольские отношения. 1607—1636. Сборник документов, М., 1959, с. 161.
[32] ДАИ I. СПб., 1846, с. 171.
[33] Там же, с. 173.
[34] Повесть о прихожении Стефана Батория. . ., с. 60, 62, 64, 65—66, 67, 69, 70, 77, 87, 88.
[35] Рукоп. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Шифр: F. IV. 101.

ȣчал вопит... браняс с столники ĭ з дворяны московскими толко де не от(д)винетес назадъ и я велю ис пушек палит (л. 265 об.); 2) И дворяня московские говорили гетманȣ... мы де стоим по приказу... великих послов... и пушек твоих не боимъся. И гетман Хоткѣевъ сердитовал ĭ кричалъ пушкаремъ своимъ велѣлъ ис снаряду палит (там же).

В пересказе же этих эпизодов **р у с с к и м и** посланниками «цесареву послу», употребляется трижды глагол *стрѣлять* (не *палить!*): и црьского величества послы говорили... гетман Хоткѣевъ... *из* наряду велѣлъ по гдрвым людям стрѣляти (л. 266); аналогично — л. 267 («*из* наряду стрѣлят»), л. 269 об. (то же).

Общее название огнестрельного оружия и специфическое (часто экспрессивное) употребление общеславянского глагола *палить* в его вторичном значении 'стрелять' резко отличают русский язык от языков украинского, белорусского и польского. Ср. блр. *палíць* 'стрелять' [36], 'бить' [37], укр. *вогнепáльний* и редк. *огнепáльний* 'огнестрельный' [38], *вогнепáльна зброя* 'огнестрельное оружие' [39], *самопáльний* 'самовоспламеняющийся' [40], глаг. *палúти* 'стрелять из огнестрельного оружия'; 'жечь' (в этом, хотя и нетерминологическом значении имеет гораздо больше семантических оттенков и фразеологически связанных употреблений, чем рус. глаг. *палúть*), польск. *broń palna* (наряду с *broń ognista*) 'огнестрельное оружие' [41]. Эти факты, наряду с древнейшими (до 1582 г.) употреблениями термина *самопалъ* исключительно в текстах западной ориентации, а также наряду с соображениями культурно-историческими, указывают на то, что словосложение *самопалъ* (и прилаг. *самопальный*) возникло у восточных славян на **з а п а д е**. И если бы этот термин не обозначал новое эффективное огнестрельное оружие, получившее в Московском государстве повсеместное распространение, то он вполне мог бы остаться западным русским диалектизмом.

Очень скоро термин *самопалъ* становится официально принятым в Центре Руси: самопалъ съѣжей (т. е. кавалерийский. — *Г. О.*), стволъ весь стравленъ водками; по травленью въ трехъ мѣстѣхъ золоченъ золотомъ паренымъ (1588 г. Оруж. Бор. Год.) [42]; пара самопаловъ короткихъ, порошница серебряна... Конец

---

[36] Беларуска-рускі слоўнік. М., 1962, с. 600.

[37] *Носович*, с. 390.

[38] Словник української мови, т. 1. Київ, 1970, с. 714; т. 5, 1974, с. 617.

[39] Там же, т. 6. Київ, 1975, с. 27—28.

[40] *Гринченко* IV, с. 100.

[41] Варшавский словарь IV, с. 22.

[42] Оружие и ратный доспех царя Бориса Федоровича Годунова. — В кн.: *Савваитов П.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора... СПб., 1865, с. 32.

80ˣ—нач. 90ˣ гг. XVI в.[43]; 2 самопала долгихъ, навожены золотомъ, порошница неметцкая съ наводомъ. 1600 г.[44] и т. д.

Количество употреблений этого термина стремительно нарастает. В сделанной в Москве в 1608 г. Описи имения М. Татищева упоминаются *самопалъ съѣзжей*, *самопалъ свѣйской птичей*, *самопалъ долгой*, *короткой*, *большой*, *нѣмецкие малые*, *ливонские самопалы*[45], но ни разу не упомянуты *пищали*, хотя «рухлядь служилая» в этой Описи перечислена как будто вся. В Описи дворового имущества умершего М. М. Строганова (1627 г.) имеется особый раздел «Перепись самопалом», где отмечены «17 самопалов немѣтцких с кость и з замки», «7 самопалов немѣтцких же долгих, замки без костей», «самопал Максимовской колесчатый, ложа Московское дѣло с костьми», «самопал тульское дѣло, долгой», «6 самопалов коротких»[46]. Терминологические словосочетания указывают на многочисленные разновидности самопала. Интересующий нас термин встречается не только в дипломатических актах и описях имущества — он известен наряду с этим как в официально-деловых, так и в книжно-повествовательных (литературно-художественных) описаниях боевых действий: А у которых де у посадскихъ и уѣздныхъ людей въ Смоленскомъ, и въ Дорогобужскомъ и въ Серпейскомъ уѣздѣ были самопалы, и литовские де люди самопалы всѣ у русскихъ людей поотымали. 1631 г.[47]; иных же, розвязавше, из луков и из самопалов розстреляюще. 1620 г.[48] (Другие примеры с употреблением слова *самопалъ* в книжных контекстах можно найти в «Повести о прихожении Стефана Батория. . .»)

О большой активности термина *самопалъ* в первой трети XVII в. можно судить по появлению в памятниках письменности в эту пору всех известных нам производных от него: уменьш. *самопалецъ*, 1613 г. (Пара самопалцов, аглинских короткихъ, стволы и ѕамки наведены ѕолотомъ[49]), *самопалишко*, 1625 г. (На Верхотурье, на острогѣ и на башняхъ наряду никакого нѣтъ, а толко в нашей казнѣ на Верхотурьѣ девять пищалей затинныхъ да три пищали малыхъ, да *самопалишко*, да стволъ пищалной малой, да два пуда пороху. АИ III, 224. — Картотека ДРС), *самопальникъ* 'воин, вооруженный самопалом', 1607—21 гг. (полкъ конных самопаль-

---

[43] Посольство в Персию Григория Васильчикова. — В кн.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. 1. СПб., 1890, с. 158.

[44] Посольство в Персию кн. А. Ф. Жирового-Засекина. — В кн.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. 2. СПб., 1892, с. 97.

[45] Временник ОИДР. М., 1850, с. 10, 15—16.

[46] *Введенский А. А.* Торговый дом XVI—XVII вв. Л., 1924, с. 46.

[47] АМГ I, с. 339.

[48] Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955, с. 44.

[49] Приходная книга царя Михаила Федоровича. Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, № 21, л. 37 об.

никовъ [50]); ср. также сущ. *самопальный* 'рында с самопалом или пищалью' (В болшомъ великого гд҃рѧ саадаке рында столникъ кнзь Юрьѧ Михаиловичь Адоевскои... рогатина сѹлица копе цысарское самопалные с пищалми за самопалнымі казна мастеровых люде(і) ке .ч. сторожеі, 1664 г.[51]).

Если, по памятникам письменности до 1600 г., слово *самопалъ* известно главным образом на западе и в центре Московского государства, а также в предназначенных разным адресатам дипломатических актах Московской Руси, то памятники первой трети XVII в. отражают освоение этого термина также на севере и востоке (например, в Сибири): Старецъ Александръ Бѹлатников дал вкладѹ ѡднорѧтку вишневу... да морхы шелковые да самопал ливонскои короткои. 1633 г.[52]; А живота моего грабежом взяли: *самапал* с ледунками и з зельем, да зипун лазоревой настрафильной. 1616 г. Челобитная томского казака В. Ананьина [53].

О расширении сферы употребления термина свидетельствует и появление его народного фонетического варианта (в результате межслоговой диссимиляции губно-губных согласных) — *санопалъ* (и *санапалъ*, *сонопалъ*), уже с 1586 г. (*senapal* в Парижском словаре московитов, с. 80). Другие примеры: 1) За двором... стояли гайдуки с *сонопалы* по обѣ стороны, всего человѣк с 300 (1606—07 гг. Польск. д. IV.) [54]; 2) ранили братишка моего родного ис *санапала* двемя пюльками в бокъ. 1613 г.[55]; 3) *sanapal* | a gun | ружье | санапал. 1618—19 гг.[56]; 4) *санопа́лъ*, *са́блѧ*, *саада́къ*. 1619 г.[57]; 5) наѹк как ручных санопалов ѕеля дѣлати [58] и т. д.[59] О большой активности разновидности формы этого термина с носовым *н* вместо *м* также свидетельствуют зафиксированное в XVIII в. мордовское *сяна́пал* / *сянапа́л* || *s'anapal* (*sanapal*) 'ружье', заимствованное из русского *санапал* то же [60], и употребление этой формы в объяснительной части одной из словарных статей Лексикона Волчкова (ч. I. СПб., 1755, с. 462): ... Ключь

---

[50] *Радишевский А. М.* (*Михайлов О.*). Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, ч. II. СПб., 1781, с. 53.

[51] Роспись оружия и знамен, выданных из Оружейного приказа для государева смотра. Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, № 8901, л. 145, 147.

[52] Соловецкая вкладная книга. Рукоп. Ленинград. отд-ния Ин-та истории АН СССР. Шифр: Колл. 2, № 152, л. 87 об.

[53] Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы, т. 1. М., 1969, с. 45.

[54] Сб. РИО, т. 137. М., 1912, с. 317.

[55] Столбцы Печатного приказа. Издание Сухотина. М., 1915, с. 11.

[56] *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса, с. 67.

[57] Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря. XVII в. Рукоп. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, шифр: Кир.-Бел., № 87/1325, л. 400 об.

[58] Воинская книга. XVII в. — Рукоп. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. F.IX. 19, л. 62 об.

[59] Еще несколько примеров, иллюстрирующих употребление фонетического варианта *санапал*, имеются в кн.: *Ларин Б. А.* Парижский словарь московитов 1586 г. Рига, 1948, с. 80.

[60] *Феоктистов А. П.* Русско-мордовский словарь. Из истории отечественной лексикографии. М., 1971, с. 250.

отъ *санапала*, или такого огненнаго ружья, изъ котого фитилем стрѣляютъ); ср. еще производное *санапельникъ* (так!)'оруженосец с ручным огнестрельным оружием' (Картотека Сл. XVIII в.: со ссылкой на «Записки» А. Матвеева).[61]

Обратимся к семантике термина. В текстах часто упоминаются самопалы с замками, самопальные замки (Оп. им. Тат. 1608 г. [62]; Кн. прих. царя Михаила Фед. 1613—14 гг.[63]), самопалы колесные (Стат. сп. посольств 1615—16 гг.[64]), из чего можно заключить, что термин *самопалъ* во всех подобных случаях служит названием пищали с искровым воспламенительным механизмом (замком). Эта вещная соотнесенность термина подтверждается и следующим отмеченным в литературе фактом. В первой четверти XVII в. английский купец Смит поднес царю в дар два охотничьих ружья, оснащенных кремнево-ударными замками и зарегистрированных при поступлении в приходно-расходной книге Казенного Приказа за 1625 г. как «два самопала» [65].

Иногда, однако, хотя и редко, упоминаются самопалы с «жаграми» — «круто изогнутыми курками, в которых зажимался фитиль» (определение Л. И. Тарасюка. — СА, 1965, № 2, с. 112): . . . въ Брянскѣ наряду и хлѣба: 3 пищали мѣденые полуторные. . . 5 тюфяковъ. . . 5 пищалей волконей желѣзныхъ, да старого и нового привозу 66 пищалей затинныхъ, да старыхъ порченыхъ *самопаловъ съ жаграми* и съ замками 28. Да из Трубчевска прислано во 142 году послѣ отдачи 30 мушкетовъ» (Мск. ст. 1663 г.) [66].

Таким образом, самопалы могли обозначать и фитильное оружие, возможно, как в данном случае, более крупного размера, чем обычные ручные самопалы (в тексте они причислены к «наряду», т. е. артиллерии, и упомянуты после затинных (легких артиллерийских) пищалей и перед мушкетами). Тем самым вряд ли приемлемо категорическое утверждение, что «термин «самопал» никогда не упоминается в связи с жагрой или фитилем, но во всех случаях, когда наряду с этим термином приводятся какие-либо сведения о типе воспламенительного устройства, «самопал» выступает как название оружия с замочным, т. е. искровым воспламенительным механизмом» [67].

---

[61] В связи с такой активностью фонетической формы *санопалъ* (*санапалъ*) необходимо обратить внимание на диал. рус. *санапал* 'нахал', 'шелопай, буян, забияка', которое М. Фасмер возводит к франц. *chenapan* 'хулиган', стар. *snapane* (1653 г.) (Фасмер, т. III, с. 555) и которое, как кажется, фонетически окончательно оформилось под влиянием народной формы термина *самопал* — *санопал* (*санапал*).

[62] Временник ОИДР. М., 1850. Смесь, с. 15—16.

[63] Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, № 21, л. 37.

[64] Рукоп. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. F.IV.101, л. 892.

[65] Опись Московской Оружейной Палаты. М., 1885, с. 149—151. Одно из этих ружей хранится в Оружейной палате до сих пор за № 6783.

[66] Русская историческая библиотека, т. 10. СПб., 1886, с. 47.

[67] *Тарасюк Л. И.* Указ. соч., с. 116. Несомненна, однако, правомерность надежно установленной Л. И. Тарасюком основной, хотя и не единственной, вопреки Л. И. Тарасюку, семантики термина *самопалъ* 'пищаль с ударно-кремневым замком'.

В тех случаях, когда рядом с самопалами упоминаются замки, вряд ли ст.-рус. *замокъ* во всех без исключения контекстах обозначает ударно-кремневый замок с искровым воспламенением; иначе как объяснить значение этого слова в составе словосочетания *мушкѣтные замки* (1647 г.) [68]? Термин *мушкѣтъ* расценивается специалистами как название огнестрельного оружия, оснащавшегося, в частности, и в середине XVII в. именно фитильными, а не кремнево-ударными механизмами [69]. Между тем, реальны случаи синонимического сближения и даже отождествления в старорусских текстах слов *самопалъ* и *мушкѣтъ*. Так, 12 мая 1648 г. Посольский Приказ обратился в Стрелецкий Приказ с просьбой выдать оружие: «Послать тысечу человек салдат; а мушкеты, и шпаги, и пики, банделеры взяв, дать из Стрелецкого Приказу» [70]. 15 мая Стрелецкий Приказ ответил: «Салдацких мушкетов з жаграми, и пик, и банделеров нет. . . А есть. . . стрелецких самопалов тульского дела с рускими замками восьмсот самопалов да двести самопалов стволы немецкие, замки руского дела. . .». Помета на обороте: «Мушкеты взять, а о пиках и о банделерах, и о шпагах послать в Ружничий Приказ» [71].

Рассматривая эти документы, Л. И. Тарасюк резюмирует: «Дьяки Посольского Приказа просят выдать из казны 1 000 мушкетов. Дьяки Стрелецкого приказа отвечают, что мушкетов с жаграми у них в Приказе нет, и предлагают взамен самопалы с рускими замками. Посольские дьяки выражают согласие получить то, что им предложили, пометой: «Мушкеты взять». Итак, дипломатические чиновники, действительно, не различают «мушкеты» и «самопалы»» [72].

Не беремся так категорично судить о дьяках Посольского приказа, нередко знатоки среди них находились. Например, посольский дьяк А. Иванов заявляет о себе полякам: «. . . мы де в ратех бывали и стрельбу знаем» (1606 г.) [73]. Ср. еще запись: samapall | roerr | самопал (1607 г.), — где *самопал* толкуется как *roerr* (соврем. англ. *musket* [74]). С другой стороны, самопалы с замком могли иногда именоваться мушкетами, как это можно судить по записи: «пищаль немѣцкаꙗ мꙋшкѣтъ. . . замокъ аглинскоі резной» (1687 г.) [75], где «пищаль-мушкет» — это ружье, зарегистрированное в 1625 г. как «самопалъ» (см. сноску № 65 в настоящей статье). Таким образом, существительное *самопалъ* в памят-

---

[68] *Арсеньев Ю.* К истории Оружейного приказа в XVII в. СПб., 1904, с. 56, № 107.
[69] Л. И. Тарасюк в указ. соч. (с. 116) даже подчеркивает это положение.
[70] Русская историческая библиотека. Т. XXVI. Донские дела, кн. 3. СПб., 1909, стб. 894—895.
[71] Там же, стб. 897—898.
[72] *Тарасюк Л. И.* Указ. соч., с. 115—116.
[73] Сб. РИО, т. 137. М., 1912, с. 319.
[74] Tönnies Fenne's Low German manual of spoken Russian Pskov 1607, V. II. Copenhagen, 1970, p. 38.
[75] Переписная книга Московской Оружейной Палаты 1687 г. — Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, № 936, л. 215.

никах XVI—XVII вв. выступает в следующих значениях: 1) ‘пищаль с кремнево-ударным замком’; 2) ‘пищаль с фитильным устройством воспламенения (с жагрой)’; 3) ‘мушкет’; 4) *редко* ‘пистоль, пистолет’. Это последнее значение зафиксировано во французском переводе записанного на севере Московского государства слова *senapal* — une pistole (1586 г.) [76]. Возможно, сюда же надо отнести словосочетание *короткий самопалъ*: Три самопала коро*дких* навожены золото*м* с костьми. 1615—16 гг.[77]; Пара самопаловъ короткихъ. Конец 80х—нач. 90х гг. XVI в.[78] Поскольку развитие пистолета как вида оружия началось лишь с применением искровых замков, некоторое время пистолет вполне мог называться *самопалом* (и *коротким самопалом*).

Время наибольшей активности слова *самопалъ* — первая треть XVII в. Так, в I т. Актов Московского государства (1571—1634 гг.) (М., 1890) термин употреблен 4 раза (с. 299, 1629 г.; с. 339, дважды. 1631 г.; с. 620, 1634 г.), во II т. Актов. . . (1635—1659 гг. М., 1894) — лишь в одном контексте (с. 475, 1656 г.); в III т. (1660—1664 гг. М., 1901) — ни разу не употреблен. В сборнике документов «Русско-монгольские отношения. 1607—1636» (М., 1959), где, например, *пищаль* (обычно ‘ружье’, реже ‘пушка’) встречается 51 раз, *самопалъ* употребляется 5 раз: с. 79, 1619 г.; с. 80, 1619 г.; с. 132, 1623 г.; с. 289 (дважды), 1636 г. В сборнике документов «Русско-монгольские отношения. 1636—1654» (М., 1974) при 96 употреблениях слова *пищаль* существительное *самопалъ* совершенно не встречается. В сборнике документов «Русско-китайские отношения в XVII в. 1608—1683 гг.» (М., 1969) при сплошной выборке материала по с. 480 включительно удалось обнаружить одно употребление слова *самопал* («самапал»: 1616 г., с. 45) при 50 употреблениях слова *пищаль*. В издании «Вести-Куранты. 1600—1639 гг.» (М., 1972) *самопалъ* встречается один раз (с. 34, 1620 г.), в «Вестях-Курантах. 1642—1644 гг.» (М., 1976) — дважды («два самопала». 1644 г., с. 196; «В самопалы». 1644 г., с. 186), в «Вестях-Курантах. 1645—1646, 1648 гг.» (М., 1980) и «Вестях-Курантах. 1648—1650 гг.» (М., 1983) — уже ни разу.

В Описи 1687 г. Московской Оружейной палаты при сотнях (!) употреблений слова *пищаль* ‘ружье старинного типа’ термин *самопалъ* не упоминается совершенно [79], как и в еще более раннем памятнике — 1647 г. — «Росписи перечневой государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича Оружейной всякой казне, что в Оружейном Приказе» (83 л.), при нередком упоминании пищалей с замком, практически заменяющем употребление термина

---

[76] *Ларин Б. А.* Парижский словарь московитов 1586 г., с. 80.
[77] Статейный список посольств 1615—16 гг. — Рукоп. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. F.IV.101, л. 891 об.
[78] Посольство в Персию Г. Б. Васильчикова. — В кн.: Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией, т. 1, с. 158.
[79] Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, № 936. Ручное огнестрельное оружие описано в этом большом по объему памятнике (704 л.) весьма подробно и обстоятельно.

самопалъ, например: ȣ тѣх 8 всѣх пищалеі стволы ѝ ѕамки навожены ѕолотомъ ѝ серебромъ (л. 17) [80].

Возрастает и число деэтимологизированных фонетических вариантов слова: помимо известных и до конца первой трети XVII в. написаний *санопалъ* (и *сонопалъ*), а также *senapal*, появляются новые: *сомапалъ* (1644 г.; впрочем, возможно, это гиперкорректное написание акающего писца) и *сынопалъ* (ок. 1690 г.: а прiѣхали де они къ ней съ сынопалами, и съ луками) [81], причем последний вариант дает производное: пять стволовъ *сынопальныхъ* (!) тулскихъ 1695 г. — АИ XII, 380. — Картотека ДРС).

По данным Картотеки Словаря русского языка XVIII в. Ин-та русского языка АН СССР, термин *самопалъ* в XVIII в. употребляется весьма редко и устаревает [82], в XIX—XX вв. это слово отмечено как диалектизм [83], а в литературном языке — главным образом как историзм [84].

Взаимодействие слов *самопалъ* и *пищаль* с утратой активности первого из них, особенно после первой трети XVII в., контекстуально подтверждается; ср.: 1) (1619 г.) А с ними государь прислал ко мне 3 судна серебреных, да 2 *пищали*, да саблю, да лук, да 2 однорятка (в черновом варианте этого же документа: И государь послал мне своей милости 3 чаши серебряные, лук, саблю, 2 *самопала*, 2 сукна), — с заменой словосочетания «2 самопала» на «2 пищали»; 2) И. . . велено им у Алтыновых послов, которые пойдут в свою землю, осматривать и отыскивать, что не провозили *пищалей* и *самопалов*, да что сыщут, и то у них велено имати. . . И они де посылали к Алтыновым послом на судно подьячего Агафонника Тимофеева и велели ему у них всех пересмотреть *пищалей* и *самопалов*, да что найдет. . . поимати. А им велели сказати: взяты у них те *пищали* за то, что они их провезли из нашего. . . государства украдом. . . И подьячей Агафонник сыскал у них 9 *самопалов*

---

[80] Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, № 3593.

[81] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. I. СПб., 1884, с. 119. — Картотека ДРС. Этот контекст приводит Л. А. Булаховский в статье «Деэтимологизация сложений в русском языке» («Мовознавство», т. IX, 1951, с. 78), на что обратила внимание автора статьи рецензент Г. Я. Романова (там же Л. А. Булаховский отмечает и форму *сѣнопалъ*, но без указания на контекст и без датировки).

[82] С пометой «старин.» это слово толкуется уже в Словаре Академии Российской (1-е изд., ч. IV, СПб., 1792, с. 704). Остальные 4 употребления, по данным Картотеки Сл. XVIII в.: 1) По указу . . . 1000 самопаловъ посланы. 1694 г. Петр I. 23. ПБП, I[20]; 2) Шеломовъ и самопаловъ и желѣза. . . тезикомъ не продавали. 1697 г. ПСЗ, т. III, № 1585, с. 313; 3) Налицо 162 самопала, въ томъ числѣ добитыхъ, и то ружье за службою не починено. 1701 г. ПСИ I, № 35, с. 166; 4) Хранится также по нѣскольку изъ старинныхъ деланныхъ при великихъ князехъ самопаловъ, пищалей и . . . завѣснаго ружья. Зуев. Пут. Зап. от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г., с. 88.

[83] Самопáл, м. Заряженное ружье с возведенным курком, поставленное в лесу с привязанным к курку шнурком, растянутым так, что зверь, задевши его, спускает курок. Сибир. (Доп. к Опыту, с. 236).

[84] См., например: *Толстой А. Н.* Петр I, кн. III, гл. 6, 7; *Злобин С. П.* Степан Разин, кн. II, ч. V, Царицын.

и принес к ним в съезжею избу. И они *те пищали* взяли в государеву казну. 1636 г.[85]

Резкое уменьшение активности, хотя и не исчезновение, термина *самопалъ* происходит, как показывают последние из приведенных нами контекстов, в условиях ослабления противопоставленности терминов *самопалъ*, с одной стороны, и *пищаль* (реже *мушкетъ*) — с другой. Условия же эти возникли, естественно, только тогда, когда искровой (а не фитильный) воспламенительный механизм (кремнево-ударные замки) возобладал окончательно и распространился на все виды огнестрельного ручного оружия и когда, следовательно, стала отпадать необходимость противопоставления самопала пищали.

Это дает возможность, опираясь на историко-лексикологические факты, констатировать, что в истории Русского государства новый способ воспламенения у ручного огнестрельного оружия, появившись в 60—70 гг. XVI в., утвердился окончательно к началу второй трети XVII в.

Слово *пищаль*, которое стали употреблять в значении 'ручное огнестрельное оружие' еще за столетие до появления слова *самопалъ* и которое не являлось специфическим, подчеркнутым обозначением самопального ружья, оказалось в изменившихся ко второй трети — середине XVII в. условиях значительно более подходящим термином и потому стало предпочитаться слову *самопалъ* 'пищаль с искровым воспламенительным механизмом'.

Л. А. Сараджева

О НЕКОТОРЫХ АРМЯНО-СЛАВЯНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

1. Арм. *buṙn* 'бурный, буйный' и праслав. **burъnъ* 'бурный, грозовой'

Исследователю, занимающемуся вопросами армяно-славянских отношений, бросается в глаза сходство между арм. *buṙn* 'бурный, буйный' и праслав. **burъnъ* 'бурный, грозовой', однако по тем или иным причинам эта параллель до сих пор не получила специального освещения.

Армянское слово *buṙn* в словаре Р. Ачаряна[1] без достаточного основания отождествляется с *buṙn* 'кулак, горсть' как его дальнейшее метафорическое переосмысление через значение 'власть, тирания'.

Впервые армянское слово *buṙn* 'бурный, буйный' отделил от *buṙn* 'кулак, горсть' Г. Б. Джаукян[2], возводя его к и.-е. **bher-*

[85] Русско-монгольские отношения. 1607—1636. М., 1959, с. 289.
[1] *Ачарян*, с. 486.
[2] *Джаукян Г. Б.* Армянский и древние индоевропейские языки. Ереван, 1970, с. 88 (на арм. яз.).

'волноваться'[3] и сопоставляя с догреч. (иллир.) βορέας 'северный ветер'. Он выражает лишь сомнение по поводу восхождения праслав. *bur'a к и.-е. *bher-, которое, однако, Вл. Георгиев[4], в свою очередь, сравнивает с догреч. βορέας и возводит последнее к *bhurejā-s.

Традиционно праслав. *bur'a — в том числе производное *burьnъ 'бурный, грозовой' и его континуанты: ст.-слав. боурьнъ, прилаг. 'грозовой, бурный', болг. бу́рен, прилаг. 'бурный'; макед. бурен, прилаг. то же; диал. бурен 'ощетиненный'; с.-хорв. диал. бȕран 1) 'дождливый', 2) 'грозовой', 3) 'бурный, неспокойный, шумный', словен. bûren, прилаг. 'бурный'; польск. стар. burzny, чеш. bouřný, прилаг. 'бурный, грозовой', диал. buřnej 'дикий'; слвц. búrny, прилаг. 'бурный'; др.-рус., ц.-слав. боурьныи 'неукротимый, бурный', рус. бу́рный 1) 'сопровождаемый бурей', 2) 'буйный, неукротимый'; ст.-укр. бурный, прилаг. (от буря)[5] — сравнивают с лтш. bauruot 'мычать, реветь (о волах)', далее с др.-исл. byrr 'попутный ветер при плавании'[6], норв. būra 'реветь (о неистовствующих волах)', др.-ирл. búrach 'мычание (быка)'[7], возможно родственно также лат. furō, furiō 'бушевать, неистовствовать'. Однако общепринятого мнения об отнесении праслав. *bur'a к единой индоевропейской праформе не существует, и этот вопрос фактически остается открытым. Так, Ст. Младенов[8] возводит праслав. *bur'a к и.-е. *bhou-, что справедливо отвергается некоторыми учеными. Восстановление для праслав. *bur'a праформы *bheu̯r- считается сомнительным ввиду соседства двух сонантов[9]. Существует также точка зрения, согласно которой праслав. *bur'a восходит к и.-е. *bhūr- при *bhₑr- или *bhr̥̄- от *bher-[10] (ср. с праформой *bhurejā-s, восстанавливаемой Вл. Георгиевым для догреч. βορέας). При этом праслав. *bur'a сближается с др.-инд. bhuráti 'быстро двигаться', что, однако, вызывает сомнение у М. Майрхофера[11]. Следует заметить, что Майрхофер не учитывает сходства между слав. *burьnъ и др.-инд. bhūrṇiḥ 'дикий, гневный, ярый' из *bhr̥̄ni-, которое является нулевой ступенью из и.-е. *bher- 'волноваться'[12].

Привлечение армянского материала дает возможность по-новому рассмотреть вышеприведенные факты.

1) В пользу сближения арм. buřn 'буйный, бурный' и праслав. *burьnъ 'бурный, грозовой' говорит прежде всего сам факт семантической близости, в то время как приводимые соответствия

---

[3] *Pokorny*, S. 132.
[4] *Georgiev Vl.* Vorgriechische Sprachwissenschaft I, Sofia, 1941, S. 82.
[5] ЭССЯ 2. с. 97—98, 100—101 (с литературой).
[6] *Trautmann*, S. 28.
[7] *Walde-Hofmann* I, S. 571.
[8] *Младенов*, 50.
[9] ЭССЯ 3, 99: ср. также *Mayrhofer* II, S. 509.
[10] *Walde—Pokorny* II, S. 191; *Walde—Hofmann* I, 571.
[11] *Mayrhofer* II, S. 508—509.
[12] *Pokorny*, S. 132.

между славянским, балтийским, германским, кельтским и латинским, по нашему мнению, в семантическом отношении отстоят значительно дальше, чем арм. *buṙn* 'бурный, буйный'. Если к этому добавить др.-инд. *bhūrṇiḥ* 'гневный, ярый', то их семантическая близость окажется еще более явной.

2) Армянский, славянский и древнеиндийский объединяются общностью в образовании основы (суф. *-n*), что отражает диалектные явления, восходящие к индоевропейской эпохе: ср. арм. *buṙn*, праслав. **buṙьnъ*, др.-инд. *bhūrṇiḥ*. При этом важно отметить, что в армянском, по-видимому, имеется и бессуффиксальная форма, относящаяся к этому же корню: *br-or* < **bhur-* 'мутный'[13]. В результате между праслав. **burьnъ* и **bur'a*, др.-инд. *bhūrṇiḥ* и *bhuráti* такое же соотношение, как между арм. *buṙn* и *br-or*.

Таким образом, на основании вышеприведенного материала, можно констатировать диалектную армяно-славо-индийскую лексическую изоглоссу *buṙn* — **burьnъ* — **bhūrṇiḥ*, характеризующуюся общностью семантики и основообразования.

2. Арм. *p'ayl* 'блеск', праслав. **pol-mėn* 'пламя'

Традиционно праслав. **pol-men* 'пламя'[14] и связанные с ним праслав. **polpolati* 'пылать, гореть', **paliti* 'жечь, палить'[15] через посредство праслав. **pepelъ*[16] сопоставляются с лит. *pelenaĩ* 'зола', др.-прус. *pelanne*, лтш. *pelni* в том же значении[17] и дальше с лат. *pollen* м., ср. р., *pollis* м., ж. р. 'мука тонкого помола', *pulvis* 'пыль', греч. πάλη 'пыль'; 'мелкая мука', παι-πάλη 'мука тонкого помола'[18] и возводятся к и.-е. **pel-* 'пыль, мука'[19]. Сюда же с сомнением относят и алб. *pjalmë* 'столб пыли'[20]. Как видно из приведенных примеров, понятия, связанные с огнем, представлены только в славянском и балтийском. Дальнейшие параллели семантически неубедительны, между тем как для праслав. **pol-men* 'пламя', **polpolati* 'пылать, гореть', **paliti* 'жечь' и их континуантов в славянских языках можно указать на семантически более близкие параллели в армянском, такие как *p'ayl* 'блеск', *p'aylem* 'ярко гореть, блестеть', *p'aɫpaɫim* 'блестеть'; *poɫem* и *p'oɫp'oɫem* в том же значении[21], продолжающие и.-е. **(s)p(h)el-* 'блестеть', откуда и др.-инд. *spuliṅga* 'искра', лит. *spul̃guõt* 'блестеть, сверкать', *spul̃gis* 'утренняя звезда', греч.

---

[13] *Джаукян Г. Б.* Этимологии. — Историко-филол. журнал АН Арм. ССР, 1965, № 1, с. 253; *Он же.* Этимологии. — Вестник Ереванского госуд. ун-та, 1971, № 1, с. 50.
[14] *Фасмер* III, с. 273.
[15] Там же, с. 308.
[16] Там же, с. 234.
[17] *Fraenkel*, S. 566—567.
[18] *Walde—Hofmann* II, S. 231; *Trautmann*, BSW, S. 212 und f.
[19] *Pokorny*, S. 802.
[20] *Trautmann* BSW, S. 213 und f.
[21] *Ачарян* IV, с. 476, 477.

σπληδός 'зола, пепел', др.-лит. *splėdžu*, *spledėti* 'светить', др.-ирл. *lēss* 'свет' < **lanssu-* < **plandtu-*[22].

В отношении семантического перехода, отмечаемого в славянском 'блеск' → 'пламя', ср., с одной стороны арм. *p'aylem* 'блестеть, ярко гореть', с другой — лат. *lūceō* 1) 'светить', 2) 'зажигать'[23], кельт. (гэльск.) *aingeal* 'свет, огонь'[24].

В структурном плане славянские слова обнаруживают по отношению к армянскому следующие общие черты: 1) наличие в армянском и славянском редупликации: арм. *p'ołp'ołem* — праслав. **polpolati*, 2) наличие чередующихся форм корневой морфемы: арм. *p'ayl*, *p'aylem* и *p'ołem*, *p'ołp'ołem* — праслав. **paliti* и **polpolati*; 3) упрощение начальной группы консонантов: **(s)p(h)* > *p(h)*; 4) сохранение недетерминированных форм так же, как и в др.-инд. *sphulinga* 'искра', в отличие от балтийского, греческого латинского и кельтского, где представлены производные формы с детерминативами **g* и **d*. Это позволяет сделать вывод о большой древности рассматриваемой армяно-славянской параллели.

3. Арм. *t'ezan* 'продольная нить, основа ткани', 'рукав'; праслав. **stegati* 'стегать'

Арм. слово *t'ezan*, относящееся к терминологии ткачества, не имеет до настоящего времени убедительной этимологии[25]. Оставляя в стороне донаучные попытки этимологизации этого слова, можно указать лишь на попытку Х. Петерссона[26], который восстанавливает для армянского *t'ezan* праформу **teg'h-* на основании такой сомнительной параллели как рус. диал. (орл., ворон.) *тазать* 'бранить'[27].

Если арм. *t'ezan* имеет действительно индоевропейское происхождение, то восстанавливаемая Х. Петерссоном праформа **teg'h-* правомерна, только с допущением существования дублетной формы от и.-е. непалатализованной основы **(s)teg(h)-* / **(s)tog(h)-* 'палка'; 'колоть'[28], откуда развилась ткаческая терминология и в славянском (ср. праслав. **steg-*, **stog-* и его континуанты: праслав. **stegati* 'стегать, делать шов', ст.-слав. остегъ 'одежда', остежь 'плащ', рус. *стегать*, *стежок* 'шов', чеш. *steh*, польск. *ścieg* в том же значении)[29]. Аналогичные примеры существования дублетных форм прослеживаются и в других языках сатемного типа, в частности, славянских, что неоднократно освещалось в на-

---

[22] *Pokorny* S. 987.
[23] Там же, с. 687.
[24] Там же, с. 141.
[25] *Ачарян* II, с. 168.
[26] *Petersson H.* Arische und armenische Studien. Lund, 1920, S. 133—134.
[27] *Фасмер* IV, с. 10.
[28] Там же III, с. 751.
[29] Ср.: *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, с. 30—36.

учной литературе[30]. Исходя из этой точки зрения можно констатировать наличие такой дублетной формы для *(s)teg(h)- с палатализованной заднеязычной *g'h, если при этом учесть армянские диалектные формы, относящиеся к этому же корню и также связанные с терминологией ткачества: ср. арм. диал. *stec(stēc)* 'короткий шест в ткацком станке, на котором закрепляли пряжу'[31]. В итоге мы получаем следующее соотношение: непалатальный *(s)teg(h)-* / палатальный *(s)teĝ(h) > t'ezan*; непалатальный *steg-*, *steig-* / палатальный *steĝ-(*steiĝ-) > stec(stēc)*.

Таким образом, если данная этимология правильна, то мы имеем ad hoc любопытный пример, когда на почве армянского и славянских языков развилась явно вторичная терминология ткачества, не имеющая аналогов в других языках: ср. с более далекими по значению параллелями: лит. *sténg-iu* 'напрягаться, делать усилие', гот. *stakins* вин. п. мн. ч. (στίγματα) 'наколотая отметка; клеймо, пятно, точка'; др.-в.-нем. *stahhula* 'жало, шип': др.-в.-нем. *stechen* 'колоть', ср.-в.-нем. *stekken* 'втыкать'[32].

О. Н. Трубачев

INDOARICA. ЭТИМОЛОГИИ

Кавказ

Поскольку вероятность кавказского пути миграции индоарийцев из Юго-Восточной Европы в Азию была заявлена и обоснована археологически достаточно веско в последние годы (появление в равнинном Дагестане носителей культуры шнуровой керамики индоевропейского типа с катакомбным обрядом погребений и признаками применения колесных повозок в результате распространения со стороны Юго-Восточной Европы в III—II тысячелетиях до н. э. трудно связывать с более поздней волной ираноязычных племен, документируемых в Передней Азии не ранее начала I тысячелетия до н. э.[1]), постольку примат знакомства

[30] *Джаукян Г. Б.* Этимологии. — Историко-филол. журнал АН Арм. ССР, 1965, № 1, с. 256.

[31] Там же.

[32] *Trautmann*, S. 285; *Преображенский* II, с. 379.

[1] *Bosch-Gimpera P.* The migration route of the Indo-Aryans. — The Journal of Indo-European studies, 1973, 1, p. 513 и сл.; *Гаджиев М. Г.* Дагестан и юго-восточная Чечня в эпоху средней бронзы. — В кн.: Древности Дагестана. Памяти Е. И. Крупнова. Махачкала, 1974, с. 14, 15 (изложение концепции Р. М. Мунчаева), 28; *Котович В. Г.*, *Котович В. М.*, *Магомедов С. М.* Утамышские курганы. — В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 43, 54 (отражение в курганах Прикаспийского Дагестана обряда захоронений в катакомбах пришлых племен из Северо-Западного Прикаспия при наличии погребального сруба и саркофага на повозке: III—II тысячелетие до н. э.); *Техов Б. В.* Бронзовые молоточковидные булавки из Тлийского могильника. — Там же, с. 67 (индоевропейцы-катакомбники III—II тыс. до н. э. и потеснившие их на юг племена срубной культуры).

с Кавказом постулируется именно для индоарийцев (праиндийцев), а не для иранцев и тем более — не для «неразделенных» индоиранцев, древняя этнолингвистическая чересполосица (диалектная сложность, разделение) которых вероятна уже для Северного Причерноморья.

В этой связи вопрос о происхождении названия Кавказа приобретает особое значение. Этот важный вопрос имеет свою историю и свою литературу, но прежде чем мы ее рассмотрим, полезно сделать некоторые замечания об употреблении собственного названия *Кавказ* и его объеме. Речь идет о довольно существенных и конкретных этнолингвистических аспектах употребления названия, без которых не может обойтись современное исследование, хотя приходится с сожалением признать, что профессиональные индоевропеисты-этимологи нашего времени в полной мере не заинтересовались названными аспектами, и это тем более прискорбно, что для этого не требовалось проводить специальных исследований, так как вопрос уже был плодотворно изучен одним из предшественников — кавказоведом XIX в. П. К. Усларом. Собственно, он первый сделал вывод, без которого любая этимология как бы повисает в воздухе и остается недосказанной и недоказанной, — вывод о том, что название *Кавказ* является на Кавказе чужим, занесенным извне и что местные разноязычные аборигены вполне закономерно не имели своего старого названия для всей этой горной страны: «В том виде, в каком написано слишком за 23 века тому назад Эсхилом, Kaukasos, сохранилось оно почти без малейших изменений во всех новых европейских языках. Передано оно нам исключительно греками: если бы греки назвали этот хребет иначе, то, конечно, и мы бы называли его теперь иначе, потому что ни у самих кавказских туземцев, ни у соседних с ними восточных народов не встречаем названия Кавказа. Его нет ни в Библии, ни в Авесте, ни в Бундегеше. В последних двух сочинениях говорится о мистической горе *Альбордж*, которой положение с веками изменялось в воображении иранцев... Название *Эльбордж*, *Эльбрус* встречается и к югу от Каспийского моря, и на Кавказском хребте, и на хребте Загросе подле Гамадана...»[2]. В этом высказывании схвачено широко и вместе удивительно точно все главное, что следует знать этимологу, который берется выяснить происхождение названия *Кавказ*. Говоря иными словами, названия *Кавказ* не знает не только кавказский языковой мир, его не знает также иранская традиция — ни устная, ни письменная. А это уже однозначный приговор иранским (в том числе скифским) этимологиям названия *Кавказ*, о которых — ниже. По-видимому, не иранцы занесли это название на Кавказ, хотя изучение иранского способа называния гор в этом районе как параллельного очень ценно для нас. Иранцы первоначально называли на Кавказе одну гору (правда, главную вершину) —*Эльбрус*,

---

[2] *Услар П. К.* Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1881 (= «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. X), с. 484—485.

название, этимологически тождественное *Эльбурс* на севере Ирана, но там это уже не гора, а горный хребет. Этот ороним с его поздней новоперсидской формой, родственный авест. *Xarā-bərəzaitī*, имеет довольно архаическое употребление, причем прослеживается вторичность перехода к значению 'горный хребет' от первоначального '(одна определенная, *resp.* высочайшая) гора', как у кавказского *Эльбрус* и у авестийского *Xara-bərəzaitī*. Есть основания полагать, что аналогичное расширение испытало и название *Кавказ*, более того, что оно тоже первоначально и длительно употреблялось лишь применительно к главной вершине Кавказа — горе Эльбрус, на что указывают и некоторые другие данные[3].

Трудность этимологизации названия *Кавказ* вызвана в значительной степени тем, что широко распространенной и древнейшей по времени фиксации оказывается форма, по-видимому, отнюдь не самая авторитетная этимологически: греч. Καύκασος[4], откуда др.-рус. *Кавкасиискыѣ горы* (Пов. врем. лет), лат. *Caucasus*, нем. *Kaukasus*, франц. *Caucase*. Как нередко случается в этимологическом исследовании, ключ к верной этимологии слова таится как раз в темных, на первый взгляд, отклонениях от подобной «стандартной» формы. Правда, это вовсе не значит, что ключ этот сразу дается в руки, и этимология названия Кавказа — классический тому пример усилий поколений ученых. Большинство исследователей[5] обратило внимание на имеющуюся у Плиния отклоняющуюся запись нашего оронима, к тому же с весьма интересными разночтениями:... Scythae ipsi... Caucasum montem *Croucasim*, hoc est nive candidum (Plin. Nat. hist. VI, 17(19), ed. C. Mayhoff; варианты в рукописях: *Groucasim*, *Groucasum*; *Graucasim*, *Graucasum*) 'скифы сами... <называют> гору Кавказ *Croucasi-*, то есть белоснежная'. Правда, было бы трудно вообще не обратить на это внимания, потому что благодаря Исидору Севильскому вся эта плиниевская глосса с «белоснежным» скифским названием Кавказа приобрела дополнительную популярность и многократно повторялась в средневековой латинской литературе Западной Европы, в том числе такими выдающимися писателями, как Роджер Бэкон. Несмотря на общеизвестную литературность употребления, в частности, Плинием терминов 'скифы, скифский', далеко не все современные интерпретаторы и этимологи справились

---

[3] См. *Гаглойти Ю. С.* Этногенез осетин по данным письменных источников. — В кн.: Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967, с. 72, 73.

[4] Отсюда названия Кавказа в грузинских и армянских источниках — *Кавказос*, *Говгас* — у Моисея Хоренского, см: *Услар П. К.* Указ. соч., с. 486.

[5] Прямая этимологизация на базе наиболее известного варианта — Καύκασος, ср. гот. *hauhs* 'высокий', лит. *kaũkas* 'шишка', *kaukarà* 'холм' (см. Фасмер II, 153, с литературой) — очевидно неверна. Приводимые там, вслед за Марквартом, ср.-перс. *Kapkōf*, арм. (из перс.) *Kap-koh* могут объясняться только как народная этимология на иранской почве.

с противоречивостью употребления этих терминов, а с ними и глоссируемого у Плиния как «скифское» названия *Croucasim*.

Соболевский, например, объяснял «скифское» *Croucasis* «на основании др.-бактр. [= авест. — *О. Т.*] *kahrkāsa* 'ястреб' (буквально: куроед)»[6], считая формы Καύκασος, Καύκασις и некоторые другие также преобразованием этого последнего, — мысль, не очень вероятная, несмотря на аналогию названий *Воробьевы*, *Галичьи*, *Совьи горы* из разных мест у славян. Главное же, что не позволяет согласиться с автором, — это чуждость именно названия *Кавказ* (во всех его вариантах) иранской традиции. Попытку Кречмера проэтимологизировать плиниевское *Croucasis* как др.-инд. **kru-kāśi-* 'nive candidum', ср. греч. κρύσταλλος 'лед', соответствие которому в древнеиндийском утрачено, и др.-инд. *kā́śate* 'сиять, блестеть'[7], критика принялась немедленно «исправлять» по иранским канонам. Так, уже Маркварт видел здесь иран. **χro(h)u-kasi-*, а последующие авторы указывали на наличие в осетинском, близком скифскому, глагола *kæsun* '(у)видеть', а также 'сиять, светить (о солнце и луне)'[8]. Правда, при ближайшем рассмотрении всплывают новые противоречия данной иранской версии: группа *kr-* в иранском обязательно должна была иметь вид *χr-* (которая едва ли могла быть отражена при заимствовании как «этимологическое» *kr-*), что уже отличается от формы *Croucasim* Плиния; по-осетински образ сияющего снега как раз нельзя передать глаголом *kæsun*[9]. Все вместе это лишь усугубляет сомнительность отнесения *Croucasim* к иранскому-скифскому. Само собой, сохраняется и главный контраргумент — молчание древней иранской традиции по поводу названия *Кавказ*; ссылка при этом на бедность и неполноту сохранившихся иранских источников не может быть признана убедительной хотя бы потому, что совпадающее по объекту название *Эльбрус* (и т. д., см. выше) иранские источники сохранили в достаточной степени.

Полагая, что после изложенного выше иранское происхождение *Croucasim*, Καύκασος оказывается уже весьма шатким, мы укажем еще на некоторые дополнительные обстоятельства, мимо которых прошли цитированные выше этимологи. Удивительно, например, единодушие, с которым современные исследователи оставили без внимания такие важные показания текстологии «Естественной истории» Плиния, как наличие вариантов на *G*-начальное *Groucasim*, *Groucasum*, *Graucasim*, *Graucasum* (см. выше).

---

[6] *Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды. XII. Кавказ и Черкасы. — ИОРЯС XXVI, 1921, с. 42—44.

[7] *Kretschmer P.* Weiteres zur Urgeschichte der Inder. — KZ 1928, 55, S. 100 и сл.; *Idem.* Inder am Kuban. — Anzeiger [der] Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Klasse. 80. Jahrgang, 1943, Nr. I—XV. Wien, 1944, S. 35.

[8] *Mayrhofer M.*, *Eilers W.* Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? Eine Nachprüfung. — In: *Mayrhofer M.* Ausgewählte kleine Schriften. Wiesbaden, 1979, S. 73, 82 (перепечатка статьи из журнала «Die Sprache» 6, 1960).

[9] Там же, с. 82, сноска 45.

Если учесть такую особенность латинской палеографии, как традиционное отсутствие графического различения *C* и *G*, более того — обыкновение с помощью *C* обозначать также произносительное *G*-звонкое (чему пример — имя самого автора «Естественной истории» — Гай Плиний Секунд, на письме — Caius Plinius Secundus), то двусмысленным окажется, скорее, вариант Croucasim, избранный издателем К. Майхофом как наиболее надежный. Между прочим, прежние исследователи исторической географии предпочитали именно варианты на *G*-, и было бы неблагоразумно обходить их молчанием, даже не дав себе труда доказать их ненадежность, что, как увидим, сделать довольно трудно. В. де Сен-Мартен, опираясь на написание *Graucasus*, объясняет его «de grau, montagne, corruption provinciale du sanskrit ghiri»[10]. Оставляя здесь пока в стороне вопрос об этимологическом родстве др.-инд. *girí-* 'гора' и *grā́vā-* 'камень', считаем необходимым специально отметить, что французский ученый относил сюда же, по-видимому правильно, название племени Γραυχηνοί, гравкены у Аполлония Родосского (Argon. IV, 321), раскрывая его как указание на первоначальное их происхождение — 'Montagnards, горцы'[11]. Правда, нам не удалось проверить правильность его утверждения о существовании такого слова и значения «dans les dialectes de famille sanskrite qui se parlent sur le haut Indus»[12], поэтому не совсем ясно, с продолжением какой формы мы имеем дело — **gravaka-* или **giravaka-* в этнониме гравкенов, этого гапакса[13], видимо, произвольно переносимого Аполлонием с Кавказа на нижнее течение Истра — Дуная в его поэме об аргонавтах. Существенно, что Γραυχηνοί — форма со звонким *G*-.

С формой *Graucasum* у Плиния считается Лассен[14], точно так же, как цитируемые Усларом Болен (Bohlen. Das alte Indien I, 12) и Бюрнуф[15]. Болен, а за ним Услар объясняют Groucasim из др.-инд. *grāvakāśa-* (у Услара: *граваказа*) 'блестящие скалы'[16], с оговоркой, что этого названия (названия Кавказа) в санскритской литературе не встречается, «зато встречается название *Казагири* (*Kāśa-giri-*. — *О. Т.*) от *Каза*, названия многочисленного горного племени, и *гири* — гора. . .»[17]

В общем сличение старых и новых исследований о названии Кавказа позволяет сделать заключение, что современные исследо-

---

[10] *De Saint-Martin V.* Études de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique, t. I. Paris, 1850, p. 62, note 2; *Idem.* Recherches sur les populations et les plus anciennes traditions du Caucase. Paris, 1847, p. 180.

[11] *De Saint-Martin V.* Études . . . I, p. 62.

[12] Там же.

[13] *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 23—24.

[14] *Lassen Chr.* Indische Altertumskunde. Bd. I. Geographie, Ethnographie und älteste Geschichte. 2. Aufl. Leipzig — London, MDCCCLXVII, S. 28, сноска.

[15] *Услар П. К.* Указ. соч., с. 492—493.

[16] Там же.

[17] Там же, с. 493.

ватели допускают ошибку логико-грамматической интерпретации, полагая, что Плиний глоссирует иноязычное название *Croucasim* по-латыни только словами nive candidum. Авторская речь Плиния ярко эллиптична, это видно и в соответствующем пассаже его книги VI, где глагол *appellavere*, будучи раз упомянут (Persae illos Sacas universos appellavere a proxima gente), потом уже опускается, подразумеваясь (antiqui Aramios —; Scythae ipsi Persas Chorsaros —; Caucasum montem Croucasim —). Высокая эллиптичность текста проявляется в аналогичном опущении здесь же подразумеваемого, но не употребляемого во второй раз слова *montem*, поэтому lectio plena конца цитаты, очевидно, будет: . . . et Caucasum montem Croucasim <appellavere>, hoc est nive candidum <montem> '. . . то есть белоснежная гора'. Предложенная рабочая эмендация текста и вытекающая из нее полная глосса, интерпретация *Croucasim* / *Groucasim* = 'белоснежная гора' избавляет от необходимости в отчаянных попытках перевести все название словами 'белый как снег' (или даже 'белый как лед'?). Ведь уже априори, типологически здесь следовало ожидать названия-двучлена с составом 'определение + апеллатив 'гора' (или инверсионно: 'гора' + определение). В соответствии с этим мы и членим *Grou-casim* = nive candidum montem, причем *Grou* = montem 'гора', а *-casim* = nive candidum 'белоснежная'.

Реконструкция праформы-источника названия Кавказа остается и после этого гипотетичной, хотя проделанные уточнения и критика источников как будто помогли нам несколько продвинуться вперед, прийти к констатации древнего апеллативного значения этого названия — 'сияющая (белоснежная) гора', а также к этнолингвистическому результату, который гласит: название Кавказ все-таки восходит к индоарийскому. В своих поисках мы с благодарностью опирались на своих предшественников, в особенности — на старших. Дилемма конкретной праформы-реконструкции, однако, остается или, вернее, ставится после нашего исследования: 1. **grāva-kāśa-* 'блестящая скала' (см. выше Болен у Услара) или 2. **girau-kasi-*, синтаксическое сложение[18] Loc. sing. *girau* 'на горе' от основы на *-i-* м. р. *giri-* 'гора' и отвлеченное существительное *kāśi* 'блеск, сияние' (санскр. *kāśi* м. р. 'солнце' представляет, видимо, вторичное семантическое употребление). Основа на *-i-* второго компонента объясняла бы тогда исход плиниевской формы *Croucasim*, чего до сих пор не сделано. Понятно, что остается и после этого проблема отношения формы *Croucasim* и широкораспространенного Καύκασος, *Caucasus*, *Кавказ*. Можно лишь высказывать догадки о том, что форма на *К*- прошла через фильтр языка, который не терпит групп согласных в начале слова, а заодно и звонких согласных в этой позиции.

---

[18] Ср. др.-инд. *talpe-śayá-* 'на ложе лежащий', см. *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976, с. 201. В целом о проблеме см. еще *Tischler J.* Zu den syntaktischen Grundlagen der Nominalkomposition: die Reihenfolge der Teilglieder. — In: Festschrift for O. Szemerényi. Part II. Amsterdam, 1979, S. 853 и сл.

Своеобразный гапакс особой формы названия Кавказа у Плиния — не плод описки; он подкрепляется несколькими вариантами в рукописях. Известно, какую большую (и исчезнувшую) литературу обработал Плиний для своего энциклопедического сочинения. Дополнительным подтверждением реальности плиниевских сведений в этом вопросе, а также членения *Grou-casim* служит — тоже гапакс — Γραυκηνοί, этноним у Аполлония Родосского. Вероятие следов такого же самостоятельного употребления компонента *-casi-* пока не очень велико. Ср. вариантное чтение Κάσια ὄρη 'Касийские горы?' у Птолемея (V, VIII, 14): ...τὰ διὰ τῆς Κολχίδος καὶ τῆς 'Ιβηρίας ἀνιόντα ὄρη, καλούμενα δὲ Κάσια (основное чтение: Καυκάσια) 'горы, идущие через Колхиду и Иверию и называемые [Касийскими] Кавказскими'[19]. Речь идет о горах, отделяющихся от Главного Кавказского хребта, который тут же следом определяется четко у Птолемея как идущий к Гирканскому (— Каспийскому) морю и (тоже) носящий имя Καύκασος. В античной литературе известны и еще некоторые глухие сведения о том, что внутренняя форма названия высочайшей вершины Кавказа — 'белоснежная, блестящая гора' — сознавалась какое-то время в этом регионе. В сочинении некоего Плутарха (именуемого также Псевдо-Плутархом) «О названиях рек» упоминается (и Услар также пишет об этом) «один холм, называемый Нифантом» (εἴς τινα λόφον Νιφάντην καλούμενον. Plut. De fluv. V, III)[20]. Этот «холм» с названием Νιφάντης 'снежный', он же — «Ложе Борея», он же *Кавказ* в одном и том же мифологическом сочинении, представляют собой немногие дополнительные факты, на которые можно опереться в разысканиях истоков формы и значения слова *Кавказ*.

Проход индоарийцев через Кавказ не остался без следов в меняющейся и многосложной ономастике региона. Как видим, он отпечатался, несмотря на наши споры, в названии самого Кавказа (собственно — Главного Кавказского хребта, а первоначально — горы Эльбрус). Закономерно полагать, что дальнейший путь индоарийцев через Дагестан и Дербентский проход тоже оставил свои следы. К потенциальной индоарийской гидронимии кавказского пути может относиться птолемеевское название реки Кумы — Οὔδων, собственно 'вода', ср. др.-инд. *udán* 'вода', хотя оно и не имеет четких исключительных языковых признаков и бесспорно лишь, что оно — индоевропейское[21]. Более однозначно четким (и повторяющимся как в морфемном составе, так и в модели) гидронимическим следом прохода индоарийцев может быть сочтено название реки в Южном Дагестане — Самур.

---

[19] *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890, с. 238.

[20] *Латышев.* Указ. соч., с. 501.

[21] *Rozwadowski J.* Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948, с. 277.

Самур

Река Самур, впадающая южнее Дербента в Каспийское море, представляет собой с т е ч е н и е рек Рутулчай и Ахтынской[22]. Этот факт физической географии, а также звуковой состав позволяют нам предположить происхождение названия *Самур* из индоарийского сложения, ср. др.-инд. *sam-* 'с', *vār* 'вода', а также аналогичное *samudrá-* 'обилие воды', 'паводок, разлив'. Существует мнение, что это иранский гидроним; В. Ф. Минорский отождествлял *Самур* с осет. *самур* 'куница' и относил это название реки к аланско-массагетским именам[23], что по ряду соображений не кажется нам вероятным. Из них мы приведем здесь, как нам кажется, одно из главных — явную близость гидронима *Самур* на кавказском берегу Каспийского моря и названия реки *Сумбар* — на юго-восточном побережье Каспийского моря. Река Сумбар (*Сӯмбāр*) — приток реки Атрека. Этимологически и для этого гидронима допустима увязка с др.-инд. *sam-* и *vār* (выше), т. е. «су-водь». Как и в случае с дагестанской рекой Самур, это имеет свою реальную мотивировку и для реки Сумбар (приток, впадение). Имеет это в обоих случаях в свою пользу и аргументацию в направлении миграции индоарийцев — в обход Каспийского моря. Кстати, недалеко от Юго-Восточного Прикаспия (и реки Сумбар) локализуется и упоминаемая Тацитом река Sindes 'Теджен?', которая разделяла ариев и дахиев. Конечно, в этих местах и направлениях расселялись также иранцы. Но этимологическое *sam-* у них отражено только как *(h)am-*, и этого достаточно для того, чтобы отличить одних от других.

В. Н. Топоров

К СЕМАНТИКЕ ЧЕТВЕРИЧНОСТИ
(анатолийское **meu̯-* и др.)

В древних индоевропейских языках Малой Азии элемент **meu̯-* входил в состав слов, которые обозначали числительное четыре. Первые примеры подобного рода обнаружены лишь 30 лет назад[1];

---

[22] *Абдуллаев И. Х.* Еще раз к происхождению гидронима *Самур.* — В кн.: Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976, с. 120 и сл.: цитирует «Описание Южного Дагестана» Ф. Ф. Симоновича 1796 г.: «река Рутулчай составляет с Ахтынской реку Самур».

[23] Цит. по: *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу. — В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 211, сноска 148.

[1] См.: *Otten H.* Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen. Berlin, 1953, S. 27, и сл. (лув. *mauwa-*, *mauwaninda-* '4'). Уместно отметить, что хетт. *meịu-* (*meu̯-*) определялось в это время

постепенно их число увеличивалось, и в настоящее время не вызывает сомнения наличие общеанатолийского *meu̯- в значении 'четыре'. Несмотря на то, что рефлексы этого *meu̯- в последнее время неоднократно становились предметом анализа (прежде всего этимологического), анатолийское название четвертого элемента натурального числового ряда продолжает во многом оставаться далеким от ясности. И дело здесь, пожалуй, не только и не столько в изолированности *meu̯- '4' (как среди многочисленных примеров стандартного обозначения четырех в других индоевропейских языках с помощью *k^{u}etur-, так и в отношении возможностей связей этого элемента с лексемами, которые оказались бы родственными[2]), сколько в некоторых других особенностях анатолийского *meu̯- '4'. Главная из этих особенностей состоит, конечно, в том, что в анатолийских языках лексемы с корнем *meu̯- имеют не только числовое значение ('четыре'), но и обладают рядом нечисловых значений (см. ниже), причем лексемы этих двух типов несомненно связаны друг с другом не только исторически, но, видимо, и актуально, тогда как для других индоевропейских числительных родственно связанные с ними лексемы могут быть найдены (и при этом, как правило, лишь с известным вероятием) лишь при обращении к методам лингвистической «палеонтологии»[3]. Другой особенностью (правда, менее важной и в последнее время, хотя бы отчасти, подвергающейся сомнению) можно считать наличие в анатолийских языках следов обозначения числительного 'четыре' с помощью *k^{u}etur-, и, следовательно, наличие двух способов передачи этого числа. Конкретно выдвигалось несколько образований, претендовавших на продолжение и.-е. *k^{u}etur-. Среди бесспорно развенчанных случаев прежде всего следует упомянуть хетт. ^{LÚ}dui̯analli, сначала толковавшееся как обозначение 'четвертого' («der vierte», см. Friedrich, S. 227, 309) и выводившееся из *durii̯analli- с потерей слабого интервокального r; при таком предположении хетт. *durii̯a- (из *turii̯a-) естественно сопоставлялось с др.-инд. tūrya-, и обе эти формы отсылали к и.-е. *k^{u}tur-i̯o-[4]. Правда, сомнения в подобном этимологическом

совсем иначе — 'Maultier', см. *Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952, S. 139 (со ссылкой: *Laroche.* — RHA 10, 20 и указанием «nicht mit Güterbock JAOS 65, 253 'Pferd' /?/),

[2] Ниже будут перечислены основные предложения, претендующие на указание таких связей внутри индоевропейского словаря. В силу сказанного выше приходится считать недействительным предложенное в словаре Фридриха соотнесение хетт. *mei̯u-* (*meu̯-*) с лат. *mūlus*, фокидск. μόχλος и т. п. Ср., однако, Ergänzungsheft 2, 1961, S. 24.

[3] Исключение составляет обозначение единицы, строго говоря, не являвшееся числительным и лишь существенно позднее включенное в числовой ряд. Обозначение 'пяти' (как и 'десяти' и т. п.) должно рассматриваться как очевидный terminus technicus, относящийся не столько к соответствующему члену числового ряда, сколько к фиксируемой в этой его точке целостности, совокупности (в условиях пятиричной, соответственно — десятиричной системы счета).

[4] *Sommer F.* — IF, 1948, Bd. 59, S. 206—277; ср. также *Friedrich J.* Churritische Märchen und Sagen in hethitischen Sprache. — ZA 1951,

объяснении *duịanalli-* возникли еще до того, как было установлено действительное значение этого слова. Так, Гютербок, рассматривая различие между обозначением 'четырех' в лувийском (*mauwa-*) и в хеттском (предполагаемое **tu/r/ịa-*), находил целесообразным элиминирование сомнительной хеттской формы и принятие для обоих родственных языков неиндоевропейского числительного *meuwa-/mauwa-* '4' [5]. В дополнительной заметке к этой статье [6] Хэмп допускал, что в хеттском слове в принципе могло как-то отразиться и лабиовелярное *kᵘ*: условная реконструкция — **ku-duịanalli-* (по образцу авест. *āxtūirīm* 'четырежды' при авест. *tūirya-*, вед. *turī́ya-*). Тем не менее, такое объяснение, по словам Хэмпа, «is not at all satisfying», почему и предлагается при рассмотрении *duịanalli-* исходить из нулевой ступени корня **du(e)ị-* '2', расширенного суффиксом с элементом *-n-* [7], что, однако, не встретило общей поддержки [8]. Сомнения в отношении связи *duịanalli-* с числительным 'четыре' оказались вполне оправданными, и вскоре стало ясно, что это слово никак не связано с обозначением 'четвертого' и, следовательно, с и.-е. **kᵘetur-ịo-*. Напротив, оно отсылает к другой числовой идее, к 'в т о р о м у', обозначая военного (соответствие офицеру) в т о р о г о ранга (**duịana-* при и.-е. **du̯o-ịó-*; вед. *dvayá-*, гомер. δοιοί, ср. хетт. *dā- /dān/* из **daịa-* < и.-е. **du̯o-ịo-*; образованием сходного типа является и хетт. *tarriịana-*, см. ниже) [9]. Значение ᴸᵁ*duịanalli-* устанавливается с несомненностью благодаря фразе, описывающей последовательную передачу военной команды по цепи, ср.: ᴸᵁtarriịanalliš-ma ᴸᵁduịanalli tezzi ᴸᵁduịanalliš-ma *ANA* UGULA 10 *MEŠEDI* tezzi. IBoT I 36 I 38—39 'третий по рангу (*tariịanalli-* 'the third-in-command') говорит (обращается к) *duịanalli-*, и *duịanalli-* говорит командиру (военачальнику) десяти телохранителей' [10]. Отражение и.-е. **kᵘetur-* иногда склонны видеть и в хеттском названии свидетеля — *kutru-*, букв. в таком случае — 'четвертый' (после судьи, истца и ответчика), ср. *kutruu̯aḫḫ-* 'свидетельствовать', *kutruu̯āi-*, *kutruu̯ātar-*

NF. Bd. 15, S. 251—252. Нулевая ступень корня представлена в авест. *tūirya-* и т. п., др.-греч. τρυ- в τρυ-φάλεια 'шлем' (букв. 'четырехшишечный'; уже у Гомера и Гесиода), обычно выводимом из **[kᵘ]tru-*, может быть, в умбр. *trutom*, если его понимать как 'quartum' (**[kᵘ]tru-t-*) и т. п. См.: *Pokorny* I, S. 643 и др.

5 См.: *Güterbock H. G.* Lexicographical Notes. — RHA 1957, t. XV, fasc. 60, p. 2—3.

6 *Hamp E. P.* Note. — RHA 1957, t. XV, fasc. 60, p. 7—8.

7 Сходные образования известны из ряда и.-е. языков. Ср. герм. **twina-* в др.-в.-нем. *zwinal-*; **twaina-* в др.-англ. *twēntig*; **twinja-* в др.-англ. *getwinne*; лит. *dvynaĩ* и т. п.

8 Ср.: *Szemerényi O.* Studies in the Indo-European System of Numerals, Heidelberg, 1960, p. 80; *Jakob-Rost L.* Beiträge zum hethitischen Hofzeremoniell (IBoT I 36). — Mitteilungen für Orientforschung 1966, Bd. 11, S. 179.

9 См.: *Friedrich J.* Op. cit. 2. Ergänzungsheft. 1961, S. 25.

10 См.: *Puhvel J.* Remarks on 'two' in Hittite. — KZ 1978, Bd. 92, S. 99 и др.

и т. п.)[11]. Впрочем, и для этих слов предлагались иные этимологические объяснения. Но особый интерес представляет, пожалуй, лик. *teteri*, трактуемое, начиная с А. Торпа (на основании TL 149.4 и 149.12)[12], как числительное '4', из и.-е. *k^{u}*etu̯ores* (через анат. **ku̯etu̯aris* /?/ и **ku̯etari/s/*>**tetari*)[13]. Впрочем, О. Карруба, выдвинувший обоснование такого понимания лик. *teteri*, признает, что «il risultato può sembrare per molti motive sorprendente». Среди этих мотивов — наличие анат. **mawa-* '4' и некоторая неожиданность формы *teteri* в связи с сакральной ролью числа '4'[14]. Существенное уточнение значения *teteri*, предложенное Р. Гусмани[15], лишило это слово статуса числительного. На основании трилингвы, найденной в 1973 г. в Ксанфе, оказалось возможным установить соответствие, формулируемое как лик. *teteri + epewêtlm̃mêi* : др.-греч. πόλις и уточняющее предложенное ранее Э. Ларошем уравнение *teteri* = πόλις (ср. *epewêtlm̃mêi* : περίοικοι)[16]. Тем не менее, это новонайденное значение ликийск. *teteri*, видимо, не опровергает самой идеи первоначальной связи этого слова с числительным '4' (ср., однако, предложенную в самое последнее время трактовку лик. *teteri* / из **tatari*, ср. *ttaraha* 'городской'/ как заимствования из хуритского, ср. урарт. *patari/e* 'город', см.: Иванов В. В. К этимологии некоторых миграционных культурных терминов. — Этимология 1980. М., 1982, 158. Однако мена *t-* : *p-* объяснима и разными рефлексами и.-е. *k^{u}*, ср. τέσσαρες, τέτορες при эол. (Гомер.) πίσυρες, лесб. πέσ(σ)υρες, беот. πέτταρες '4'). Ср. образ города как четырехугольника, квадрата (ср. *Roma quadrata*, см. ниже), окруженного четырьмя стенами[17].

---

[11] Ср. лат. *testis* 'свидетель', т. е. 'третий' (**terstis*); ср. *третейский суд* и под.

[12] См. критические замечания: *Pedersen H.* Lykisch und Hittitisch. København, 1945, S. 50.

[13] См.: *Carruba O.* I termini per *mese*, *anno* e i numerali in licio. — Istituto Lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di Lettere e Scienze Morali e Storiche. 1974, v. 108. fasc. II, p. 584—585, 590.

[14] Ср.: «sia perché non è, data la sua frequenza relativa, una cifra più consueta e caratteristica dell' ambito sacrale (come per es 1, 3, 7, 9 o sim)», см. *Carruba O.* Op. cit., p. 585.

[15] См.: *Gusmani R.* In margine alla trilingue licio-greco-aramaica. — Incontri lingvistici. 1975, v. 2, p. 71—75 (TETERI).

[16] Ключевыми являются два фрагмента трилингвы:

(31—32)	se-i-j-ehbija-(a)itê tasa mere ebette t e t e r i Arñnas
(XXVI—XXVIII)	καὶ ἐποίησαντο ὅρκους Ξάνθιοι
	se-j-epewêtlm̃mêi Arñnâi
	καὶ οἱ περίοικοι
(13—14)	se-deli-ñtâtê t e t e r i si-j-epewêtlm̃mêi...
(XII)	καὶ ἔδωκαν [sic!] ἡ πόλις...

Найденное на основании этого материала значение вполне удовлетворительно объясняет случаи употребления *teteri* и вне трилингвы. Ср. 29.9. : hlm̃mide Alaχssa[ñ]tra e r i - t e t e r i trm̃misñ ñtepi xñtawata apptte, трактуемое Гусмани (Op. cit., p. 84) приблизительно как «Alessandro prese sotto il (suo) dominio i c i t t a d i n i lici (la cittadinanza licia)» и др.

[17] Иной принцип числового обозначения города — в др.-египт. названии Гермополиса *Шмуну*, букв. 'восемь', в связи с возникшей здесь из

Но в центре внимания в этой статье находятся лексемы с корнем *meu̯- (и его вариантами), прежде всего в значении числа 'четыре'. В настоящее время с уверенностью можно говорить об общеанатолийском характере *meu̯- '4', хотя следует помнить, что сам характер графики древнеанатолийских текстов, как правило, дает лишь очень небольшую надежду на установление языковой формы числительных. В хеттском языке слово для 'четырех' определяется теперь как *mei̯u-*, *miu̯u̯a-*, nom. comm., ср.: *mei̯au̯aš* (= *mejawaš*). Nom., *meuš*. Acc., *miu̯u̯a[š]*. Gen., а также адъективное образование *miu̯u̯anii̯ant-* (и *mūu̯anii̯ant-*)[18]; ср. конский эпитет *mau̯alli-* (XXXI 66 IV 14). Решающим для определения хеттского слова, обозначающего 'четыре' (помимо к тому времени установленного лув. *mauwa-* '4'), был контекст Bo 2533 i 9—12:

(9) ...na-at NIM. LÀL. MEŠ ú-da-an-du | (10) [na]-at pí-di-iš-ši ti-an-du NIM. LÀL t e - r i - i̯ a - a š UD-aš | (11) m i - i - ú - u̯ a UD-aš KASKAL-an pa-a-an-du na-pa i-i̯a-tar-mi-it | (12) ú-da-an-du..., в котором Гютербок обратил внимание на соотнесенность *terii̯as* и *miu̯u̯a*, во-первых, и на то, что речь идет о «пути трех (*terii̯aš*. Gen. Pl.) дней», соответственно — «четырех дней», во-вторых[19]. Слово *miu̯u̯a* в этом фрагменте после того, как оно было должным образом истолковано, естественно соотнеслось с *meu̯-*, *mei̯u-* ('Maultier', по Фридриху), для которого характерна адъективная флексия[20], едва ли объяснимая, если слово обозначало лошадей, мулов или каких-либо других животных, запряженных в колесницу Солнечного Бога (а контексты хетт. *meu̯-*, *mei̯u-* именно таковы). Гютербок правильно предположил, что адъективные формы уместны в случае числительного, что речь идет о квадриге (без определения вида животных, связанных с нею). Ему же принадлежит и новый перевод фрагмента KUB XXXI 127 + ABoT 44 i 52 ff.)[21]. После установления звуковой формы числительного 'четыре' едва ли подлежит сомнению, что тот же комплекс *meu̯-*, *mei̯u-*, *miu̯u̯-* стоит и за теми примерами, которые записаны отчасти с помощью идеограмм. Ср., например: 4-*anna* (= *mei̯uanna?*), 4-*na*, 4-*in*, 4-*iš*, 4-*aš*, 4-*taš*, 4-*ii̯a-*, 4-*i̯aḫḫ-* и т. п. В лувийском языке для обозначения 'четырех' служит *mauwa-* (ср. характерный пример Instr. — *ma-a-u-wa-a-ti partati*, ср. лув. *parta-* при лик.

цветка лотоса и почитавшейся «Восьмеркой» богов. Впрочем, нередкие случаи числового кодирования местных названий и имен собственных здесь, как правило, не рассматриваются.

[18] «Eine bestimmte Art, die Pferde traben (?)», — по определению исследователя конских текстов. См.: *Kammenhuber A*. Hippologia Hethitica. Wiesbaden, 1961, S. 338. Ср. там же примеры из текстов S. 190—191, 204—209, 212—213, 299.

[19] См.: *Güterbock H. G*. Op. cit., p. 1. Перевод фрагмента — «Let the bees bring it and put in its place! Let the bee(s) go a way of *terii̯aš* day(s), of *miu̯u̯a* day(s), and let them bring my abundance!».

[20] Nom. Plur. *mi-e-i̯a-u̯a-aš* и *mi-e-u̯a-aš*; Acc. Plur. *mi-e-ú-uš*.

[21] Ср.: «The four which thou, the Sun God, hast harnessed, behold, man piled grain up for them, so let thy four eat! And as long as thy four eat the grain, live thou, Sun God!».

partta- 'часть'), ср. также *mauwaninda*[22], а в иероглифическом лувийском — *muwa/i-* (обычно приводят чтение *mi* для знака из четырех вертикальных черт, а также ссылаются на два места одного и того же текста: 391(—) [I] III-*ta* и 391(—) *muwā-tan*). Следы использования сопоставимого элемента в том же значении обнаруживаются и в позднеанатолийских языках. Речь идет о типовом ликийском образовании с элементом *-m̃me* (из и.-е. **-pl̥-mo-* 'fold'), следующим за корнем-числительным в нулевой ступени вокализма. Ср. *mu-m̃me*. 149,14, где *mu-* '4', и аналогичные примеры типа *tu-m̃me*, *trppeme* (< **tr-m̃me*), соответственно — о '2' и '3', а также недавно выдвинутую реконструкцию лик. и милийск. **mu-ple* 'четверной', 'четырехкратный' (по аналогии с милийск. *tr-pple* 'тройной'). Наконец, высказано предположение, что лид. *miva-d* (Nom. neutr.), граффито на сосуде, отсылает к числу '4' как мере жидкости[23].

Этот уникальный в кругу индоевропейских языков способ обозначения '4', конечно, не мог не привлечь внимания в связи с попытками его этимологического объяснения. Сразу же наметились два направления поисков. Первое из них ориентировалось на предполагаемый неиндоевропейский источник, который мог никак не определяться[24] или же реконструировался достаточно конкретно (таково заслуживающее пристального внимания оригинальное объяснение В. В. Иванова, согласно которому анат. **mewa* было заимствовано из формы типа лакск. *мукӏва*)[25]. Второе направление в объяснении анатолийских слов для 'четырех' исходит из его связей внутри индоевропейской языковой семьи. А. Хойбек считает неправдоподобным («unwahrscheinlich») предположение о заимствовании из субстрата числительного из круга малых чисел. По его мнению, «скорее речь должна идти о предположении об очень ранней («sehr frühzeitigen») замене исконного и.-е. числительного другим и.-е. словом («durch ein anderes idg. Wort»)[26]. В связи с этим отмечается также, что анатолийское слово для '4'

---

[22] Возражения Б. Розенкранца (Die Welt des Orients 1956, Bd. 1, S. 287 и сл.) в настоящее время не могут считаться убедительными.

[23] Специально о числительном '4' в анатолийских языках см.: *Otten H.* Op. cit., S. 27—28; *Güterbock H. G.* Op. cit., p. 1—6; *Laroche E.* Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959, p. 70; *Heubeck A.* 'Digamma' — Probleme des mikenischen Dialekts. — Die Sprache 1963, Bd. 9, S. 201—202; *Kronasser H.* Etymologie der Hethitischen Sprache. Bd. 1. Wiesbaden, 1966, S. 361—362; *Carruba O.* Op. cit., p. 584—585; Gusmani R. Op. cit., p. 71; *Friedrich J.* Op. cit., s. v; JIESt 1981, v. 8, 188.

[24] См. *Güterboch H. G.* Op. cit., p. 3.

[25] См. *Иванов В. В.* Новые данные о соотношении малоазиатской, ликийской, этрусской и римской письменных традиций. Обозначение чисел. — В кн.: Симпозиум Античная Балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. 2—4 декабря 1980 г. М., 1980, с. 21. — Мнение о заимствовании анатолийского обозначения 'четырех' тем интереснее, что автором отмечаются и другие заимствования числительных из северокавказской традиции в языки малоазийского круга.

[26] См.: *Heubeck A.* Op. cit., S. 201.

склоняется по образцу числительных и даже обнаруживает следы старого аблаута : *$me\underset{\frown}{i}u$-/*$mi\underset{\frown}{u}$-, на основании чего предлагается реконструкция и.-е. *meįeų-, подтверждаемая и такими примерами, как тох. В *maiwe* 'маленький', 'молодой', др.-исл. *mjōr* 'schmal', 'dünn' (из *maiwa-)[27]. Семантическую мотивировку обозначения '4' таким образом Хойбек связывает с исходной идеей 'малой' руки (четыре пальца без большого), что, действительно, могло бы быть подкреплено рядом типологически сходных параллелей. Не менее важна и открывшаяся возможность расширения этого круга за счет родственных индоевропейских форм, воплощающих ту же идею малости. Речь идет о др.-греч. μείων (Comp. от μικρός и ὄλιγος) и особенно о микенских формах типа *me-u-jo*, *me-wi-jo* и под., которые Хойбек предлагает трактовать как продолжения и.-е. *meių-i-įōs (*meiw-ijōs) > др.-греч. *μεϝίων, связанные с другими отражениями и.-е. *meį-, *mineų-/*minu- (ср. др.-инд. *mināti* 'уменьшать', *mīyate*; др.-греч. μινύθω, из более раннего *μινευμι; лат. *minuo* и т. п.)[28].

Но и.-е. *meįeų-, постулируемое для обозначения 'четырех' в анатолийском и для выражения идеи малости в ряде индоевропейских языков, знает и другие (правда, остающиеся неучтенными) отражения, которые вносят существенные нюансы в семантическую историю слов этого корня и прежде всего ставят в известном смысле под сомнение тезис об исконности значения 'малый' в приведенных выше примерах. Здесь будет указана лишь одна совокупность фактов — лит. слова с элементом *maiv-*, причем они будут представлены скорее в выборочно-схематичном виде, чем в деталях. Анализ соответствующих лексем[29] приводит к выделению двух групп случаев. В центре первой — обозначение трясины, болотистой зыбкой поверхности, ср. *máiva* с такими характерными определениями изнутри, как: Linguojas ir sprogst žemė — tatai m á i v a vadinas или Pelkė, kur skęsta tekiniai, grimzta gyvoliai, vadinas m á i v a (LKŽ VII, 764), ср. *maivŷnė*, *máivėtas*, *išmáivoti* 'išklampoti' (Kelias išmaujotas, i š m á i v o t a s, LKŽ VII, 765). В центре второй группы — обозначение разного вида поведения, манер, признаваемых неестественными (не нейтральными) и выражающихся в известной гипертрофированности гримас, мин, жестов, ср. *máiva* 'гримаса', 'жест', 'ужимка'[30] и тот, кто характеризуется этими движениями ('кривляка', 'ломака' и т. п.)[31]; *máivytis* 'же-

---

[27] Там же, с. 202; *Pokorny* I, S. 711; ср. также: *Duchesne—Guillemin J.* Tocharica. — BSL 1940, t. 41, p. 157.

[28] См.: *Heubeck A.* Op. cit., S. 199—201; *Chadwick J.* — Transactions of Philological Society 1954, p. 6 и сл.; *Frisk* 2, S. 197—198; *Chantraine*, s. v. и др.

[29] Подробное собрание примеров см.: Lietuvių kalbos žodynas, VII (L—Mėlti). Vilnius, 1966, с. 764—765, 930—931 (=LKŽ).

[30] Ср.: Jis m a i v o m i s apreikšdavo savo baisų skausmą (LKŽ VII, 764).

[31] Ср.: Ko čia m a i v o j y s kaip koks m á i v a! (LKŽ VII, 764), также *pamáiva* 'кривляка', 'жеманница', 'несерьезный человек' ('nerimtas žmogus' LKŽ IX, 1973, с. 281: Čia krypt, čia švypt — dar tokios p a m á i v o s mergos nebuvau mačiusi), *pamáiviškas*.

маниться', 'кокетничать', 'кривляться', 'ломаться', 'щепетильничать' и т. п. (ср. *man māivijasi* 'у меня предчувствие', 'мне кажется' / 'мерещится'), *māivotis* то же, но и 'капризно, своенравно, причудливо держаться, вести себя', 'привередничать'; 'казаться', 'видеться' и т. п.[32]. Ввиду анат. **meu-* : **meiu-* уместно напомнить, что подобные отношения отражены отчасти и в литовском. Так, наряду с **maiv-* (см. выше) отмечено и **mau(j)-*, продолжения которого расширяют объем семантических возможностей рассматриваемого комплекса. Ср. *maujóti* 'бродить', 'брести по грязи', 'месить грязь' (напр., Virai par visą dieną m a u j ó j a po dumblą; Kiaulė kaip po magną m a u j ó j a — taip šlapiai stovi. LKŽ VII, 930), но и 'разгуливать вдоль и поперек (туда и сюда)', 'опустошать', 'разорять', 'искать ощупью' и т. п.[33]; сюда же, конечно, следует относить и *maujóti* 'пачкать', 'марать', 'грязнить', и т. п. (LKŽ VII, 931). Семантическое ядро лексем с корнем **maiv-* образуют такие смыслы, как 'нетвердый', 'неустойчивый', 'колеблющийся', 'мягкий'. Нужно полагать, что и диахронически основное задание элемента **maiv-* было в обозначении особого зыбкого состояния материи, наиболее обычным воплощением которого была как раз болотная трясина или сходная по консистенции полужидкая пища (каша, густая похлебка и т. п.), а в переносном употреблении — нечто туманное, призрачно-колеблющееся и изменчивое, род некоей зрительной зыби, марева. Из этого исходного смыслового круга убедительно выводятся как «болотные» и близкие к ним значения (трясинный, хлябеобразный, мокрый, пачкающийся, грязный, темный и т. п.), отмеченные в литовском[34] и других и.-е. языках (Pokorny I, 741: **meu-*, **meuə-*, **mŭ-*), так и глубинные значения, характерные для **maiv-* именно в литовском, — 'изменчивый', 'переменчивый', 'неустойчивый', 'ненастоящий', 'ненатуральный', 'поддельный' и т. п., откуда объясняются и такие поверхностные смыслы, как 'жеманный', 'кокетничающий' и т. п., обозначающие разные признаки, выра-

---

[32] Ср.: Anuodu b e s i m a ĩ v o, t. y. juokias, vaipos, žvingauna, darkos; — Kaip tu m a i v a i s, nepastovi, nepasėdi! — Ko čia dabar m á i v a i s prieš veidrodį!; — Tos mergelkos išsivaipo, i š s i m á i v o visaip; — Sėdėk ramiai, n e s i m á i v o k; — Ėmė m a i v y t i e s jam įvairūs reginiai iš praeities и т. п. (LKŽ VII, 765). Ср. *máivyda* 'лауме, рагана' (как привидение) и т. д.

[33] Ср.: M a u j ó tas jautis po dirvas, po laukus; — Milijonai tų milžinų m a u j o j o giriose; — M a u j ó t i pradėjo dvarus; — M a u j ó j u kišenė[je], bet nerandu nėko; — Visą ežerą i š m a u j ó j o, kol nuskendusį rado и т. п. (LKZ VII, 930—931).

[34] Сюда можно добавить и примеры с значением 'грязный', 'пачкающий' и т. п. Ср.: *máivytis*, *išsimáivyti* 'пачкаться', 'грязниться' (I š s i m á i v i a u, palikau, šliurkštinas (LKŽ VII, 765); — Vienas brisdamas stačiai, įsmuko iki juostos, storai s u s i p u r v i n ę s, vos i š m a u j o j o; Parvažiavo girtutelaitis, visas po p u r v y n u s i š s i m a u j ó j ę s; Po sąšlavas, mėšlus susivoliojo, mazginiūse iki ausų n u s i m a u j o j o (LKŽ VII, 931) и др.

жающиеся в изменяющихся гримасах [35]. Вместе с тем из значения 'мягкий' (т. е. еще не отвердевший, не застывший, не оформившийся) естественным образом объясняются такие значения, как 'маленький' ('нежный'), 'слабый', 'бедный' ('худой', 'убогий', 'робкий' и т. п.). С этой точки зрения отношение тох. В *maiwe* или др.-греч. μείων к лит. *máiva* (т. е. 'малый' : 'мягкий') аналогично отношению слав. **mold-* (**moldъ*, **mold-ъn-ьсь*) или прус. *maldai* (Nom. Pl.), *maldian* (Acc. Sg.) как образов малости-молодости к генетически связанным словам других языков, ср. др.-инд. *mṛdú* 'мягкий', 'нежный', 'кроткий', лат. *mollis* (< **moldvis*) 'мягкий', 'нежный', др.-ирл. *meldach* то же, ср. др.-греч. ἀμαλδύνω 'размягчать', 'ослаблять', др.-англ. *meltan* 'плавить', 'растоплять' (ср. гот. *ga-malteins* 'растворение') и т. п. [36]. Кстати, др.-англ. *meltan* подсказывает идею общего семантического элемента, лежащего в основе лит. *máiva* 'трясина' и *máiva* 'кривляка', 'жеманница', а именно — 'распущенность' (ср. распущение тверди в хлябь, т. е. рас-плавление, рас-топление (ср. *дороги распустились*, о прекращении твердого пути при таянии), с одной стороны, и распущенность как характеристику внешнего поведения и/или внутренней сути — с другой [37].

Это отступление, посвященное некоторым типам выражения малости, имеет своей целью не опровержение трактовки Хойбеком

---

[35] К связи изменчивой, незастывшей гримасы и даже внутреннего состояния с «текучими» характеристиками ср. такие выражения, как *растекающаяся гримаса* (улыбка и т. п., также и *расползающаяся*), *рассиропиться*, *растечься*, о некоем размягченном состоянии, и т. п.

[36] Сочетание смыслов 'маленький', 'юный', 'нежный' является общим местом в семантической структуре самых разных языков (ср. др.-инд. *áṇu-* и под.).

[37] Лит. *máiva* отсылает нас к сфере физиогномических обозначений. В значительной степени неразработанность семантических мотивировок в этой области не позволяла до сих пор дать подлинное объяснение этимологии этого слова. В этом контексте, в частности, в связи с относящейся к нему темой большого и малого, уместно указать на ее особую роль в языковом выражении характерологических черт человеческого лица — внешних (уровень жестов, гримас) и лежащих за ними внутренних особенностей духовно-нравственного облика. «Большое» отражается в таких физиогномических характеристиках, как 'величественный', 'надменный' ('надутый', 'напыщенный'), 'гордый', 'пышный', откуда и другой род признаков — 'важный' ('тяжеловесный'), 'серьезный', 'неподвижный', 'статуарный' и т. п. вплоть до 'обобщенно-абстрактный'. «Малое» связано с противоположными характеристиками — 'незначительный', 'мелкий' ('измельченный'), 'мизерный' ('сниженный', 'ослабленный'), 'сокращающийся' ('скрюченный', ср. *ужимка* : *жать*, *жму*), откуда — 'изменяющийся' ('кривляющийся', 'гримасничающий'), 'подвижный', 'легкомысленный', 'легковесный', 'несерьезный' (ср. лит. *pamáiva* как обозначение несерьезного человека) и т. п. вплоть до 'конкретно-детализированный'. Но иногда именно «малое» («незаметное») связано с ценностями нравственного порядка: Есть *лица*, подобные пышным порталам, | Где всюду *великое* чудится в *малом*. | Есть лица — подобия *жалких* лачуг ... и т. п. у Заболоцкого. Существенно заметить, что «малое», как оно воплощается в чертах лица (или характера), особенно часто и явно связывается с экспрессивностью (не нейтральностью).

анат. **meų-* как первоначального обозначения 'малой руки' (= 4), а ее ограничение, введение в более жесткий и обусловленный контекст, о котором см. далее. В самом деле, в анатолийских языках есть целая группа лексем, которые формально значительно ближе обозначениям '4', чем тох. В *maiwe* или др.-исл. *mjōr*, а содержательно, по меньшей мере, не уступают семантической мотивировке **meų-* '4' как 'малой руки'. Речь идет о примерах, семантика которых ориентирована не на идею малости, а напротив, — величия, особой жизнетворящей силы и ее носителей. Достаточно напомнить такие, к сожалению, игнорируемые в связи с объяснением анат. **meų-* '4' факты, как хетт. *muụa* 'Körpersaft; — Seelenstoff(?)', эквивалентное аккад. *bubu'du* и идеограмме A. A[38], или *muụattal(l)i-* 'сильный', выводимое Фридрихом из лувийского; лув. *muwa-*, условно определяемое Ларошем как 'âme? race?'[39], и связанные с ним образования — *muwa(i)-*, отыменной глагол (ср. *mu-u-wa-i*. 3. Sg. Praes. или 2. Sg. Imp.; *mu-u-wa-an-ti*. 3. Pl. Praes.; *mu-u-wa-an-za*?); *mu-wattalla/i-*, Adj.; *muwaddalaḫi(t)-*, Subst. abstr. (*mu-wa-ad-da-la-ḫi-da-aš*, хетт. Gen.) и др.; ср. лув.-иерогл. *muwatali-* 'сильный', 'могущественный'. Аналогичный элемент выступает и в целом ряде ономастических образований как в раннеанатолийских, так и в позднеанатолийских источниках, заставляя предполагать его употребление и в апеллятивной лексике. Ср. такие примеры, как лув. *Uḫḫa-muwa* и *Piḫa-AA* (ср. *piḫa-* и *Uḫḫa-ziti*, из Арцавы) и др., причем некоторые случаи, в которых выступает элемент *-muwa*, двусмысленны[40]. Ряд ценных фактов был приведен Г. Нейманом[41]: *Mulliyara* (NH № 818), из **muwalli-* 'сильный' и *ara-* 'друг'; *Mulawalwi* (NH № 817), из того же Adj. и названия дикого животного (льва?); *Mummulanti* (NH № 821), имя, в основе которого лежит тот же элемент в редуплицированном виде (*-anti* — суффикс). Тот же исследователь предлагает по аналогии с *aruwâtijesi* понимать лик. Nom. propr. *mullijesi* (TL 6, 1) как «er wird stark sein»[42], ср. в греческой передаче Μολεσις, Μολλεσις, Μολλισις (ми-

---

[38] См.: *Friedrich J*. Op. cit., S. 145—146; Ergänzungsheft 3, S. 51. (со ссылкой: Meriggi. — RHA t. 21, fasc. 72, p. 15); *Idem*. — Kleinasiatische Forschungen 1930, Bd. 1, S. 375—378; *Güterbock H. G*. Die Elemente *muwa* und *ziti* in den hethitischen Hieroglyphen. — Archiv Orientální, 1950, ročn. 18, S. 227—230 и др.

[39] В связи с этим словом см.: *Rosenkranz B*. Beiträge zur Erforschung des Luvischen. Wiesbaden, 1952, S. 23, 77; *Otten H*. Op. cit., S. 45; *Güterbock H. G*. — Orientalia 1956, v. 25, S. 123; *Laroche E*. Dictionnaire . . ., p. 72 и др.

[40] См.: *Laroche E*. Recueil d'onomastique hittite. Paris, 1952, p. 125 и сл.; *Idem*. Dictionnaire. . . p. 72; *Idem*. Les noms des hittites. Paris, 1966, s. v. (далее — NH).

[41] См.: *Neumann G*. Spätluwische Namen. — KZ 1978, Bd. 92, S. 126—131.

[42] Вариант — *mulesi* (TL 105, 2, Gen. *muleseh*). Ликийскому *mullijeseh* (Gen.) отвечает в греческой части TL 6 Gen. Μολλίσιοα. Лик. Nom. propr. *Hẽ[p]ruma* (на монете), Nom. Sg. *Hm̃prãmeb* (TL 36, 3), Gen. Sg, *Hm̃prãma* (TL 37), Dat. Sg., дало основание для реконструкции лув. **Immara-muwa* (дальнейшая синкопа — **Imra-muwa* и эпентеза —

зийск. Μολεσις, лид. Μολεσεος, лик. Μολεσιος. Gen., писид. Μολεσις, Gen. Μολεσιος, фриг.-лик. Μολεσις)[43]. Продолжение лексемы **mu-walli-* в пограничной фригийско-писидийской области в греческое время обнаруживается, согласно Нейману, в именах типа Μοαλεις или Μωαλεις[44]. Такие Nom. propr., как карийск. Μοηννος или писид. Μαυεννα[45], трактуются иногда как 'Quartus', 'Quarta', что, конечно, вероятно, но во всяком случае не более, чем толкование этих имен с помощью анат. **muu̯a-* 'сила' и под. (> **mua-* > **moa-*) или **mau̯(v)-*. Вообще нужно заметить, что неустойчивость интервокального *-u̯-* нередко приводила к дальнейшим сокращениям и преобразованиям элемента **muu̯a* в именах собственных, особенно в позднеанатолийское и специально греческое время. Не исключено, что из-за этого нарушались связи между старым обозначением 'силы' в анатолийских языках и его поздними преобразованными формами в составе имен. Среди таких имен указывались сохраненное в ассирийских царских анналах династическое имя *Panammu*, где *-mu* из **muu̯a-*, или Nom. propr. *Zaḫḫamu* из лувийской иероглифической надписи из Cekke (19-ая фраза), интерпретируемое Нейманом как 'Kampf-Mut' (ср. хетт.- *zaḫḫāi-* 'битва', 'борьба', лик. *zχχãte* 'они побороли' и *-mu* из **muu̯a-*), а также целый ряд других примеров: Οραμως, Ουαξαμως, Ταρκομως, Οπραμως, Οπραμοας и даже просто Μως[46]; В. Георгиев предложил объяснять имя Πρίαμος как краткую форму (или результат фонетического развития) от хетт. Nom. propr. *Pariyamuwas* (от *parii̯a-* и *muu̯a-*)[47].

Общеанатолийский характер **muu̯a-* (**mu-*), его широкое распространение как в Nom. propr., так и в апеллятивном употреблении, развитая словообразовательная система, в которой используются типичные индоевропейские суффиксы, как и соображения этимологического характера (о них см. ниже), практически гарантируют индоевропейский характер этой лексемы. Более того, элемент **muu̯-* гармонично объединяется с **meu̯-* в рамках стандартной системы чередования гласных как нулевая ступень корня с полной ступенью того же корня, т. е. **meu̯-* : **mŭ(u̯)-*[48].

**Imbrŏmoas*, откуда реальная «греческая» форма — 'Εμβρομος). См.: *Laroche E.* Les épitaphes lyciennes. — In: Fouilles des Xanthos. T. V. Tombes — maisons, tombes rupestres et sarcophages, par. J. Demargne. Paris, 1974, p. 127.

[43] См.: *Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, S. 325—326.

[44] См.: *Zgusta L.* Op. cit., S. 322.

[45] Там же, с. 304, 322.

[46] См.: *Neumann G.* Op. cit.

[47] *Georgiev V.* Die ethnischen Verhältnisse im alten Nordwestkleinasien. — LB, 1973, t. 16, N 2. S. 7; *Idem.* Die troianische Herkunft der Elymer. — LB, 1978, t. 21, N 3, S. 6 и др. Материал см.: *Zgusta L.* Op. cit., s. v.

[48] Интересны некоторые детали, свидетельствующие (хотя бы в известной мере) о взаимопроникновении элементов, обозначающих '4' и 'силу'. При *muu̯a-* 'сила' ср. уже упоминавшееся хетт. *mūu̯anti̯ant-* (*miu̯anti̯-ant-*); звуковая форма *miu̯a-* (ср. *mīu̯aš* '4' Acc.) перекликается с и.-е. **mi̯eu̯ə-* : **mīu̯-*, вариантными формами, связанными с обозначением силы (см. ниже).

В самом деле, анат. **тиџа-*, обозначающее, говоря в общем, некую силу типа *маны*, происходящую от определенного сакрально отмеченного действия и порождающую как результат обилие, множество, благосостояние (см. далее), довольно естественно укладывается в границы, предусмотренные и.-е. **теџ-*, **теџә-* 'fortschieben' (Pokorny I, S. 743), семантика которого остается, к сожалению, плохо описанной. Не останавливаясь здесь на деталях, можно высказать предположение, что наиболее общим значением подавляющего большинства продолжений и.-е. **теџ-* было '(вы)движение вперед', 'превосхождение', опирающееся на исходный семантический комплекс, реконструируемый приблизительно следующим образом — 'применение силы с целью изменения данного состояния и достижения нового (высшего) состояния'. Это исходное значение еще более или менее ощутимо в др.-греч. ἀμεύσασθαι 'превосходить', 'побеждать' (ср. гортинск. ἀμεϜύσασθαι 'торговать'), ἀμύνω 'отбивать, отгонять', 'отражать', 'давать отпор', 'защищать' и т. п.; лат. *moveō* 'приводить в движение', но и 'бить', 'ударять'; 'изгонять', 'вытеснять', 'отвращать'; 'возбуждать', 'начинать'; 'заманивать', 'менять', 'изменять'; 'подстрекать', 'толкать' и т. п. (ср. *mōtus* 'движение', 'порыв', 'побуждение'; 'возмущение', 'мятеж', 'подъем', 'стадия развития'; ср. умбр. *comohota* 'commota'); др.-инд. *mīvati*[49] 'напирать', 'теснить', 'прижимать', 'толкать', 'двигать' (ср. *kā́ma-mūta-* 'подвигнутый любовью', *mūrá-*, в частности, 'спешащий'). Если в указанных примерах, представленных прежде всего глаголами, семантический множитель 'сила' обычно находится в латентном состоянии и, как правило, лишь предполагается, то в анатолийских примерах, отраженных почти исключительно в имени, напротив, ключевым и наиболее выдвинутым семантическим элементом является 'сила' (соответствующий первичный глагол вообще отсутствует). Следовательно, анатолийские и индо-греко-италийские факты находятся как бы в дополнительном распределении между собой, что может рассматриваться как еще одно свидетельство индоевропейского происхождения анат. **тиџ-* и основание для предположения о том, что анатолийские языки могли некогда обладать и соответствующим глаголом, восходящим к и.-е. **теџ-*/ **тoџ-* (ср. лув. *тиwa/i/-*)[50].

---

[49] Ср. выше об и.-е. **тīџ-*.

[50] В свете рассмотренного выше отношения **maiv-* 'малый' и **maiv-* 'трясинистый', 'мокрый', 'грязный' обращает на себя внимание наличие омонимичного (по меньшей мере) корня **теџ-* : **теџә-* : **тӣ-*, обозначающего нечто влажное, жидкое, грязное (в частности, и болото, ср. *Pokorny* I, S. 741—742), при уже указанном **теџ-*, связанном с понятием 'силы'. Интересно, что этому в принципе положительному значению 'силы' в омонимичном ему **теџ-* соответствовали бы обильные «положительные» значения — 'умытый', 'чистый', 'украшенный', 'радостный' и т. п. — вплоть до воплощения этой умытости—очищенности—украшенности в лат. *mundus* 'мир' (инфигированная форма от **теџ-d-* : **тu-d-*), перекликающемся отчасти с др.-греч. κόσμος в том, что касается семантической мотивировки обоих слов.

Основным результатом, вытекающим из до сих пор проанализированных фактов, нужно считать создание вполне реальных предпосылок для выдвижения на анатолийском материале тезиса о возможной связи между обозначением 'четырех' и обозначением некоей особо отмеченной субстанции — 'силы—обилия' (и, разумеется, об индоевропейских истоках этих обозначений). Данные лексической типологии доставляют убедительное количество примеров, когда число 4, действительно, передается с помощью слов, обозначающих множество, обилие, силу, возрастание[51] (ср. обозначение '4' как 'много' в языке австралийских вирадурай и др.), и в этом отношении приведение здесь соответствующих параллелей не вызвано необходимостью. Важнее подчеркнуть некоторые другие обстоятельства, в той или иной степени объясняющие указанный принцип обозначения '4'. Среди них одно — решающее — бросается в глаза сразу: обозначение '4' как множества, возрастания, силы (или, точнее, кодирование этих понятий и числа '4' общим языковым элементом) встречается или в языках с четверичной системой счисления, или в языках с более или менее отчетливыми следами кватернарности. Более того, можно сказать, что сам факт совпадения обозначения '4' с указанными «множественно-положительными» понятиями может рассматриваться как диагностически точная отсылка к четверичному слою в системе счета[52]. В таком случае указанное совпадение объясняется не какими-либо внутренними и независимыми особенностями числа '4', а исключительно его функцией — быть завершением базового числового ряда, обозначать в его пределах высшую степень возрастания, наибольшее из конкретно-исчисляемых множеств[53]. То, что 'четыре' некогда действительно замыкало

---

[51] Помимо значительного числа работ, посвященных частным счетным системам так называемых «примитивных» языков, примеры подобного обозначения '4' указаны: *Nehring A.* Zahlwort und Zahlbegriff im Indogermanischen. — Wörter und Sachen 1929, Bd. 12, S. 282—283.

[52] Такие совпадения, следовательно, отсутствуют в тех языках, которые свою систему счета основывают на двух или трех счетных единицах (реально этому часто соответствует наличие самостоятельных форм только для первых двух или трех членов натурального ряда). В таких случаях '4' обозначается через элемент, используемый для '2'. Ср. аранта *teramatera* '4' (при *tera*, *tara* '2') или хайда *stA'nsiñ* '4' (при *stiñ* '2') и т. п. См.: *Majewicz A. F.* Some observations concerning various structures of cardinal numbers and the possibility of their classification. — LP, 1976, 19, p. 93—103; *Idem.* The structure of cardinal numbers. II. Numerals in the Aranda Translation of St. Luke's Gospel of 1925. — LP, 1977, 20, p. 39—43 и др.

[53] Характерны случаи, когда '4' обозначается как определенное множество, а числа сверх '4' — как неопределенное, неисчислимое множество; ср. в языке австралийских туземцев (Lake Macquarie) обозначение чисел сверх '4' с помощью *kauwol-kauwol* 'много-много'; другой вариант представлен в тех случаях, когда '4' обозначает как бы градуированное множество, а числа сверх '4' — сверхмножество (ср. обозначение '5' как 'очень много' в языке видурай). При переходе к пятиричной системе (или, вернее, при расширении счетного ряда за пределы '4') функцию завершения со всеми вытекающими из этого

в индоевропейском числовой ряд, свидетельствует не только предлагаемая здесь этимология анат. **тец-*, но и многие совершенно независимые данные (явность границы между и.-е. обозначениями '4' и '5' подчеркивается принадлежностью соответствующих слов к разным категориям (условно: Adj. и Subst.); разной их морфологией и наличием ряда не совпадающих друг с другом синтаксических свойств; вхождением в разные последовательности, внутри которых действуют особые закономерности (3, 4, но 5, 6, 7 . . .); различиями в узусе, реализуемыми в культурном контексте[54] и т. п.), которые уже давно позволили реконструировать для индоевропейского архаичную стадию четверичного счета. Влиятельность четверичного принципа была столь значительной, что в архаичном индоевропейском сознании и рука могла мыслиться как состоящая из четырех элементов (пальцев), подобно, например, папуасскому языку кева с четверичной системой счета, в котором '4' обозначается элементом *ki*, который обозначает и руку (характерно, что большой палец обозначается иначе, чем остальные четыре пальца, и, следовательно, как бы не относится к числу пальцев вообще); ср. английский способ выражения *the four fingers and the thumb* или представления о пальцах в русских загадках (ср.: *Четыре брата, пятый дядя* или *Четыре брата идут навстречу старшему: «Здравствуй, большак!» — говорят. «Здорово! — отвечает он, — Васька — указка, Мишка — середка, Гришка — сиротка да крошка — Тимошка!»*) и т. п., не говоря уже о других, в том числе и неиндоевропейских параллелях[55]. В этом контексте следует подчеркнуть, что обозначение '4' как 'малой руки' (т. е. пяти пальцев без большого), о котором писалось выше, указывает на сложение подобного способа обозначения уже в более позднюю эпоху, когда нормой был пятиричный счет и соответственно его образом и средством была 'большая рука' (т. е. пятипалая).

Если четверичная система счета «исторична» в том смысле, что она более или менее легко уступает место другим системам, имеющим перед нею преимущество в операционном плане, то существует сфера, в которой число '4' характеризуется как некая пан-

---

следствиями берет на себя числительное '5', которое в свою очередь начинает характеризоваться совпадениями указанного типа; ср. и.-е. **penkᵘe-* '5' при хетт. *panku-* 'собрание' ('совокупность', 'множество'), *pangarii̯a-* 'увеличиваться' и т. п. (если принять соответствующую этимологию).

54 Ср., например, введение в римской традиции числовых обозначений (начиная с пятого для имен детей (*Quintus*, *Sextus*. . .), для месяцев (*Quintilis*. . .), для возрастных групп (ср. *quinquennis*. . . со счетом по годам (*annus*) при счете по зимам в *bimus*, *trimus*, *quadrimus*, т. е. **du̯i-him-os* : *hiems* и т. д.); отчасти сюда же могут быть, видимо, отнесены и различия в способах образования мультипликативных наречий и т. п.

55 См.: *Schmidl M.* Zahl und Zahlen in Afrika. — In: Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien 1859, Bd. 45, S. 168 и сл.); *Menninger K.* Zahlwort und Ziffer (Eine Kulturgeschichte der Zeit), I, Göttingen, 1957 и др.

хроническая и языком не мотивируемая универсалия[56]: она может быть упразднена совсем, но не заменена иным (нежели '4' числовым выражением, если только речь не идет о мультипликациях (8, 16 и т. п.) или явных случаях вырождения. Этой сферой являются мифопоэтические представления о космосе и человеке как его части, изоморфной и соприродной ему. В их основе лежат биологические (а позже и психологические) факторы, о которых здесь не будет говориться, хотя предположение о врожденном характере трех- и четырехчленных (хотя бы в вариантах верх — низ, правый — левый или передний — задний, правый — левый) структур или выводы представителей глубинной психологии (Юнг, Адлер, Эдинджер и др.) о роли триад и тетрад, несомненно имеют отношение и к исследуемой здесь теме. Поэтому здесь достаточно лишь самым кратким образом обозначить основную мифопоэтическую идею числа '4', бросающую луч света и на языковую форму обозначения '4' и особенно на ее внеязыковые предпосылки. В отличие от числа '3', служащего идеальной моделью любого динамического процесса (динамической целостности), предполагающего возникновение, развитие, упадок и реализующегося, в частности, в вертикальной структуре Вселенной, число '4' прообразует статическую целостность, идеально устойчивую структуру, полнее всего реализующуюся в горизонтальном плане Вселенной. С этой особенностью числа '4' связано его использование в мифах о сотворении Вселенной, о ее горизонтальной структуре, о правилах ориентации в ней (4 стороны света, 4 направления, четверка богов или четырехипостасные божества-стражи, далее — 4 времени года, 4 века, 4 основных элемента и т. п.)[57]. Трехчленная вертикальная ось — то направление, по которому в мир входит случайность, неожиданное — как доброе, так и злое. Человек может только просить, молить, чтобы божественные или демонические силы отвратили или приблизили случайность. Сам по себе он в этой ситуации бессилен. Иное положение человека в отношении четырехчленной горизонтальной структуры. Здесь он хозяин, и многое зависит только от него. Поэтому горизонтальное

---

[56] Тем не менее, существен учет и тех языковых универсалий (в частности, «отрицательных»), в которых очевидна роль числа '4'. Ср., например, максимальную четырехчленную систему грамматической категории числа (Singularis, Dualis, Trialis, Pluralis, где Pluralis эксплицитно предполагает, что «множество» начинается с '4'); также, кажется, неизвестны примеры более чем четырехчленной системы степеней сравнения (ср. такой вариант, как положительная, сравнительная, превосходная, абсолютная степени). О других примерах такого рода см. в другом месте. Важно, однако, уже здесь подчеркнуть, что числа до '4' включительно не только элементы числового ряда, но и элементы языка описания мира, укорененные в самой структуре языка (даже если какой-либо конкретный язык и не обладает '4' как элементом числового ряда). Поскольку они описывают и сам язык, они обладают внутренней (нередко скрытой) метаязыковой функцией.

[57] Ср. описание четырехчленных структур в связи с разными моделями Космоса (мировое дерево, мировая гора, Брахман, различные виды ритуальных сооружений и т. п.).

пространство становится предметом особых забот по его охране, по использованию его для увеличения благосостояния, понимаемого как сила—обилие, воплощающаяся в долгой жизни, детях, скоте, богатстве и т. п. Не случайно, что именно горизонтальная структура выступает в качестве ритуального пространства при том, что сам ритуал рассматривается как средство связи людей (земля) с богами (небо) и, следовательно, актуализирует вертикальную ось[58]. Во многих традициях четырехугольное ритуальное пространство, как и соответствующее сакрализованное пространство города, поселения (ср. *Roma quadrata* у Плутарха), специально охраняется на его границах: оно огораживается, обводится чертой, опахивается бороздой, обводится протянутой по периметру вервью, нитью, цепью, т. е. связывается[59], обходится и освящается жрецами, обносится сакральными символами, которые позже нередко интерпретируются как межевые пограничные знаки (ср. лат. *cippus*, *terminus* и т. п.)[60]. Открытие, размыкание этого замкнутого и охраняемого пространства всегда сакрально отмечено и становится объектом особых ритуалов[61]. Само же риту-

---

[58] Можно напомнить, что соединение обеих структур (3 + 4 в числовом выражении) образует «сумму мира» (summa mundi) — 7 как космологическую константу в целом ряде традиций; идеальный («усиленный») Космос образуется произведением 3 × 4, т. е. 12. В тех традициях, где известна числовая символизация полов (например, у бамбара), женщина соотносится с 3, мужчина с 4, а брачная пара как таковая, следовательно, с 7. Произведение 3 × 4 относится к обозначению идеального, превышающего человеческие возможности (ср. 12 богов пантеона, 12 апостолов, 12 героев и т. п.). Лат. *terque quaterque*, букв. 'и 3 и 4', имеет в переносном смысле значение 'несколько', 'много', 'стократ', 'в высшей степени'.

[59] Соединительная цепь известна и в описаниях вертикальной структуры (ср. образ *Catena aurea* у Гомера — σειρὴ χρυσείη. Il. VIII, 19, 25), но там она средство сообщения, которой пользуются для изменения ситуации, а не для гарантии уже достигнутого состояния.

[60] Иногда эти пространственные указатели персонифицируются. Ср. римское божество границ и межей *Terminus* (позже *Jupiter Terminus*) и посвященные ему празднества — *terminalia* (quod is dies extremus anni constitutus. Varro VI, 13, ср. Ovid. Fast. II, 49 и сл.). Сами же *termini* (по крайней мере, четыре главных, отмечающих ключевые точки четырехугольного замкнутого пространства) могут толковаться как средства соединения горизонтального плана мира с вертикальным (ср. **ter-* 'проницать' и т. п. в связи с семантикой троичности и тремя космическими зонами по вертикали: к *terminus*, *termen*, *termo* ср. лув. *tarmi-*, хетт. *tarma-* 'гвоздь', 'колышек', *tarmāi-* 'вбивать', 'укреплять' и т. п. др.-греч. τέρμα), соответственно как два аспекта *маны*. Существенно, что лат. *terminus* означает 'предел', 'конечную цель', 'завершение', т. е. некое высшее состояние (точку).

[61] Ср.: mundus ter in anno patere solent (Festus 144) или mundus qui Cereris appellatur, qui ter in anno solet patere (там же, 126) — при объяснении того же Феста: Mundo nomen impositum est ab eo mundo qui supra nos est (там же, 144). От этого *mundus*, представляющего собой род подземного сооружения, имитирующего вход в преисподнюю (врата адовы), отличают *mundus* как первоначальный и позже засыпанный ров, который окружал комиций, место народных собраний на форуме, и самое *Romam quadratam*. Считается, что именно последний имеется в виду в описании Фестом «квадратного Рима» (in Palatio ante

альное пространство (особенно его центр) нередко мостится или — чаще — покрывается теми или иными символами возрастающей силы, плодородия (шкура, шерсть, ткань, жертвенная трава, колосья, цветы, яйца, и т. п.; иногда — особое изображение[62]; на алтарь возлагается жертва, нередко символизирующая данное поселение (и соответствующий коллектив), Вселенную; к жертве обращаются с призывом увеличиться, возрасти, усилиться (ср. сочетание *bráhman* & *vṛdh-*, постоянное в ведийских ритуальных текстах и гимнах)[63].

templum Apollinis dicitur, ubi reposita sunt quae solent boni ominis gratia in urbe condenda adhiberi, quia saxo +minitus + est (= munita est?) initio in speciem quadratam, 310). См.: *Grenier A.* Les religions étrusque et romaine. — In: Les religions de l'Europe ancienne. Paris, 1948, p. 31—32; ср. также: *Piganiol A.* Les origines du Forum. — In: Mélanges de l'Ecole française de Rome. 1908, p. 232—282; *Labrousse M.* Le pomérium de la Rome impériale. — Ibid. 1937, p. 165—199; *Lugli G.* Roma antica. Il centro monumentale. Roma, 1946 и др. Исключительно интересно, что этот ров (очевидно, четырехчленный, так как он шел вокруг *Roma quadrata*) назывался, как и целое мира, вселенной, *mundus*, т. е. словом, восходящим к и.-е. **meu̯-* (**mu-n-d-*, см. выше), с которым связаны и значение 'сила' и значение 'четыре' (ср. анатолийские факты). Впрочем, по сути дела, этот факт не должен вызывать удивления, поскольку оба эти значения теснейшим образом связаны с основными характеристиками города или языковой формой его обозначения (ср., с одной стороны, обозначение города как крепости [: *крепкий*; ср. англ. *fortress* 'крепость' при лат. *fortis* 'крепкий', 'сильный', 'мощный', 'мощный', 'твердый', *fortitudo* 'крепость', 'сила', 'прочность' и т. п.] а с другой стороны, четвертичность, «квадратность» города, позже переносимую и на четырехчленные союзы городов или племен, ср. др.-греч. τετράπολις 'четырехградие' или галльск. *Petru-corii* и т. п.). В этой связи заслуживают внимания такие анатолийские названия города, как лув.-иерогл. *mini-*, лик. *meñña-*, м. б. хетт. **mina/i-* (ср. ^{LÚ}minalli-), см.: *Laroche E.*, *Güterbock H. G.* und *Otten H.* Keilschrifttexte aus Boghazköi. X. Berlin, 1960 (Bespr.). — OLZ 1962, стб. 30. — Правдоподобно мнение о связи этих обозначений города с и.-е. **mei̯-* 'укреплять' см.: *Neumann G.* Beiträge zum Lykischen V — Die Sprache 1974, Bd. 20, S. 112. — И.-е. комплекс **mei̯eu̯-*, привлекавшийся исследователями к объяснению разных анатолийских форм для '4', мог бы объяснить и связь обозначений '4', 'силы' и 'города' — 'мира' (**mei̯-n-*: **meu̯-* и т. п.).

62 Ср. аналогичное растягивание шкуры с целью освоения и усвоения себе земли в описании Вергилия: *Devenere locos, ubi nunc ingentia cernis | Moenia surgentemque novae Carthaginis arcem, | Mercatique solum, facti de nomine Byrsam, | Taurino quantum possent circumdare tergo* (Aen, I, 365—368). Ср. др.-греч. βύρσα при финикийском названии описываемого здесь города-укрепления *Borsa* (ср. другие объяснения для βύρσα). «Бесконечно растянуто по многим местам», — говорится в «Атхарваведе» (X, 8, 12); «Кто знает нить протянутую (sūtram vítatam), в которую вотканы эти потомки, нить нити кто знает, тот знает великого Бра́хмана» (X, 8, 37) и т. п.

63 Здесь уместно напомнить о постоянно повторяющемся мотиве четырехчленности Брахмана, четырехугольности алтаря (*vedi-*) и других ритуальных сооружений (напр., *prācīnavaṁśa* в ашвамедхе) и даже четверичности самой жертвы (ср. четырехкосую юницу [*catuṣkapardā yuvatīḥ*], украшенную, с умащенным жиром лицом, облекающуюся в жертвоприношения, предназначенную богам, ср. RV X, 114, 3). Мотив «четырех кос» имеет многочисленные ритуальные параллели; ср. прямоугольные (или круглые) эвенкийские шаманские ровдужные коврики-дэтур обычно с 4-мя

В этом контексте снова уместно обратиться к балтийским данным и прежде всего к лит. *máuti* и лтш. *maût*, принадлежащим к продолжениям и.-е. **meu̯-*, к которому было предложено относить и анат. **muu̯a-*, обозначающее с и л у и ее воплощения. Лит. *máuti*, действительно, обладает рядом значений, которые отмечались в связи с лат. *moveō* и его соответствиями; ср. 'спешить', 'быстро двигаться', 'толкнуть', 'ударить', 'стукнуть' и т. п. (LKŽ VII, с. 946—952), и в этом плане его отнесение к **meu̯-* несомненно. Но особенно показательны оригинальные для рефлексов **meu̯-* значения и прежде всего — 'надевать', 'напяливать', 'нанизывать', но и 'совлекать', 'стягивать', 'оттягивать' и т. п.[64], т. е. разные варианты соединения и разъединения, распространения и свертывания (ср. отмеченность соответствующих ритуальных действий). На основании подобных значений можно отношение анат. **muu̯a-* 'сила' и под.: лит. *máuti*, лтш. *maût* сопоставить с отношением слав. **sila* 'сила' (ср. лит. *síela* 'душа' (при хетт. *muu̯a-*, трактуемым как 'S e e l e nstoff'?), прус. *seilin*, *noseīlis* 'дух' и т. п.): лит. *siẽti* 'связывать', — причем *máuti* (*maût*) и *siẽti* (*sìet*) оказываются объединенными общей идеей с в я з ы в а н и я, установления контакта, которая обычно актуализируется в соответствующих ритуалах «связывания» (и «развязывания»). Собственно говоря, сила и является результатом этого связывания[65], сплетения, сцепления, соединения (= уменьшения); то же относится и к конкретным воплощениям силы, ее носителям[66].

плетеными веревочками-завязками (ведийские «4 косы», как обычно полагают, представляют собой такие же четыре веревочки); дэтур считаются «хранилищем для душ оленьего стада» и используются с целью р а з м н о ж е н и я оленей; вместе с тем, *дэтур* обозначает пространство в верховьях мифической реки, где, в частности, находится дух-покровитель. О других аналогиях (с подчеркиванием идеи ч е т в е р и ч н о с т и и семантикой силы—размножения) уже писалось раньше. Существенно и само ритуальное действие р а с с т и л а н и я, р а с т я г и в а н и я, р а с п р о с т р а н е н и я коврика или жертвенной подстилки.

[64] Ср.: Vienas m á u n a žiedus ant piršto, o kitas kailius ant kailmaučio; M á u n a ratą ant ašies; M a u k arklį, reik joti į miestą; M a u k nuo rankos pirštinėles и т. п. (LKŽ VII, 946); ср. характерное сочетание *kailį* (*skūrą*) *máuti* (в связи с цитируемым выше отрывком из Вергилия о ритуальном р а с т я г и в а н и и шкуры). — Ср. также лтш. *maût* 'надевать', 'натягивать', 'напяливать', 'насаживать' (ср. *iemauti*, *iemavi* при лит. *pamaũtas* 'хомут', 'недоуздок' и др.) и т. п. и часто идущее с ним параллельно *maukt* (ср.: m a u k t gredzenu pirkstā и т. п.). См. *Mühlenbach—Endzelin* II, S. 568, 570. Ряд балтийских именных образований так или иначе связаны с обозначением разного рода манипуляций или соответствующих устройств. Ср. лит. *rañktaustė* (*runkamauste* у Ширвида — 'Manipularz kapłański', 'Orarium manuale'), *rañkų ùžmova* 'муфта' (ср. *movẽti*, *mūvẽti* о ношении одежды) и др., но и лтш. *pamāve* и т. п.; ср. также ср.-н.-нем. *mouve* 'рукав'.

[65] Ср. др.-инд. *mávati* 'связывать', принадлежащее к тому же и.-е. **meu̯-*, но отмеченное только у лексикографов (Dhātupāṭha).

[66] Собрание примеров, иллюстрирующих эту связь между обозначением соединения и его образов (веревка, цепь и т. п.), с одной стороны, и потомства, рода, племени, членов общины и т. п. и занимаемого ими пространства — с другой, содержится в статье автора: Праславянское

Но балт. **mau-* обнаруживает связь не только с анат. **miyå-* через мотив силы, но и, возможно отсылает к техническому аспекту обозначения '4'. Пальцевый счет в самых разных традициях прибегает к обозначению четырех путем растопыривания (вытягивания и разведения врозь, вширь), «распяливания» четырех пальцев руки при том, что большой палец загибается или отводится (иначе говоря, прячется, скрывается, хотя бы символически)[67]. Эта техника могла бы получить довольно точное обозначение как раз при обращении к лит. *máuti*, лтш. *maût* с их семантической амбивалентностью (объ-ятие — изъ-ятие, о-хват — от-пуск и т. п. Можно напомнить, что образ четырки-растопырки или порознь четырки и растопырки выступает не только как стандартный фрагмент описания коровы (и других четвероногих) — ее ног и рогов — в загадках[68], но и как описание четырех пальцев, понимаемых как множество, образующее нечто целое и законченное (см. выше о противопоставлении четырех пальцев большому пальцу). В этом отношении выражение 'четырех' (= целого) с помощью четырех растопыренных пальцев, как бы указывающих меру видимого или невидимого покрова, растягиваемого на них (покрывающего их), и образующих поле силы, едва ли отделимо от описанной выше процедуры растягивания шкуры (обычно на шпеньках, колышках, гвоздях, ср. лат. *terminus*, хетт. *tarma-*), или обтягивания сакрального пространства вервью, цепью, имеющих в принципе ту же семантику возрастающей силы. Высказанное здесь предположение могло бы получить аргументы в свою пользу и в сугубой мифологичности четырех пальцев, иногда соотносимых с четырьмя братьями-стражами, каждый из которых охраняет одну из 4-х стран света. Подобно тому, как в горизонтальной структуре космологической схемы кроме 4 сторон (углов) выделяется центр (пятый), который впоследствии может обозначать не только самого себя, но и 4 стороны (угла) в целом (позднейшие пятиричные схемы, как правило, и возникают из этой суммы 4 + 1), — при пальцевом счете, помимо 4-х пальцев, выделяется и пятый палец — большой, который может тоже трактоваться как некая сумма четырех, выраженная единицей более высокого порядка, способной заменять собой четверку (4 + 1 как сумма всех пальцев руки, образ «большой руки»). Это членение объясняет (или соответствует) двоякий способ выражения 'четырех' в пальцевом счете: через сложение-соединение 4-х пальцев, когда синтезируется предельно «сильное» для данного числа элементов множество, или через вычитание одного пальца (большого) из пяти, когда 'четыре' получается путем уменьшения исходного

**vьrvь* и его продолжения. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области славянских языков., М., 1973, с. 119 и сл.

[67] Значительно менее распространен способ обозначения '4' с помощью соединения (сведения), стягивания (сближения вплотную) четырех пальцев.

[68] Ср.: Четыре четырки, две растопырки, седьмой вертун и разные варианты.

«пятипальцевого» множества (целого)[69]. Указанные две техники обозначения 'четырех' дают, как будто, намек на разрешение того парадоксального состояния, когда 'четыре' (в случае анат. **meu̯-*) семантически мотивируется и как 'уменьшение', 'малость' (см. выше о 'четырех' как 'малой руке' в связи с др.-греч. μείων, тох. B *maiwe* 'маленький' и другими продолжениями и.-е. **mei̯-* : **mi-neu̯-* : **mi-nu-* 'уменьшать', 'маленький'[70]), и как 'увеличение', 'множество', 'сила' (ср. анат. **muu̯a-* и другие продолжения и.-е. **meu̯-*, разобранные выше)[71]. Выбор мотивировки тем самым определялся бы точкой отсчета (5 — 1 = 4 или 1 + 1 + 1 + 1 = 4). Но в любом случае существенно: 1) что первый («увеличивающий») принцип архаичнее, что связано с предшествованием 'четверичной' системы счета 'пятиричной'; 2) что позже именно число 5 является ключевым звеном в трактовке соседних членов числового ряда — 4 обозначается как то, что меньше 5 на один счетный квант (та же рука, но уменьшенная, «малая»), а 6 — как то, что больше 5 на тот же квант (своего рода увеличенная, «большая» рука)[72]; 3) что семантические мотивировки, возникающие при продуцировании чисел на пальцевой «счетной машине» соотнесены с семантическими мотивировками элементов космологического пространства (частное следствие из этого — наличие «пальцевого» кода в языке космологических описаний)[73]. Некоторыми замечаниями

---

[69] Любопытно, что и это уменьшение могло бы в принципе выражаться продолжениями и.-е. **meu̯-*, ср. лит. *máuti* в значении 'снимать', 'совлекать', 'оттягивать' (см. выше) и соответственно движение отгибания, отъединения, отделения большого пальца от остальных при обозначении 'четырех' в пальцевом счете.

[70] Ср. лат. *minor*, *minus*, *minimus*; корн. *minow* 'уменьшать'; гот. *minnistr*, др.-в.-нем. *minnist*, др.-исл. *minnstr*; ст.-слав. мьн'ни; др.-греч. μινύθω; др.-инд. *mināti*, *minóti*, *mīyate* и т. п. См.: *Pokorny* I, 711. Стóит обратить внимание, что **meu̯-* с «увеличительной» семантикой соответствовал бы близкий ему по форме и реконструированный из примеров типа μινύ- и под. корень **mei-u̯-* : **meu̯-* (: **mi-n-u* : **mei-u̯*) с «уменьшительной» семантикой.

[71] Случаи, когда противопоставленные друг другу слова с общим значением 'большой' и 'малый' выражены сходными звуковыми комплексами и реализуют свою противопоставленность на некоем фонетическом минимуме (ср. μακρός : μικρός), встречаются нередко. Ряд примеров см.: *Иванов В. В.* Семантическая категория малости—величины в некоторых языках Африки и типологические параллели в других языках мира. — В кн.: Проблемы африканского языкознания. М., 1972, с. 50—95.

[72] См.: *Nehring A.* Idg. «sechs». — Die Sprache 1962, Bd. 8, S. 129—131 (отчасти — *Merlingen W.* Idg. χ. — Ibid. 1958, Bd. 4, S. 50, 67).

[73] Естественно, что в языках, не выработавших четверичной системы счета, отношения оказываются сдвинутыми. Так, в ряда архаичных языков значение 'много' ('сила') связывается с числами '3' и даже '2'. Осмысление этих случаев дано у Э. Кассирера. Он же отметил и любопытный случай лингвистической «относительности»: «Im Kiwai wird dasselbe Wort (*potoro*), das zur Bezeichnung des Trials dient, auch für 4 angewandt: seine Bedeutung ist daher warscheinlich 'wenige', während jede Zahl über 3 durch *sirio* 'viele' widergegeben wird». *Cassi-*

о космологической укорененности числовых обозначений уместно заключить эту статью.

Не приходится доказывать, что ядро древнейшей достижимой для реконструкции индоевропейской системы счета составляют 2, 3, 4 (1 и 5, 6, 7 и т. д. в этом смысле к ядру не относятся), и особый статут этих чисел в древних индоевропейских языках и в целом ряде современных (особенно четко в славянских и балтийских) объясняется именно этой их принадлежностью к архаичному слою. Чрезвычайно характерно, что как раз эти числа играют исключительную роль в мифопоэтической космологии, а их языковая форма глубочайшим образом связана с реалиями космологической картины мира. Здесь об этом может быть сказано лишь в самом общем виде. Уже ранее были проанализированы архаичные тексты разных традиций, представляющие собой своего рода «числовые» загадки на космологические темы (типа ведийских *brahmodya*). Их схема достаточно диагностична: Что есть два? — Небо и Земля. — Что есть три? — Верхний, Средний и Нижний миры. — Что есть четыре? — Четыре стороны света[74]. Еще более удивителен языковой аспект связи обозначений этих числительных с космологическими образами. Уже давно было обращено внимание на то, что армянское обозначение неба и земли (*erkin* и *erkir*) соотносятся со словом для '2' — *erku*, восходящим к и.-е. **duu̯ō*. Недавно был еще раз сформулирован сам принцип подобного названия — «обозначение видимого мира как единства двух твердей земли и неба»[75]. Если напомнить, что один из самых частых образов исходной ситуации перед началом творения — слитые (спаянные) воедино Небо и Земля (например, в варианте Небо—Отец и Земля—Мать), т. е. начальная космическая двоица (своего рода спорыш—двойчатка, с которым связываются представления об особой творческой плодоносной силе), то можно высказать предположение, что именно такие двуединства, соотнесенные друг с другом члены пары, и послужили самой общей моделью двоичности вообще и источником семантической мотивировки языковых обозначений числа '2'[76]. В ряде

---

rer E. Philosophie der symbolischen Formen. 1. Teil. Berlin. 1923, S. 201, ср. также S. 180 и сл. Вместе с тем известны и другие варианты сдвинутости; ср. образ «большой сотни» (или тысячи). См. о ней *Sommer F.* Zum Zahlwort. München. 1951, S. 64—69.

[74] При значительном единстве ответов на эти три вопроса поражает разнообразие и явно поздний характер ответов на вопросы, что есть один, пять, шесть, семь и т. п. Тем более важно, что доля «космологических» элементов в этих последних ответах резко падает, а чаще всего исчезает полностью. Стóит также заметить, что и языковая форма этих чисел независима от космологических образов.

[75] См.: ЭССЯ 5, 174—175. Здесь же ряд других интересных интерпретаций.

[76] Речь не идет, естественно, о том, что армянский пример первичен и что на его основании можно утверждать нечто вроде: **duu̯-* 'Небо и Земля' → **duu̯-* '2'. В данном случае, особенно имея в виду многократную переслоенность подобных примеров, важно постулирование самого

недавних работ, посвященных семантике троичности, было показано, что мифопоэтические представления о 'трех' полнее всего реализуются в архаичных схемах, приуроченных к вертикальной оси мироздания, конкретнее — к сюжетам и мотивам связи трех космических зон между собой. Т. наз. «Третий» как раз и есть тот мифологический герой, кто прошел все три царства и нашел путь к преодолению смерти. И.-е. **ter-*, кодирующее эти мотивы проникания—преодоления—победы (превосходства, освобождения), если говорить в общем плане, может быть соотнесено с и.-е. **ter-* : **trei̯-* 'три'. Сходная схема, но актуализируемая прежде всего в описаниях горизонтальной оси Космоса, может быть предложена и в связи с числом '4', для иллюстрации чего удобнее всего остановиться на другой, более распространенной форме этого числа — и.-е. **kʷetur-*. Но сначала уместно напомнить типологически распространенную цепь развития тех языковых элементов, которые в конце концов становятся числительными. Следуя наиболее авторитетным исследованиям в области архаичных систем числительных [77], можно наметить следующие основные этапы в семантической эволюции элемента *X* (в данном случае, обозначения для «пра-четырех», т. е. источника более позднего и.-е. **kʷetur-* '4'): 1) *X* обозначает нечто вполне конкретное, но непременно четырехугольное (четырехстороннее), напр., дощечку соответствующей формы (значение *X* для этой стадии именно — 'дощечка'); 2) *X* начинает обозначать не столько дощечку, сколько четырехугольную (четырехстороннюю) форму (этому мог предшествовать этап, когда *X*, букв. — 'дощечка', в переносном употреблении обозначало другие «дощечкообразные», т. е. тоже четырехугольные предметы; на этом этапе, собственно, и консолидировалось признаковое значение, получившее постепенно перевес над конкретным); 3) признаково-конкретное значение *X* ('четырехугольный') претерпевает расслоение; связь с конкретным объектом (углом/стороной) разрывается, и признак становится эмансипированным, независимым, получая возможность сочетаться с любым (в принципе) счетным объектом. На этом этапе элемент *X* обретает статус числительного (разумеется, при учете контекста всего числового ряда), и именно в этот момент, когда *X* означает 'четыре' и только 'четыре' и разрывает актуальную связь с другими словами нечислительными, обозначающими объекты или признаки, возникают проблемы этимологии слова для '4' (каждое из исторически пройденных значений *X* может в такой ситуации, если только эти значения не полностью исчезли

принципа, определяющего источник мотивации названия чисел. Также не следует настаивать конкретно на двоице 'Небо — Земля', хотя, как показывает армянский язык, сама связь между числом '2' и обозначениями Неба и Земли может репродуцироваться в ходе развития языка неоднократно.

[77] Особо следует выделить, помимо ранее отмеченных исследований, книгу: *Крейнович Е. А.* Гиляцкие числительные. Л. 1932.

в словах, которые еще сохраняют формальную связь с X, претендовать на то, чтобы быть семантической мотивировкой обозначения '4'). Наличие в латинском этимологически связанных друг с другом слов *quattuor* '4' и *quadruus* 'четырехугольный', *quadratus* 'четырехугольный', 'четырехгранный' в свете сказанного дает основание для предположения (опять-таки с теми же ограничениями, что были высказаны выше, сн. 76, что источник и.-е. **kᵘetur-* обозначал не только и н е с т о л ь к о 'четыре', но и 'квадрат', 'четырехугольник', 'четырехугольное', возможно, предметы, для которых четверичность была важным признаком, или даже самое т е х н и к у получения «четырехугольного» (например как в случае анат. **muu̯a-* : лит. *máuti* и т. п., равномерное распространение во все стороны по отношению к центру, расширение, распластывание, растопыривание или, напротив, сужение, ограничение, отбрасывание лишнего, см. выше). В принципе каждое из последующих в этой цепи значений старше, чем '4': 'квадрат' старше, чем '4'; значение, относящееся к технике получения квадрата, старше, чем 'квадрат' и т. п. По аналогии с лат. *quadratus* (*quadruus*), которое может описывать важнейший параметр пространства, некий идеальный признак его (ср. и сугубо «эстетические» значения: 'пропорциональный', 'соразмерный', 'стройный', 'складный', 'завершенный' и т. п.[78]), можно предположить, что и предшественник и.-е. **kᵘetur-* мог обозначать горизонтальную структуру космологической схемы, основанную на р а с п р о с т р а н е н и и (: *простра́нство*) по четырем основным направлениям из мыслимого центра, обозначаемого вертикальной осью[79]. Характерно, что «положительная» семантика лат. *quadratus* и, возможно, его и.-е. источников перекликается с аналогичной семантикой анат. **meu̯-* '4' : **muu̯a-*, но в первом случае особенно наглядно выступает аспект устойчивости, солидности, надежности, гарантированности — в резком противоречии с «положительной» семантикой числа '3', где она всегда выступает в контексте риска, случая, готовности не только к неожиданностям, но и к жертве вплоть до смерти.

---

[78] Ср. поздний математический образ числа в к в а д р а т е (x^2), т. е. умноженного само на себя, как максимальное увеличение своего значения (силы) в пределах предусмотренных возможностей. К семантике квадрата в мифопоэтических представлениях см.: Мифы народов мира, т. 1. м., 1980, s. v. *Квадрат*.

[79] Потребовалось бы больше усилий для того, чтобы дать ответ о характере связи между и.-е. **kᵘetur* (лит. *keturì* '4' и т. п.) и такими лексемами, как лит. *kėtóti* 'развертывать', 'разворачивать', 'расставлять', 'раздвигать' (но и 'махать', 'разводить' [руками]!; ср.: Jis kalbėjo, o aš tik rankas k ė t o j a u), *kė̃sti* (*kečiù*, **ket-*), *skė̃sti* (ср. *skė̃sti pirštus* 'растопыривать [расставлять] пальцы' или *skė̃sti rankas*) или слав. **četa*, **četati sę* и даже **čislo*, **čisti* и т. п. (**kei̯t-* : **kĭt-*).

А. Е. Аникин

ОБ И.-Е. *$p\underset{\circ}{l}g'h(\bar{e})$-

Данная заметка содержит несколько дополнительных замечаний к соображениям, уже предлагавшимся нами ранее (отчасти вслед за Э. Леви, Н. Ван-Вейком и Х. Стангом)[1].

Из индоевропейских форм, реконструкция которых допустима на основе сближения праслав. **pelz-*, **polz-*, **pьlz-*[2] 'ползти, скользить', прагерм. **fulgē-* 'следовать', бритт. **olg(os)* 'след, идти по следу', представляет особый интерес вариант с нулевой ступенью огласовки и показателем *-ē-*, т. е. **p̥lg'hē-*[3], отраженный как в германском (прагерм. **fulgē-* < и.-е. **p̥lg'hē-*[4]), так и в славянском, ср. ст.-слав. плъзѣти, словен. *polzēti*, чеш. *plzeti*, с.-хорв. *puzeti*[5] (праслав. **pьlzěti*). В этом и.-е. **p̥lg'hē-* допустимо видеть архаичный тип перфекта (ср. слав. **bojati sę*, **gorěti*, **polěti* и др., в которых усматривают отражение перфекта с *-o-* огласовкой)[6]. Важно отметить формальное сходство и.-е. **p̥lg'hē-* и семантически близких форм: и.-е. **sloidho-* (от глагола с перфектной огласовкой *-o-* и расширителем *-dh-*, ср. хорошо доказанное положение о функциональной близости формантов *-ē-* и *dh-*[7]), откуда праслав. **slědъ* 'след', а также medium tantum **šekᵘ̯-* 'следовать' (ср. лат. *sequor*, греч. ἕπομαι и др.)[8]. Общим для всех указанных образований оказывается их формальная соотнесенность с индоевропейской диатезой инактива (состояния).

---

[1] См.: *Аникин А. Е.* О праслав. **pelz-* / **polz-* / **pъlz-*. — В кн.: Этимология 1980. М., 1982, с. 41—49. Во избежание повторений, библиографические и некоторые другие сведения, приводимые в указанной публикации, будут ниже, за небольшим исключением, опущены.

[2] Реконструкция **pьlz-* кажется более предпочтительной, чем **pъlz-*.

[3] Некоторые данные позволяют предположить для отдельных форм, близких к **p̥lg'hē-* (например, **p̥lg'h-*), мену *-g'h-* : *gh-*, см. ниже.

[4] К реконструкции прагерм. **fulgē-* см.: *Antonsen E. H.* The Proto-Germanic Syllabics (vowels). — In: Toward a Grammar of Proto-Germanic. Tübingen, 1972, p. 135; о германских глаголах на *-ē-* см. в последнее время: *Dishington J.* Functions of the germanic *-ē-* verbs: A clue to their formal prehistory. — Language, 1976, v. 52, 4, p. 851—865.

[5] RJA XII, с. 815 приводит данную форму без акцента.

[6] Об индоевропейских типах перфекта в соотношении со славянскими и германскими данными см.: *Kuryłowicz J.* The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, p. 82 или еще: *Aitzetmüller R.* Slav. *iměti* und das idg. Perfekt. — Die Sprache, 1962, Bd. 8, S. 250—262 (*iměti* — индоевропейский тип перфекта с нулем в корне и *-ē-*), в последнее время особенно: *Перельмутер И. А.* Общеиндоевропейский и греческий глагол. Л., 1977.

[7] См.: *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, с. 227.

[8] Отклонения от медиальной флексии (разумеется, оставляя в стороне лит. *sekù* и др.) немногочисленны и объясняются без труда, см.: *Flobert P.* Recherches sur les verbes déponents latins. Thèse presentée devant l'Université de Paris, IV. Paris, 1975, I, p. 108—109.

Сведения, касающиеся некоторых продолжений и.-е. **sekᵘ̯-* 'следовать', позволяют уточнить семантику прагерм. **fulgē-*, а вместе с тем и внести коррективы в предлагавшуюся автором ранее мотивировку связи значений славянских и германских продолжений и.-е. **pl̥g'hē-* или вариантов этой формы. Мы имеем в виду определение семантики лат. *sequor* 'следовать' как 'вовлекаться в движение в соответствии с полученным импульсом'[9]. Сюда примыкает утверждение, в соответствии с которым *sequor* «говорится об объекте, который легко принимает задаваемое ему направление движения»[10], ср. *Varro*, RR 1.47: *Herbae . . . celerius rumpuntur quam sequuntur* 'травы скорее ломаются, чем выдергиваются (собственно, 'следуют' движению выдергивающей их руки, *sequuntur*)[11]. Сказанное дает возможность реконструировать промежуточное звено между и.-е. **pl̥g'hē-* и прагерм. **fulgē-* 'следовать' приблизительно как '(сползая или соскальзывая), вовлекаться в движение в соответствии с полученным импульсом'[12] (> 'следовать' в различных вариантах этого значения: 'двигаться вслед, вместе с кем', 'сопровождать', 'преследовать' и др.), ср. контекст, подтверждающий данную реконструкцию и обнаруживающий пример нейтрализации семантики славянских и германских продолжений и.-е. **pl̥g'hē-*: *Ásmundr strauk bakit á hrossinu, ok fylgði þar húðin* 'Асмунд погладил лошадь по спине, и шкура (scil., подрезанная из озорства Греттиром) сползла (собственно, «последовала», *fylgði*, 3 л. ед. ч. прош. вр. от *fylgja* 'следовать' < прагерм. **fulgē-*) под его рукой'[13]. Сходным образом может быть реконструировано и связующее звено между прус. *rīpaiti* 'folget', *rīpintinion*, *rīpintin*, *serrīpimai* 'wir erfahren'[14] (данные формы

---

[9] *Benveniste E.* Vocabulaire des institutions indo-européennes, I. Paris, 1969, p. 156. Лат. *sequor* определяется как коррелятив *ducō* 'mener selon une ligne établie'.

[10] *Ernout-Meillet*[3], p. 1087.

[11] Ср. еще показательный пример употребления греч. ἕπομαι (Il. 3. 376.): κεινὴ δὲ τρυφάλεια ἅμ' ἕσπετο χειρί. . . 'пустой шлем последовал за рукой (Менелая). . .' (scil., после того как Афродита разорвала ремень, удерживавший шлем на голове Париса).

[12] Такое определение, как будто, подразумевает для более раннего состояния не 'ползти' или 'скользить', а нечто вроде 'соскальзывать', 'сползать', ср. 'sich gleiten lassen' как объяснение семантики 'kriechen' ряда балтийских слов в работе *Jēgers B.* Verkannte Bedeutungsverwandtschaften baltischer Wörter. — KZ, 1966, Bd. 80, S. 53.

[13] Grettis saga Ásmundarsonar, Guðni Jónsson gaf út. Reykjavík, 1936 (Íslenzk fornrit 7, с. 252), русский перевод см.: Сага о Греттире. Изд. подготовили О. А. Смирницкая и М. Н. Стеблин-Каменский. Новосибирск, 1976, с. 22. Ср. еще Vǫlsunga saga, cap. 7: Сигню, желая проверить стойкость Синфьетли, пришивает ему к рукам рукава одежды, а затем сдирает с него эту одежду, так что кожа «последовала» (ср. *fylgði*) за рукавами: *Hon fló hann þá af kyrtlinum svá at skinnit fylgði ermunum*, см. The Saga of the Volsungs. Ed. and transl. by R. G. Finch. London-Edinburgh, 1965, p. 10.

[14] О прусских формах см.: *Trautmann R.* Die Altpreussischen Sprachdenkmäler, II. Göttingen, 1910, S. 416, 425. Приводимое Траутманом *rīpintinton* (ср . . . . *rīpintinton madlin* . . . 'folgende Gebet. . .') исправляется на

удобно обозначить реконструкцией *$r\bar{\imath}pt$*, см. ниже о прус. *rapa* у А. Беценбергера) и и.-е. *$r\bar{e}p$*- 'ползти' (лат. *rēpere*, лтш. *rãpt*, *rãpât*, лит. *rėplióti*, *roplóti* и др.[15]. При этом стоит коснуться высказанной в свое время А. Беценбергером идеи о взаимосвязи проблем происхождения др.-исл. *fylgja* 'Schutzgeist', 'дух-двойник', традиционно связываемого с др.-исл. *fylgja* 'следовать' (< прагерм. **fulgē-*) и одного из прусских названий ангела, *rapa*[16] (Эльбингский словарь, 2). В соответствии с предположением А. Беценбергера, согласующимся с другими примерами балтийско-скандинавских языковых и мифологических схождений[17], прус. *rapa* находится в таком же отношении к прус. **rīpt* 'следовать', в каком др.-исл. *fylgja* 'Schutzgeist' находится к др.-исл. *fylgja* 'следовать'. Отметим, что *fylgja* 'Schutzgeist' представляет производное на *-jōn* (femin.)[18], обычно рассматриваемое как nomen agentis от упомянутого глагола[19]. Привлечение предполагаемых этимологических связей прагерм. **fulgē-* (слав. **pьlzěti* и др.) и прус. **rīpt* (лит. *rėplióti*, лтш. *rãpt*, лат. *rēpere* и др.), как будто, развивает пропорцию А. Беценбергера, создавая ей перспективу, в которой находит себе место и предлагавшееся А. Брюкнером сближение прус. *rapa* с лтш. *rãpt* 'ползти', лтш. *rãpainis*, *rãpucis* 'ein Knirps, ползающий ребенок'[20], обычно противопоставляемое объяснению А. Беценбергера.

---

rīpintinion, см.: *Endzelīns J.* Senprūšu valoda. Rīgā, 1943, с. 239—240, а также: *Stang Ch. S.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo—Bergen — Tromsø, 1966, S. 28.

[15] *Pokorny* I, S. 285. Здесь же приводится без указания мотивировки прус. *rīpaiti* 'folget'.

[16] Последнее известное нам обращение к проблеме *rapa* см.: *Endzelīns J.* Op. cit., с. 238. Здесь же см. относительно излагаемых ниже точек зрения А. Брюкнера и А. Беценбергера. О привлекаемом Брюкнером прус. *rapeno* см. теперь: *Sabaliauskas A.* Dėl pr. *rapeno* 'jauna kumelė' kilmės. — Baltistica, 1968, 4, с. 95.

[17] Об этом см.: *Топоров В. Н.* К балтийско-скандинавским мифологическим связям. — In: Donum Balticum. To prof. Ch. S. Stang on the occasion of His 70th birthday. Stockholm, 1970, с. 534—543. В ареальном плане интересна руническая надпись *fylgja* («Runeninschrift auf einem Tonköpfchen aus Hinterpommern»), см.: *Baetke W.* Die Religion der Germanen in Quellenzeugnissen. F. am Main, 1938, S. 106.

[18] *Kluge F.* Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 3 Aufl. Halle (Saale) 1926, S. 22.

[19] Сближение *fylgja* 'Schutzgeist' и омонимичного *fylgja* 'послед' с др.-исл. *fulga* 'Haut, Decke' и родственными формами (см. ниже литературу о *fylgja* 'Schutzgeist' с соответствующими библиографическими указаниями) кажется менее вероятным.

[20] Вряд ли приемлема данная А. Брюкнером мотивировка этого сближения (представление ангела в образе ребенка в христианском искусстве), которую, как и соображения Брюкнера относительно невозможности обозначения христианского понятия словом, обозначавшим прусское мифологическое существо (см.: *Brückner A.* Preussisch und Polnisch. — AfslPh, 1898, Bd. 20, H. 4, S. 512), можно заподозрить в недооценке балтийских фактов. Именно сведения, касающиеся *fylgja*, дают примеры легкости, с которой взаимодействовали соответствующие христианские и языческие представления (ср. особенно *fylgjuengill* в «Саге

Такие славянские названия огреха при вспашке, как словен. *plaz*, *plaza*, *oplaz*, чеш. диал. *oplaz*, с.-хорв. *oplaz*[21], представляют интерес в том плане, что лежащие в их основе праслав. **polzъ*, **polza*, **obpolzъ* могут интерпретироваться как термины третьей социальной функции (по Ж. Дюмезилю), а именно, как обозначения неверного, ошибочного выполнения действий, связанных с земледелием[22]. Обращает на себя внимание существенный параллелизм отношений бритт. **olgos* 'след', прагерм. **fulgē-* 'следовать': праслав. **polzъ*, **obpolzъ*, **polza* (как термины третьей социальной функции), с одной стороны, и праслав. **slědъ* 'след'[23]: др.-инд. *sridh-* (как термин, обозначающий неверное выполнение первой (жреческой) функции, «mal rituel, échec dans le sacrifice», ср. RV. 1. 48. 8; 5. 80. 3 и проч.[24]) — с другой. Интересна оппозиция праслав. **rězъ* (в значении режущего инструмента, в частности, ножа плуга): праслав. **polzъ* (как обозначения скользящей в борозде части плуга, подошвы, ср. болг. *плаз*, чеш. *plaz* и др.[25]), ср. особенно болг. *плаз*: *ряз* в соответствующих значениях[26].

о Ньяле», гл. 100), см.: *de Vries J.* Altgermanische Religionsgeschichte, Bd. I. Berlin, 1956, S. 228.

[21] *Machek*², с. 456.

[22] Ср. еще фразеологию вроде польск. *ujść*, *puścić płazem* 'оставить безнаказанным', 'смотреть сквозь пальцы (например, на нарушения правопорядка)'. Отметим, что оставление поверхностной борозды при вспашке (ср. словен. *na oplaz orana njiva* = *orana tako da ni znati leh*, *Pleteršnik*, II, S. 558) соответствует оставлению плохого потомства (плохого «следа», о схеме 'след' ~ 'потомство' см. упоминавшуюся работу автора, с. 45—46), ср. известную схему 'вспашка' ~ 'зачатие' (см. особенно: *Pisani V.* La donna a la terra. — In: Saggi di Linguistica storica. Torino, 1959, с. 261—278). Праславянское слово, к которому восходит разбиравшееся автором болг. *плезмина* 'потомство', обозначало, видимо, именно плохой след, плохое потомство.

[23] Формально близкие балтийские образования, обнаруживающие значение 'след' или близкие к нему, не вполне ясны в этимологическом плане, ср. лтш. *slêde* 'der Gang, die Spur', лтш. *sliêde* 'die Spur, das Geleise' (ср. об этих формах *Mūlenbachs-Endzelīns* 33, с. 927, 937). О прус. *slidenikis* 'Leithund' см.: *Sabaliauskas A.* Baltų kalbų naminių gyvulių pavadinimai. — В кн.: Baltų ir slavų kalbų ryšiai (= Lietuvių kalbotyros klausimai X). Vilnius, 1968, с. 111.

[24] См.: *Renou L.* Études védiques et pāṇinéennes, t. III. Paris, 1957, p. 22, а также IV, p. 13 и др. Указанный параллелизм можно было бы рассматривать как косвенный аргумент в пользу связи др.-инд. *sridh-*, *srēdhati* и и.-е. **slidh-*, **sloidh-* (> праслав. **slědъ*), о которой иногда говорят с некоторой долей сомнения.

[25] Ср. еще польск. *płaz* 'nie kant, nie ostrze' (*uderzyć płazem* 'ударить плашмя'), *płaza* то же, ср. *miecz . . . płazą się wywrócił*, см. Варшавский словарь IV, с. 256.

[26] Обращают на себя внимание фрагменты Od. 8. 46—47, 104—111, где греч. ἕπομαι (< **sekᵘ-*) описывает следование (скиптроносцев, народа) за царем. Вполне возможно, что и прагерм. **fulgē-* могло обозначать, кроме прочего, 'следование' такого же рода, в том числе в военных построениях, например, построении «клином» (*cuneus*), «свиньей» (ср. *svînfylking* 'acies porcina', *svînfylkja* 'aciem porcinam struere'). Схема 'царь' : 'cuneus, двигающийся вслед (**fulgē-*) за царем', если она приемлема, любопытным образом соотносилась бы с упомянутой оппози-

Любопытно польск. *pełgnąć* 'загореться (например, о доме)' (ср. *lud zjątrzony zapala zamek, pełgną dachy, sosny*), 'гореть от стыда' (ср. *pełgnąć wstydem*)[27], которое мы возводим к праслав. **pьlgnǫti* (как варианту **pьlznǫti*). Кажется наиболее естественным предположить для **pьlgnǫti* (как и для **pьlznǫti*) исходное значение типа 'скользнуть, сползти' (ср. **pьlzati* 'ползать'). Ориентируясь на семантические связи, выступающие в рус. *красть, что плохо лежит*[28] (ср. возможность понимания «плохо лежащего» как способного скользнуть, сползти), значение 'гореть, загораться' у польск. *pełgnąć*[29] можно попытаться осмыслить как один из ряда примеров представления или обозначения огня по принципу 'Dieb', 'вор'. Примеры такого рода целесообразно приводить, имея в виду характерное для славянской и некоторых других индоевропейских традиций противопоставление двух видов воровства, а именно, 'furtum' : 'rapina', т. е., собственно, 'воровство' (скрытое похищение) : 'грабеж' (явное присвоение, захват)[30]. Праслав. **pьlgnǫti*, видимо, соотносимо (разумеется, условно) скорее со вторым членом данной оппозиции, ср. к польск. *pełgnąć* рус. *на воре шапка горит*. Сюда же можно отнести, например, представление огня, имеющее место в кеннинге *húsþjófr* 'Dieb'[31], 'house-breaker'.

цией слав. *rězъ: **polzъ*, ср. связь **rězъ*, **rězati* с и.-е. **rēg'*- (> др.-инд. *rājan*-, лат. *rex* 'царь' и др.) и возможное родство **polzъ*: прагерм. **fulgē*-. О названиях царя в германском см.: *Meid W.* Die Königsbezeichnung in den germanischen Sprachen. — Die Sprache, 1966, Bd. 12, H. 2, S. 187.

[27] См. Варшавский словарь IV, с. 105. Вряд ли стоит подвергать сомнению родство *pełgnąć*, а также *pełgać* («o pełgającym, migocącym ogniu», см. *Brückner*, с. 402) и слав. **pьlznǫti*, **pьlzati* (ср. польск. *pełznąć* в значении 'spalać się w mgnieniu oka', Варшавский словарь IV, с. 109), относительно мены *z* : *g* ср., например, отношение польск. *pełzać*, *pełgać*: моравск. *plhat se* 'ползать (по стене)' (*Machek*², с. 456). В то же время В. А. Меркулова любезно указала автору на иную возможность объяснения польск. *pełgnąć* (кажущуюся нам менее вероятной), а именно, в связи с и.-е. **sp(h)elg*-, **(s)p(h)leng*-, ср. лтш. *spulguôt* 'glänzen, funkeln' и проч., см. *Pokorny* I, S. 987. Автор пользуется случаем выразить признательность В. А. Меркуловой и Ж. Ж. Варбот за существенные критические замечания в адрес настоящей заметки.

[28] Об этом выражении см. специально: *Трубачев О. Н.* Реконструкция слов и их значений. — ВЯ, 1980, № 3, с. 8.

[29] Примеры, обнаруживающие связь идей ползания и огня и в этом отношении отчасти сходные с польск. *pełgnąć*, *pełgać*, могут быть указаны и для и.-е. **rēp*-, ср. лат. *rēpere* в сочетании с sacer ignis 'священный огонь', 'erysipelas' (*Lucr.* De rer. nat. 6. 660—661).

[30] См. подробнее об этом противопоставлении: *Топоров В. Н.* Рец. на кн.: Indo-European and Indoeuropeans. Papers Presented at the Third Indo-european Conference at the University of Pennsylvania. — IJSLP, 1974/1975, 21, с. 78—79. Здесь же см. и относительно упоминаемой ниже фразеологии типа лат. *nocte latent fures*.

[31] См.: *Meissner R.* Kenningar der Skalden. Bonn und Leipzig, 1921, S. 101 (ср. еще в немецких загадках об огне: *Bin ich am Dache, so heiß ich ein Dieb...*). В связи с приводимым здесь же сходным кеннингом огня, *markar meinþjófr* 'schädigendes Dieb,' 'thief of woods', нужно вспомнить упоминаемого Преториусом («Deliciae prussicae») духа огня

Из возможных представлений огня как вора в связи с первым членом оппозиции '*furtum*' : '*rapina*', кажется, допустимо указать сравнения с вором Агни (например, RV. 5. 15. 5 *padám ná tāyúr gúhā dadhānaḥ*. 'Ты, Агни, как вор таишь свой след'[32], ср. еще 1. 65. 1—2; 6. 12. 5), которые необходимо рассматривать в контексте представлений об Агни, укрывающемся, прячущемся от выполнения ритуальных обязанностей[33]. Возможно, стоит упомянуть в данной связи об ассоциирующихся, по крайней мере, вторично, с идеей огня, мирового пожара представлениях о Муспеле (др.-в.-нем. *Muspilli*, др.-сакс. *mūtspelli*, др.-исл. *Múspell*) в древнегерманской эсхатологии[34], точнее, о фрагменте *mūtspelli cumit an thiustrea naht, al sō thiof ferið* 'Муспель идет во тьме ночи как вор' (Hēliand 4358)[35], близко подводящем к параллельной фразеологии слав. тать въ нощи и лат. *nocte latent fures* (Катулл).

Оборот *pełgnąć wstydem* допустимо сопоставить с бытовавшим у римлян воззрением на покраснение от стыда как на знак со стороны гения (лат. *genius*), т. е. особого духа, локализовавшегося в голове человека. В основе этого воззрения, как и в основе представлений о гении вообще, видимо, лежала идея процессов, осуществляющихся помимо воли человека (сюда относятся, кроме стыда, например, чихание, кашель, сексуальное возбуждение)[36]. Возможно, что и праслав. **pьlgnǫti* могло иметь значение 'гореть от стыда'. В этой связи любопытен тот факт, что для представлений о мифологическом персонаже, обозначавшемся др.-исл. *fylgja* 'Schutzgeist' (см. об этом слове выше), как

(«*Feuerengel*») у западных балтов, а точнее, его способность причинять вред (ср. *dass er keinen Schaden thun möge*), см.: *Mannhardt W.* Letto-Preussische Götterlehre. Rīgā, 1936, S. 552.

[32] К мотиву укрывания следа вором ср. дигорскую пословицу *къæрнæх лæг — æвæстаг* 'у вора не бывает потомства' (см.: Осетинские (дигорские) народные изречения. М., 1980, с. 40), в основе которой, видимо, лежит тот же образ вора, скрывающего свой след (ср. осет. *ævæd* 'бесследный, не имеющий потомства'). О схеме 'след' ∾ 'потомство' см. упоминавшуюся работу автора в кн.: Этимология 1980, М., 1982, с. 45—46.

[33] См., в частности; *Hillebrandt A.* Vedische Mythologie I. Breslau, 1927, S. 149 и др.; *Schröder L. v.* Mysterium und Mimis im Rigveda. Amsterdam, 1974 (2 Aufl.), S. 183 и след.

[34] О Муспеле см., в частности: *Braune W.* Altdeutsches Lesebuch. Halle, 1921 (8 Aufl.), S. 82—84.

[35] Специально о данном фрагменте (наряду с другими сведениями о Муспеле) см.: *de Vries J.* Op. cit., Bd. II, S. 92—94.

[36] См.: *Onians R. B.* The origins of european thought about the body, the mind, the soul, the world, the time and fate. New Interpretations of Greek, Roman and kindred evidence also of some basic Jewish and Christian beliefs. Cambridge, 1954, p. 147 и след. (с. 154 и далее см. о возможных германских и других параллелях). Здесь же, с. 127 и след. приводятся подробные сведения относительно указанного персонажа римской мифологии (*genius*), см. еще: *Pauly-Wissowa*, Zweite Reihe, 13 Hbd., col. 1155 и далее,

и для представлений о *genius*[37], допустимо предположить связь с идеей определенных «неволевых» процессов. Мы имеем в виду, в частности, такое существенное свойство «духа-двойника», как способность вызывать сонливость и усыплять[38], что сопоставимо с дремотой, «неволевым» засыпанием, обозначаемым вторым членом установленной для индоевропейского оппозиции двух видов сна, засыпания, и.-е. **swep-* («волевое» действие, ср. слав. **sъpati*): и.-е. **der-* ('s'endormir involontairement', «неволевое» действие, ср. слав. **drěmati*)[39]. При этом, по всей видимости, сонливость трудно отделима от зевания, ср. эпизод в «Саге о Ньяле», гл. 12, когда Сван стал сильно зевать при виде *fylgjur* Освивра[40]. Возможно, фонетическая допустимость сравнения праслав. **pьlgnǫti* (из и.-е. **pḷgh-*, варианта **pḷg'h(ē)-*) и др.-исл. *fylgja* 'Schutzgeist' не случайна (при всей проблематичности этого сравнения), хотя, разумеется, наиболее надежным ориентиром при объяснении последнего слова является связь с др.-исл. *fylgja* 'следовать', возможную параллель к которой представляет связь прус. *rapa* с прус. *rīpaiti* 'folget' и др., см. выше.

Обращает на себя внимание существенное сходство рассматриваемого и.-е. **pḷg'h(ē)-* или его возможных вариантов и одной из реконструкций индоевропейского названия селезенки, а именно, **spḷg'hen-*[41], видимо, лежащего, в частности, в основе слав. **sьlezena* (< **spьlzen-* < **spḷg'hen-*[42]). Начальное *s-* в названии

---

[37] Сравнение *fylgja* 'Schutzgeist' с *genius* см. например: *de Vries J.* Op. cit., Bd. I, S. 227. Отметим, что облик зооморфного существа или исполинской женщины (*fylgjukona*, *kynfylgja*), принимаемый «духом-двойником», вероятно, является результатом вторичной эволюции соответствующих представлений.

[38] См.: *Hoops J.* Reallexikon der germanischen Altertumskunde, Bd. II. Straßburg, 1911, S. 108 (E. Mogk). Подробнее о *fylgja* как мифологическом персонаже см., в частности: *de Vries J.* Op. cit., Bd. I, S. 222—228; *Turville-Petre E. O. G.* Myth and Religion of the North. The religion of the Ancient Scandinavia. 1964, London, p. 227—230; *Ström F.* Nordisk hedendom. Lund, 1967, c. 195—196, 206 (в указанных работах см. также сведения этимологического характера).

[39] См.: *Benveniste E.* Un fait de supplétisme lexical en indo-européen. — In: Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie. J. Pokorny zum 80 Geburtstag gewidmet. Innsbruck, 1967, p. 11—12. — О дремоте см. еще: *Onians R. B.* Op. cit., p. 104, («nodding» also may have been interpreted as activity of the ψυχή»).

[40] Ср. отмечаемую для разных традиций близость представлений о зевании и чихании (относительно последнего см. выше о *genius*), см. об этом, помимо других ценных сведений: Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Hrsg. von E. Hoffmann-Krayer und H. Bächtold-Stäubli, Bd. III. Berlin und Leipzig, 1930—1931, col. 253—256, s. v. 'gähnen', а также Bd. I, col. 1072, и далее, s. v. 'niesen' и др.

[41] Ср. другие реконструкции для селезенки: и.-е. **sp(h)elg'h-* (*-en*, *-a*), **spleng'h-*, **spleg'h-*, см. *Pokorny I*, S. 987.

[42] Наилучшее представление об этой форме дает авест. *spərəzan*, см. о формальных проблемах реконструкции названия селезенки: *Вайан А.* Славянское название селезенки. — ВЯ, 1960, № 6, с. 66—67, а также *Топоров.* Прусский язык. словарь. А—Д. М., 1975, с. 236—238, s. v. *blusne*. Учитывая народноэтимологическую связь между славянским

селезенки допустимо трактовать как «подвижное» («s-mobile»). Формант *-en-*[43] может интерпретироваться как суффикс отглагольного производного (одновременно являющийся основообразующим, ср. функционирование и.-е. *-men*). Таким образом, кажется оправданным рассмотрение вопроса о семантической мотивировке сближения и.-е. **pl̥g'h(ē)- : *spl̥g'hen-*. Далее излагаются представляющиеся нам возможными различные варианты подходов к постановке этого вопроса.

Такие названия селезенки, как нем. *Milz*, др.-в.-нем. *milzi*, др.-исл. *milti*, родственные герм. **maltaz*, нем. *Malz* 'солод' и, далее, **mëlt-* (др.-исл. *melta* 'расплываться, растекаться', 'таять' и др.), а также кимр. *lleithen* 'селезенка' при *lleitho* 'смачивать', *llaith* 'влажный', др.-ирл. *legaim* 'schmelze'[44] подталкивают к предположению о том, что морфема **-pl̥g'h-*, выделяемая в реконструкции названия селезенки (**s-pl̥g'h-en-*) и сравниваемая с и.-е. **pl̥g'h(ē)-*, передавала идею размягчения, размачивания, как бы таяния (ср. др.-рус. медъ ѿ огня яко смола ползоуща, Ипат. лет. 6767[45]).

В то же время представляет интерес такое название селезенки, как осет. *farsylyvzag* / *farsi aevzag* 'селезенка', буквально 'язык (*yvzag*, *aevzag*) на боку'[46]. При учете открываемой этим словом семантической связи 'селезенка' ∽ 'язык (на боку)' можно попытаться установить пропорцию и.-е. **pl̥g'h(ē)-*: праслав. **pelziti* / **polziti* (*sę*), **(ęzykъ)* 'высовывать (собственно, 'двигать за счет скольжения', каузатив) язык'[47] ∽ и.-е. **pl̥g'h(ē)-* : и.-е. **spl̥g'hen-* 'селезенка', перспективы которой, однако, нам не ясны.

В плане формальной реконструкции, а именно выделения s-mobile в названии селезенки, кажется существенной возможность родства славянских продолжений и.-е. **pl̥g'h(ē)-* и чешского диалектного названия сорного растения пырей, *plh* (< **pьlgъ*, у В. Махека, см. ниже), ср. хотя бы вторую часть латинского названия этого растения, *Triticum repens*, см. выше о лат. *rēpere* 'ползти'[48]. Приведенное В. Махеком сближение чеш. диал. *plh*

названием селезенки и слав. **slězъ* 'мальва' (см. *Вайан А.* Указ. соч., с. 66), любопытно отметить греч. αἰγὸς σπλήν, собственно, 'козья селезенка'.

[43] О принадлежности названия селезенки к основам на *-n-* см., в частности: *Specht F.* Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, S. 77—78.

[44] *Kluge-Goetze*[15], S. 493—494.

[45] *Срезневский* II, стб. 1746.

[46] Об осет. слове см.: *Абаев* I, с. 424. Ср. также указываемое здесь абхаз. *a-vanəza* 'селезенка', собственно, 'то, что прикреплено сбоку', ср. *a-va(za)* 'бок'. К идее «побочности» в связи с селезенкой см. отчасти далее.

[47] Ср. чеш. *plaziti*, словац. *plazit'*, болг. *плезя (се)*, с.-хорв. *plaziti* (*jezik*) 'высовывать язык'. Об этих формах см. отчасти: *Аникин А. Е.* Указ. соч., с. 44.

[48] Отметим здесь допустимость построения пропорции польск. *pełgać* 'гореть неровно' (см. выше о *pełgnąć*): чеш. диал. *plh* 'пырей' ∽ чеш. *pýř* 'раскаленная зола, жар': рус. *пырей* 'Triticum repens', возможно,

с чеш. *hlupiti*, видимо, следует оставить, зато выглядят весьма любопытными предложенные им балтийские соответствия чешского слова, а именно, лит. *spilgti* 'вянуть', *spelgti* 'заглушать (о растениях)'[49]. Привлечение данных балтийских форм делает более реальным предположение о наличии s-mobile в отношении **pl̥g'h(ē)-* : **spl̥g'hen-* (мена *-g'h-*: *-gh-*, ср. *-g-* вместо *-ž-* в балтийском, вряд ли может быть препятствием для такого утверждения). Вместе с тем эти формы могут быть интересными и в семантическом плане, если принять во внимание такую существенную черту селезенки, как способность изменять объем, увеличиваться. Значительное увеличение селезенки (иногда во много раз, спленомегалия) является опасным, в частности, потому, что оно может нанести ущерб другим органам, ср. *Plaut.* Mercator 1. 2. 14: *seditionem facit lien, occupat praecordia* 'мятеж поднимает селезенка, сдавливает (собственно, «занимает», *occupat*) грудь'. В идее ущерба внутренних органов от сильного увеличения селезенки[50] может быть усмотрена определенная аналогия к идее захирения одних растений вследствие буйного роста других, обнаруживающейся в отношении лит. *spilgti*, *spelgti* : чеш. диал. *plh* 'пырей' (ср. *Ta rola je sâm plh*, je zaplhněná). Такая аналогия, если только она приемлема, открывала бы перспективу осмыслить и.-е. **spl̥g'hen-* 'селезенка' как 'орган, от (увеличения) которого чахнут другие (органы)'.

Заключительные замечания могут представлять интерес для выяснения возможных семантических ассоциаций названия такой «реалии» как селезенка. Мы имеем в виду, прежде всего, засвидетельствованные главным образом в славянской традиции гадания о протекании зимы по утолщениям (свиной) селезенки (утолщение селезенки соответствует усилению мороза)[51]. Тот факт, что селезенка мыслилась именно в связи с зимой, холодом, видимо, определяется такой важной характеристикой этого органа, как расположение на левом боку (ср. *Hippocr.*, De anat. 8. 510: Ἐκ πλευρῆς δὲ νόθης, λέγω δὲ ἀριστερῆς, σπλὴν ἀρξάμενος ἐκτέταται 'начиная от ложных ребер, с левой стороны протягивается селезенка. . .'[52]. В подтверждение этого тезиса можно сослаться, в ча-

---

указывающей на единство двух последних и им родственных форм, см. о них: *Фасмер* III, с. 419, а также: *Шустер-Шевц Г.* Из славянского этимологического словаря. — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь проф. С. Б. Бернштейна. М., 1971, с. 478—479.

[49] *Machek*², с. 460. Ср. с приведенным объяснением Махека сближение лит. *spilgti* ∾ и.-е. **(s)p(h)el-* 'spalten': *Fraenkel*, S. 870.

[50] Траян (у Аврелия Виктора) сравнивал казну (scil., *fiscus*, фиск) с селезенкой: так же как органы тела чахнут при увеличении селезенки, так и при увеличении казны за счет несправедливых налогов возрастает бедность, цит. по: *Forcellini A.* Totius Latinitatis Lexicon, t. III. Roma, 1862, col. 761.

[51] См.: *Moszyński K.* Kultura ludowa słowian, т. II, Warszawa, 1967, с. 401—403.

[52] Русский перевод см.: *Гиппократ.* Избранные книги. Пер. с греч. В. И. Руднева. М., 1936, с. 135. В связи со сближением и.-е. **pl̥g'h(ē)-*:

стности на то, что в германском некоторые названия таких понятий, как 'зима', 'север', как будто, небезуспешно сопоставляются со словами, имеющими значение 'левый'[53]. Отметим также, что, будучи расположена на левом боку, селезенка иногда мыслится как бы в оппозиции или связи с находящейся справа от нее печенью[54] (ср. *Plin.*, Hist. nat. 11.80.1:... *adnectitur lien in sinistra parte adversus iecur...*, а также, например, *Arist.* De part. animal. 670a; 669b: νόθον... ἧπαρ ὁ σπλήν 'селезенка... это побочная печень'), и при этом с селезенкой (как и вообще с левизной) связывается холод, а также (косвенно) слабость, болезненность и др., а с печенью жар, крепость и проч., см. об этом, например, рассуждения Аристотеля (Op. cit. 670b), а также Макробия (Saturnalia 7.4.20—21) (... *iecur caloris, lien frigoris domicilium est*)[55], ср., может быть, и слав. **sьlezena*: **pečenь* (ср. **pekti*).

Вяч. Вс. Иванов

ХУРРИТСКИЕ И ХАТТСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

1. Хурр. *p/wandi* 'правый': *šapḫali* 'левый'. Хурр. *p/wandi*, *p/wanda-n(n)i* 'правый'[1] (форма с суффигированным артиклем *-ni*) родственно урарт. *anda-ni*[2] и ахвах. *гъанцIилIлI*, чамал. *гьансIсIисIсIалIлI*, багул. *гьаншIел*, андийск. *гьанчIчIил*, лакск. *урчIа-*, лезг. *ерчIи*, табас. арчул, агул. *гIулджан-*, рутул. *гьарчаь-д* 'пра-

---

и.-е. **spl̥g'hen-* в какой-то мере любопытны представленные в германских языках наименования левой руки по принципу 'ползущая', ср. др.-в.- нем. *slinc*, ср.-голл. *slynker* (в глоссах *lyncker-hant*, *slyncker-hant* 'sinistra'): др.-англ. *slincan* 'creep, crawl', англ. slink 'sneak, crawl away' и др., см.: *Hoops J.* «Right» and «Left» in the Germanic Languages. — Études germaniques, 1950, N 2—3, p. 91.

[53] Библиографические указания см. отчасти: *Toporov V. N.* L' «albero universale». — In: Ricerche semiotiche. Nuove tendenze delle scienze umane nell'URSS. Torino, 1973, с. 182—183; см. еще: *Metzger F.* Got. *wintrus* 'Winter, Jahr' und aisl. *vinstri* 'links'. — KZ, 1960, Bd. 76,3/4 Heft. S. 306—307 (ср., впрочем: *Mathiassen T.* Könnten slav. **węd* 'welken' und germ. **wint-* in «Winter» etymologisch zusammengeschören? — NTS, 1968, 22, S. 91—98). Ср. с этим болг. диал. названия селезенки *зимà*, *зимъ̀* при рум. диал. *iarnă* 'селезенка свиньи', связанные как раз с упомянутыми выше гаданиями, см. специально: *Младенов М. Сл.* Из българската диалектна лексика. — БЕ, 1974, год. 24, кн. 2, с. 185—186. На эту работу внимание автора обратил О. Н. Трубачев.

[54] Ср. спорадическую оппозицию в «Ригведе»: *sridh-* (<* *slidh-* 'скользить', см. выше) — *dakṣ-* (RV. 7.32.9, а также, косвенно, 1.89.3), где *dakṣ-* < **dek's-* 'правый', ср. лат. *dexter*. См.: *Renou L.* Études sur le vocabulaire du RV. Pondichéry, 1958, p. 31—32.

[55] Ср. еще отчасти *Апулей*, Apologia 51.

[1] *Laroche E.* Glossaire de la langue hourrite. Deuxième partie. — RHA, 1977.

[2] *Salvini M.* Einige neue urartäisch-hurritische Wortgleichungen II — Orientalia, 1970, Nova Series, v. 39, fasc. 3, S. 409.

вый', арчин. *оIрчIу-ши* 'направо', удин. *ача*, чечен. *аьтту*[3] из о.-вост.-кавк. **(ʔ)VnǯǯV-* (здесь и далее общевосточнокавказские реконструкции даются согласно С. А. Старостину, которому автор приносит благодарность за ознакомление с результатами его работы). Начальное *w-* в *w-anda-ni*, если оно не объясняется фонетически, можно сравнить со структурно схожим префиксом в убых. *wa-žq'o:nə* 'справа' : *žq'á* 'правый'. Значительно более сложную проблему представляет хурр. *šapḫali* 'левый', представленное в нескольких формах, часть которых можно считать результатом позднейшего уподобления *p/wandi*, с которым оно часто соотносится в текстах: *šapḫal-di*, *šapḫadī*, также *šawulda-*[4]. Урарт. *šalmatḫi* 'левый', сопоставляемое с хурритским словом[5], скорее напоминает последние его (уже преобразованные) формы и в то же время несет следы уподобления семитским формам типа аккад. *šumēlu* 'левый', ср. сокотри *s^himḫal* 'левый' и другие семитские прилагательные[6], по фонемному составу близкие к хурр. *šapḫali*. Но для последнего слова обнаруживаются весьма примечательные параллели в лув. *ipala/i-* 'левый' (ср. *ipal-ati* 'левизна')[7]. Как показывает сравнение с тох. А *śālyi* 'левый', *śālyās* 'слева', В *śwālyai* 'слева'[8] (при тох. А *pāci*, В *āpat* 'справа', быть может, сопоставимом с хурр. *pand-*), лув. *ipala/i-* утратило в начале и.-е. $*\hat{g}^h$ согласно общему правилу, действовавшему в лувийском[9]. Иначе говоря, лувийское и тохарские слова восходят к общей форме типа $*\hat{g}^h(\bar{e})b^h$-*ĕ/ŏl-*/$*\hat{g}^h(\check{e})b^h$-*ē/ōl-* с развитием **-bh-* > **-p-* > **-w-* и упрощением начальной группы в тохарском. Хурр. *šapḫal-i*, по-видимому, является древним заимствованием из того же индоевропейского источника, но испытавшего спирантизацию $*\hat{g}^h$ по типу языков *satəm*; вокализм говорил бы в пользу языка типа индоиранского; если маньч. *ǯebele* 'правый'[10] связано (при полярном

---

[3] *Бокарев Е. А.* Смычногортанные аффрикаты прадагестанского языка (опыт реконструкции). — ВЯ, 1958, № 4, с. 8; *Он же.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1966, с. 73; *Гигинейшвили Б. К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977, с. 108.

[4] *Laroche E.* Glossaire. . ., 2, p. 214.

[5] *Salvini M.* Op. cit., S. 409—411.

[6] *Brockelmann C.* Semitische Reimwortbildungen. — Paideuma, 1967.

[7] *Laroche E.* Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959, p. 51—52; *Meriggi P.* Schizzo grammaticale dell anatolico (Atti della Accademia Nazionale dei lincei, Serie VIII, v. XXIV, f. 3, Anno CCCLXXVII), 1980, Roma, p. 292, § 55. — Ср. также хетт. GUB-*la-* 'левый', где в качестве фонетического комплемента после идеограммы представлен сходный суффикс.

[8] *Čop B.* Indogermanica minora. I. Sur les langues analoliennes (Slovenska Akademija znanosti in umetnostci. Razred za filološke in literarne vede, Razprave, VII), ср. рецензию на эту книгу: *Иванов В. В.* — ИАН СССР, Сер. лит. и яз., 1974, т. XXXIII, 2, с. 172.

[9] *Ivanov V. V.* On the reflex of the Indo-European voiced palatal aspirate in Luwian. — Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz. Wrocław, 1965, p. 131—134.

[10] Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. 1. Л., 1975, с. 280.

изменении значения) с той же основой, то речь идет об очень широко распространенном миграционном термине. Следует отметить, что в северо-кавказских языках родственные слова со значением 'левый' пока не обнаружены. Замена слова с этим значением иноязычным заимствованием — явление, типологически достаточно часто встречающееся (ср. заимствование баскского слова в иберо-романские языки[11] и т. п.).

2. Хурр. *ti/ella* 'бык'. Установление значения 'бык' для хурр. *tilla* (в частности, по отношению к двум быкам Бога Грозы Тешшуба, хетт. *ti-el-la* с детерминативом GUD 'бык', ср. также название горы *še-e-nu-ti-el-la* 'два быка'[12]) имеет значительный интерес для исследования миграционных названий домашних животных. Представляется вероятным, что с тем же термином соотносится слово, общее для славянского (о.-слав. **telę*[13], основа на *-t-*, др.-рус. *теля* 'теленок', укр. *теля*, польск. *ciele*, чеш. *tele*, с.-хорв. *тѐле*, болг. *теле́* и т. п.) и балтийского (лит. *tẽlias*, лтш. *teļš*, *telens*, прус. *klente* 'бык'[14] с характерным для прусского развитием **tl- > kl-*, ср. *clocis* [klokis] 'медведь': лит. *lokỹs*, лтш. *lâcis* при архаическом западно-балтийском топониме *Tlokun-pelk* 'медвежье болото'[15]). Суффиксация объединяет прус. *klente* < **tlent-* с о.-слав. **tel-ę(t)-*; при этом представляется вероятным, что суффикс **-ent-* до включения в семантическое поле обозначений детенышей животных первоначально мог сохранять то архаическое значение показателя деятеля, которое достаточно явно свидетельствуется германскими фактами (ср. *-nd-* < **-nt-* как суффикс деятеля) и на основании анатолийских и других данных возводится к общеиндоевропейскому (активное причастие на **-nt-*, анатолийские активные именные формы на *-nt-*).

3. Хурр. *šawali* 'год'. Хурр. *šawali* 'год' (соответствует шумер. MU. KAM 'год' в словаре из Рас Шамры), им. п. мн. ч. *šawalla*, род. п. *šawallaši*, дат. п. *šawallaše*[16], представляет собой точное соответствие этр. *avil* 'год', лемнос. *aviś* 'год' при допущении соответствия хурр. *š*: этр. *Ø*, подтверждаемого (не для начальной, как в первом случае, а для интервокальной позиции)

---

[11] Ср.: *Malkiel Y.* Semantic universals, lexical polarization, taboo, The Romance domain of «left» and «right» revisited. — Festschrift for O. Szemerényi on the occasion of his 65-th birthday. Amsterdam, 1979.

[12] *Haas V., Thiel H. J.* Ein Beitrag zum Hurritischen Wörterbuch. — Ugarit-Forschungen, Bd. 11, Neukirchen — Vluyn, 1979, S. 346.

[13] *Трубачев О. Н.* Славянские названия домашних животных. М. 1960, с. 44. — Другую версию о слав. **telę* < **ųet-el-* от названия года см.: *Machek*[2], с. 638 — Прим. ред.

[14] *Endzelīns J.* Senprūšu valoda, Rīgā, 1943, с. 195; *Idem.* Darbu izlase, II, 2 daļa, Rīgā, 1980, с. 149.

[15] *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorinė gramatika. I. Vilnius, 1980, с. 146, § 214. — Изменение этого же типа характерно для лехитского и северо-западно-великорусского, что могло бы объясняться и балтийским субстратом или ранними контактами с балтийскими диалектами этого ареала. Предположение о заимствовании прусского слова из славянского исключается по семантическим и фонетическим причинам.

[16] *Laroche E.* Glossaire..., 2, с. 62.

и в случае хурр. *ašte/i*[17] : этр. *puia* 'жена', для которого, кроме соответствий в нахском (ингуш. *исти* 'женщины', собират., бацб. *пстIин*)[18], обнаруживается соответствие в хатт. *zzuwa-* 'жена', кабард. *фыз*, адыгейск. *шъвы(зы)*, убых. *s°ə-*, тогда как для первого слова, кроме нахских[19] (чечен., бацб. *шо*) и дагестанских[20] параллелей (цахур. *сен*, арчин. *сан*, удин. *усен*), позволивших восстановить о.-вост.-кавк. **s̀(ū)nV* 'год', можно указать убых. *š°ā́* 'год' и производное *γá.š.s°ala* 'третий год', 'двумя годами позднее'[21], где *-s°ala* прямо соотносимо с хурр. *šawal-*: этр. *avil*. Предполагаемое этими соответствиями хуррито-этрусское языковое родство подкрепляется и рядом других сближений; хурр. *ki-g* 'три': этр. *ci* 'три' (по финикийско-этрусской билингве) при бацб. *кхо*, чечен., ингуш. *кхоъ*[22], о.-вост.-кавк. *k̆elb* 'три', убых. *ša* (<**k̆-*[23]) и т. п.; хурр. *-aḫḫi* в производных от названий мест типа *lul-aḫḫi* (с вероятным широким кругом северо-кавказских соответствий, обсуждавшимся еще Трубецким); этр. *-aχ* в аналогичных производных типа *Rum-aχ*. Некоторые из наиболее очевидных грамматических сопоставлений объединяют между собой этрусский и северо-западнокавказские языки. Это относится, в частности, к именной классификации. Собирательный суффикс мн. ч. *-χva* в этр. *pulum-χva* 'звезды' (в финикийско-этрусской билингве), *fler-χva* 'плоды' выполняет ту же функцию, что и соответствующий ему суффикс класса вещей абхаз. *-ḳуа* в *ашыḳус-ḳуа* 'годы', *хуṭа-ḳуа* 'доли', *ашəыр-ḳуа* 'плоды' и т. п.

4. Хурр. *dagi* 'красивый'. Очевидная параллель к хурр. *dagi* 'красивый' обнаруживается в адыгейск., кабард. *дахэ* 'красивый'; ср. адыгейск. Цумпэ Iэрамэхэр *дахэх* 'Гроздья клубники красивы', хурр. inu-me ušḫuni šiḫala ḫišma *tagi-ma* kiraši-ma 'как серебро чисто, блестяще, красиво и прочно'[24], KUB XXIX 8 IV 27. Представляется возможным сопоставить и соответствующие имена женских персонажей: хурр. *da-a-ki* 'Прекрасная' (атрибут богини Хебат), адыгейск. *Дахэ* 'Красавица' (женское имя).

5. Хатт. *-zip-* 'маленький, младший'. Несмотря на то, что (или вернее благодаря тому, что) билингва KUB XXVIII 6 с самого начала изучения хаттского языка была использована Э. Форрером, из нее до сих пор не извлечены некоторые наиболее очевидные

---

[17] *Laroche E.* Glossaire de la langue hourrite. Première partie (A—L). — RHA, 1976, t. XXXIV.
[18] *Дьяконов И. М.* Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки. — Древний Восток, 3. Ереван, 1978, с. 31.
[19] Там же, с. 33.
[20] *Гигинейшвили Б. К.* Указ. соч., с. 135; Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971, с. 182—183.
[21] *Dumézil G.* Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. III. Nouvelles études oubykh (Travaux et mémoires de l'Institut d'ethnologie, LXXI). Paris, 1965, p. 242.
[22] *Дьяконов И. М.* Указ. соч., с. 32.
[23] *Старостин С. А.* Реконструкция праабхазо-адыгской системы согласных. — Конференция Проблемы реконструкции. М., 1978, с. 99.
[24] *Laroche E.* Glossaire..., 2, p. 249.

слова, проясняющие и этимологические связи хаттской лексики. Во времена Форрера знания хеттского словаря были недостаточны, оттого и некоторые хаттские слова остались непереведенными. В частности, в строках I 15а-15в, 16а-16в до настоящего времени не было выявлено соответствие хатт. pa-*zi-ip*-tu a-*li-nu*-en, хетт. am-mi-an-za-ma-kán DUMU-aš 'маленький же сын' (в хатт. *al-inu*-en выделяется притяжательное *l-* 'его', предшествующее *inu* 'сын'), хатт. *zi-pi*-iš *zi-pi*-nu, хетт. am-mi-an-za DUMU-aš 'маленький сын' (в хаттском словосложении *zip-inu* 'маленький сын' *inu* предшествует основа *zip-* 'маленький'), к форме *inu* 'сын', ср. трижды повторяющееся в той же билингве (Vs. 20a-b, Rs. Ia-b, 3a-b) соответствие хатт. ᴰWú$_{ú}$-ru-kaṭ-ta-*i-nu*, хетт. DUMU-aš ᴰ*za-ba$_4$-ba$_4$-aš* 'сын бога Забаба' (хатт. 'царь страны', имя Забаба известно в III тыс. до н. э. в культурном ареале Эблы). Наиболее близкую параллель представляет убых. *č'a : p'q''a* 'молодой', ср. *cacá*, *č'aŝə̂* с тем же значением, адыгейск. *цIыкIу*, абхаз. *аитцбы* при сложении *аҭа-еитцбы* 'младший сын'; менее ясны возможности сравнения с восточно-кавказскими терминами типа арчин. *ч'eIn* 'люлька', *ч'eIna ло* 'младенец' (ср. к семантике убых. *c°a : pá* 'люлька').

6. Хатт. *zuḫ-* 'одежда'. В той же хаттско-хеттской билингве KUB XXVIII 6 I 12a-b-13a-b удается выявить следующую последовательность, точно совпадающую в обеих версиях: хатт. wa$_a$-aḫ-ku-un wú$_{ú}$-ru-še-mu ta-az-zi-ya-aḫ-du ta-*zu-u-ḫa*-aš-ti, хетт. ᵁᴿᵁTÚL-na-aš ᴰUTU-[u]š nu [ᴰm]i-iš-ri-[wa-an-...] TÚG-*ZU* še-ir ka-a-ri-aš?-ḫ[a-aš] 'Солнечная богиня города Аринны сверху покрыта своей блестящей одеждой'. Как и в предыдущем случае, понимание текста становится возможным благодаря выяснению значений хеттских слов, первым исследователям билингвы неизвестных. Хетт. *mišriwant-* 'блестящий' точно соответствует корню *yaḫ-* 'блеск', известному из других билингв, а в данном случае выступающему с префиксами *ta-* и *zi-* и падежным показателем *-du*, ср. *ka-iyaḫ-du* 'с неба' в билингве о Боге Луны, упавшем с неба[25]; *kašbaru-yaḫ* 'лучезарный' в качестве хаттского эквивалента хетт. *lalukkima-* 'светозарный' по отношению к божеству Солнца[26] в контексте, близком к разбираемому. Конструкция *šer kariyari* в хеттском означает 'покрыт(а) сверху' (медиопассив); производное *kariyašḫa-* в контексте, где речь идет о попытке богини Иштар соблазнить чудовище Улликумми[27], может иметь значение 'покрытие, одежда'; слово употреблено и в молитве KUB XIV 7 IV 5, 7, обращенной к той самой Солнечной богине Аринне[28] (хатт. Wu-

---

[25] *Иванов В. В.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, с. 227, там же см. об этимологии.
[26] *Иванов В. В.* К архаичным формулам в хеттских гимнах. — AO 1978, v. 46, № I, с. 71.
[27] *Otten H.* Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950, S. 21—22, Anm. 2.
[28] *Иванов В. В.* Вурусему. — В кн.: Мифы народов мира, т. I. М., 1980.

rušemu) которая описывается и в разбираемом месте хаттско-хеттской билингвы. Шумерограмма TÚG 'одежда' в сочетании с этой глагольной формой соответствует хатт. *ta-zuḫ-asti*, где префикс *ta-* аналогичен первому префиксу в хатт. *ta-zi-yaḫ-du*, а основа *zuḫ-* в значении 'одежда' известна из строительного ритуала KUB II 2+, где она имеет то же шумерское соответствие (TÚG$^{\text{ḪI.A}}$ 'одежды'). Возможные соответствия можно было бы видеть в праадыг. *$\check{s}^{k}$ake* 'платье, одежда', адыгейск. *щыгъын* 'одежда' (но ср. так же убых. *ža-γ-* 'одеться'), о.-вост.-кавк- **čoqqajV* 'одежда'. При наличии нескольких параллельных начальных фонем в словах этой семантики (возможно и несводимых друг к другу) в северо-западно-кавказском точный выбор одного из них затрудняется многозначностью возможных интерпретаций хатт. *z-* в анлауте, хотя наиболее вероятно соответствие хатт. *zuḫ*: адыгейск. *щыгъын*.

7. Хатт. *ḫawit* 'быть как яблоня'. Другой хаттско-хеттской билингвой, данные которой ранее недостаточно использовались из-за невыясненности значений хеттских слов, является текст KUB XXVIII I Rs. IV (где хаттская и хеттские части, соответствующие друг другу, чередуются небольшими группами фраз в отличие от разбиравшейся выше билингвы, в которой каждой хаттской строке слева соответствует хеттская справа). Особый интерес представляет глагольная форма хатт. *ta-a-ḫa-a-ú-e-it* (последний знак по графическим причинам размещен в конце строки вертикально, а не горизонтально), переводимая хетт. *na-aš ša-am-ma-al-li-ya-zi* 'и он становится как яблоня, приносящая яблоки' (IV 35—37). Это значение в ритуале магии уподобления можно предположить благодаря выявлению связи данной глагольной формы с именной *šamalluwa-nt-*[29], для которой достоверно установлено значение 'яблоко'[30]. Эта интерпретация подтверждается соответствием хатт. *ḫa-a-u-it-pa* (в дубликате B параллельная форма *a-an-ḫa-ú-[i]t-pa*), хетт. *ša-am-ma-al-eš-zi-ma-aš* 'делается яблоне подобным же он' в строках IV 25—26 того же текста, где в хеттской части стоит идеограмма ḪASḪUR 'яблоня, яблоко' непосредственно за приведенной формулой, включающей глагольную форму *šamaleszi* 'он делается подобным яблоне' от основы *šamal-*, общей с глаголом *šamaliyazi* 'становится как яблоко' и с самим названием яблока *šamluwa-nt-*, где таким образом в самом хеттском языке удается выделить суффикс, в чем состоит исключительное значение излагаемых фактов для этимологии индоевропейского названия яблока. Что же касается хатт. *-ḫawit* (с грамматическим показателем объекта *a-* и превербом *-n-* в форме *a-n-ḫawit*), *ta-ḫawit* (с префиксом *ta-*, ср. выше об этом префиксе в других формах), их семантическая интерпретация как 'быть подобным яблоне, приносящей

---

[29] *Oettinger N.* Die Stammbildung des hethitischen Verbums (Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft, Bd. 64). Nürnberg, 1979, S. 245 (значение не указано, намечена только связь форм).

[30] *Иванов В. В.* Разыскания в области анатолийского языкознания. — В кн.: Этимология 1976. М., 1978, с. 160—161.

яблоки' может быть поддержана и вычленением префикса -*ḫa-* (ср. обычное -*ḫa-* как именной и глагольный префикс), благодаря чему -*ḫa-wit* оказывается сопоставимым с хатт. *[š]a-a-wa-at(-ma)* 'яблоня', соответствующим идеограмме ḪASḪUR в билингве KUB XXVIII 6 Vs. 10a-b; обломки того же слова можно предположить в хатт. -*ti-i*, соответствующем хетт. ^{GIŠ}ḪASḪUR в поврежденной билингве KUB XXVIII Vs. 2a-b, где следующая хеттская строка 3b содержит форму ^{GIŠ}*ša-ma-lu-ú-[wa]* 'яблоко, яблоня', тогда как остаток последнего знака -*ḫu* хаттской строки 3a позволяет только предполагать возможность наличия суффиксального показателя, присоединенного к хаттской основе -*wat-/-wit-* 'яблоко, яблоня', 'быть подобным яблоку'; вероятно сопоставление с такими формами, восходящими к общедагестанскому, как авар. *wеč* 'яблоко', лакск. *hiwč*, табас. *wеč*, хиналуг. *mеč*[31], но при этом возможно, что сопоставление с хаттским потребует внесения исправлений в предлагавшиеся ранее реконструкции.

8. Хатт. *wašḫab-ma* 'богами'. Хаттский текст ритуала KUB II 2+ начинается фразой, позволяющей определить его мифологический фон; *wa$_a$-aš-ḫa-ab-ma* eš-wu$_u$-ur aš-ka-aḫ-ḫi-ir šu-ú-wa$_a$. Согласно хеттскому переводу фраза означает: DINGIR^{MEŠ} KUR^{MEŠ} ma-ni-ya-aḫ-ḫi-ir da-a-ir-ma-at 'Боги страны роздали для управления, и это (или эти) они установили'. Первая конструкция содержит хаттское название бога в форме с классным показателем *wa-* (писавшимся посредством особого знака «полуалфавитного» типа[32], встречающегося только в хаттских и хурритских, но не в хеттских текстах богазкёйского архива и означающего скорее всего спирант типа /v/). Этот показатель мог, как и в ряде восточно-кавказских языков, означать ед. ч. I класса и мн. ч. того же класса. В данной фразе согласно хеттскому переводу его надо понимать во второй функции. Наличие соответствия хатт. *wašḫab* в абхазо-адыгских языках (адыгейск. *уашхъо* 'небесный свод', кабард. *уащхъуэ* 'вышина неба, небесная синева', убых. *wašx°a* 'гром и молния, бог', в том числе в архаических заклятиях, находящих параллель и в абхазо-абазинском: абхаз. *Уашхо* и т. п.) обратило на себя внимание еще на первых порах изучения хаттского языка и тем не менее было позднее отвергнуто по существу только из-за наличия народной этимологии у соответствующего адыгейского слова[33] (ср. *уашъор шхъуантІэ* 'небо голубое', но

---

31 *Гигинейшвили Б. К.* Указ. соч., с. 72, 91.

32 Знак представляет собой сочетание обозначения (непосредственно предшествующего и по форме, и по функции соответствующей «букве» угаритского клинописного алфавита) с последующим проясняющим знаком для гласного *a*.

33 *Камменхубер А.* Хаттский язык. — В кн.: Древние языки Малой Азии. М., 1980, с. 36 (там же история вопроса изучения связей хаттского с северо-западно-кавказским). — За той гиперкритической точкой зрения, которую вслед за Деетерсом принимала А. Камменхубер, последовали Г. А. Климов и А. К. Шагиров (в его этимологическом словаре адыгских языков, там же см. библиографию спорных этимологий адыгских слов, которая здесь опущена для экономии места).

это прилагательное в адыгском означало 'зеленый, серый': *шхъонтIагъ* 'зеленый, серый', *шхъонтIашъу* 'зеленоватый, сероватый', кабард. *шхъуэ* 'серый, стальной', *шхъуантIэ* 'зеленый'). Наличие префикса *wa-* в хаттском слове не только не противоречит хаттской этимологии, а позволяет ее поддержать, т. к. дает возможность установить гипотетическую связь приведенных абхазо-адыгских названий 'неба', 'бога' и хатт. *wa-šḫab/w* с праадыгским **Şx̌°a* 'волшебство'[34] (адыгейск. *ушъухьаныгъ* 'волшебство, колдовство', *ушъухьэ* 'волшебный', *ушхъухьан* 'колдовать', *шхъо епхын* 'отравить', кабард. *шхъуэ* 'отрава, яд', ср. убых. (из адыгейск. [35]) *šx°awә́* 'колдовство', *šx°ax-* 'околдовывать': *asšx°áxәn* 'я его околдовываю'). Хатт. *-ab/w-* может соответствовать убых. *-aw-* и лабиализации в праадыгском. Восстанавливаемое на основе этих соответствий абхаз.-адыг. **šx-*[36] сопоставимо с хатт. *eš-tan* 'Бог солнечного неба' (сложное слово?) и с вост.-кавк. **(h)Vs-* (цезск., хварш., гинух. *as* 'туча, туман, дождь, небо', бежт., гунзиб. *has*, хурр. *eše*, урарт. *ešә* 'небо'[37]) и кетск. *eş* 'небо, бог' (котт. *êş* 'небо, бог'), *êsxai* 'облако' (объяснение из сложения с названием горного хребта является народной этимологией). Значение последнего енисейского слова заставляет допустить и древность ст.-адыгейск. *схыіе* 'град', *вубшхе* 'дождь',[38] адыгейск. *ощхы* 'дождь', кабард. *уэ-шх* 'дождь', убых. *-š'χ* в *t°á-š'χ* 'град', где в первой части возможно соответствие хатт. *tu-mil/n* 'град' (деление предлагается на основе этой этимологии и наличия морфы *-mil-* в имени бога грозы *Ḫaša-mil-*).

Название *wa-šḫab* 'боги' засвидетельствовано в нескольких падежных формах, в частности, в форме *ḫa-wa-šḫaw-i* 'среди богов' (ср. о *ḫa-* выше: *ḫa-wit*) в текстах, обозначающих наименование на языке богов (хетт. DINGIR^MEŠ *-naš ištarna*, ср. точное типологическое соответствие в айн. *камуј-атта* 'среди богов' в контексте, где речь идет о языке богов). В разбираемом хаттском тексте строительного обряда использована форма *wa-šḫab-ma*, играющая роль эргатива, непосредственно сопоставимого с адыгским эргативом на *-м* в сочетаниях типа адыгейск. *тхьэм ыIуагъэр* 'бог сказал' (='богом сказано')[39]. Однако нельзя исключить того, что адыгский эргатив на *-м*[40] и хаттские формы на *-ma* не исходно

---

[34] *Kuipers A. H.* A dictionary of Proto-Circassian roots. Lisse, Netherlands, The Peter de Ridder Press, 1975, № 76.
[35] *Dumézil G.* Op. cit., p. 244.
[36] К соответствиям и реконструкции здесь и далее см.: *Старостин С. А.* Указ. соч., с. 96—101.
[37] *Дьяконов И. М.* Указ. соч., с 31 (соответствие 10).
[38] *Люлье Л.* Словарь русско-черкесский или адыгский. Одесса, 1846, с. 47 (помета ст.-адыгейск. в тексте далее отсылает к этому источнику).
[39] *Яковлев Н. Ф., Ашхамар Д.* Грамматика адыгейского литературного языка. М. — Л., 1951, с. 452.
[40] Грузинский повествовательный падеж на *-ma*, охарактеризованный еще Ф. Мюллером как «определенный номинатив» (ср. *Климов Г. А., Алексеев М. Е.* Типология кавказских языков. М., 1980, с. 101 и след.), может восходить к ностратическому показателю определенности **-m(a)*, в части западно-ностратических языков (в частности, в семитском),

родственны друг другу именно как падежные, а возникли в результате параллельного развития однотипных сочетаний с постпозитивным указательным местоимением типа кабард. *мы/о*, адыгейск. *мы*.

Наличие такого указательного местоимения в хаттском доказывается билингвой-заклятием, в которой хатт. *[i]-ma-le-n zar-du* переведено хетт. *kel* UDU-*un* ZI·*Š*U[41] '(этой овцы) мясо'. В этом сочетании хатт. *le* 'мясо' (с окончанием объекта *-n*, ср. убых *-n* и следы падежа на *-n* в абхазо-абазинском и падеж на *-n* в восточно-кавказском) соответствует адыгейск. *лы* 'мясо', кабард. *лы* (сван. *le/aγw-* 'мясо' — древнее заимствование из производной основы типа адыгейск. *лыгъо* в *лыгъо-лыбжь* 'мясные блюда', *лыгъ-эъугъ* 'сушеное мясо', кабард. *лыгъэгъуа*, ср. также чечен. *лахьа* 'мясозаготовки', *лахьа-нан* 'мясной' и т. п.), убых. *γ'a*, абхаз. *жэы* (при латеральном геминированном абруптивном аффрикативном и префиксе *r-* в дагестанском: авар. диал. *ри-тлIъи*, андийск. *рикьи*, цезск. *релI*, лакск. *дикI*, лезг. *йак*, удин. *экъ*, хиналуг. *лыкк*). Хатт. *zar-* 'овца' (с суффиксом род. пад. *-du*, ср. выше о *-yah-du*, параллели обнаруживаются в восточно-кавказском, енисейском и других родственных языках) принадлежит к группе слов, имеющих наиболее четкие соответствия в нахском: чечен. *уъстагI(ий)* 'овца' (при согласовании по III классу: *уъстаг бахара* 'овца пошла') фонетически соотносится с хатт. *zar-* 'овца' с префиксом III класса wa_a wa_a*-za-ri-el*[42] и абхаз. *(а-)уаса* 'овца' (ср. отражение древнего классного показателя в абхаз. *у-* в *Уайхо* согласно изложенному выше) точно так же, как чечен. *стаг* 'человек' (согласование по I классу: *стаг вахара* 'человек пошел', *в-оккха стаг* 'большой — старый человек') — с хатт. *zari* 'человек, люди' с префиксом (ед. и мн. ч.) I класса wa_a*-zari* (ср., в частности, wa_a*-zari-un* 'человечества' в том же контексте, что и wa_a*-šḫaw-ün* 'богов'), ср. арчин. *bo-šor* 'мужи' (I класс). Выделение классного показателя **b-* в дагестанском названии 'овцы', сопоставимом с хатт. wa_a*-zar*, допу-

---

получившем именно значение определенного падежа (в том числе именительного: семит. **-um*, и.-е. им.-вин. п. ср. р. **-om*): *Иванов В. В.* Сравнительно-исторический анализ категории определенности—неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики. — В кн.: Категория определенности—неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979, с. 11—18. В этом случае прямой связи с северо-западно-кавказскими и хаттскими формами ожидать нельзя. Сван. *-em* как падежный показатель, аналогичный груз. *-ma(n)*, может либо иметь общее с ним происхождение (и в таком случае возводится к той же ностратической праформе, ср. сван. *eǯn-em* 'он' и груз. диал. *e-ma-* при монг. *i-ma-da* 'ему' и *-m-* в косвенных падежах индоевропейских местоимений), либо быть одним из ранних результатов свано-абхазо-адыгского языкового контакта (не исключено и то, что унаследованное **-m* в сванском могло видоизмениться под влиянием сходной функции адыг. **-m*).

[41] *Laroche E.* Une conjuration bilingue hatti-hittite. — Jahrbuch für kleinasiatische Forschung, November, 1950, Bd. I, H. 2, p. 175.

[42] *Камменхубер А.* Указ. соч., с. 59, 84.

скал еще Н. С. Трубецкой: «aŋ Plur. *ruçu* (wo *-r* das Klassenelement der «Genus plurale» ist) «Schafe» ∽ bag. *beçur*, tindi *boçar*, čam. *boçaƛdã* (wo *b-* das Klassenelement des «Genus singulare neutrum» ist) «Schaf» [43]. Сходство начального и конечного элементов лезг., хиналуг. *вукьар*, агул. *укьар*, крыз. *викьер*, будух. *викьер* 'овца' с разбираемыми словами представляется весьма вероятным. Для восстановления исходного фонетического облика слова значительный интерес может представлять древнее армянское заимствование *wočxar* овца (где анлаут указывает на связь с северокавказским) при груз. *cxwar*, мегрел. *šxur*, чан. *(m)čxur*, *mcxur-*, *mškur-* (разнообразие рефлексов может говорить о заимствовании).

Сочетание *ma-le-* в приведенной билингве тождественно адыгейск. *мд лы-р* 'вот то мясо', *мы лы-р* 'это мясо' [44]. Указательное местоимение *мы/о-* в адыгском имеет соответствия в восточнокавказском и хурритском (*m̱a* 'ille' по Ларошу) [45]. При положении этого элемента в постпозиции образуется (как в адыгском и хаттском, так и в восточно-кавказском) эргатив. В качестве типологической параллели можно напомнить давно намеченную Шухардтом [46] интерпретацию индоевропейского «эргативного» («активного») падежа на **-s* (позднее ставшего именительным падежом единственного числа и родительным падежом в тематическом типе **-o-*). Еще Шухардт обратил внимание на то, что активный падеж указывает на нечто новое (в том же смысле, в каком о «новом» — реме говорят в лингвистике текста и в теории актуального членения) и поэтому может иметь при себе местоимение (тип *Der Väter-er ruft*). Соответственно индоевропейский активный падеж на **-o-s* может быть возведен к указательному местоимению **-s(o)*, хеттское *-aš*. Правильность такой интерпретации подтверждается типологическим сопоставлением с северо-западнокавказским, где эргативный падеж на **m* в адыгском (как и родственные формы эргатива на *-m* в восточнокавказском) бесспорно восходят к сочетанию основы с постпозитивным указательным местоимением **mə/*ma*. В настоящее время это представляется возможным благодаря сравнению современных адыгских языков с родственным им хатти, где представлены и формы с постпозитивным *-ma* после имени в функции эргатива: *u̯a$_a$-aš-ḫa-ab-ma* 'seitens der Götter' «tritt in

---

[43] *Trubetzkoy N.* Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen. — Caucasica, 1926, fasc. 3, S. 21.

[44] Ср. об ударении: *Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д.* Указ. соч., с. 290.

[45] Фонетически сходный элемент есть и в картвельском, но он может иметь ностратическую этимологию: *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков Сравнительный словарь (*l* — *ǯ*). М., 1976, с. 70. В конечном счете именно местоименные элементы могут иметь наибольшую древность, допускающую сравнение праязыков макросемей, типа ностратической и северо-кавказской, но этот глоттогонический аспект в настоящее время предпочтительно еще не рассматривать до завершения предварительной работы над реконструкцией отдельных праязыков.

[46] *Шухардт Г.* Избранные статьи по языкознанию. М., 1950, с. 252.

die Rolle eines Agens»[47], и формы с препозитивным указательным местоимением типа (*i*)-*ma-al-li-en* 'ему, для него (*i*-, северо-западно-кавказский префикс объекта) это мясо'. Если в адыгском и хаттском новое (рема) выражено не препозицией *-*m*- в эргативной конструкции, а глаголом (без локальных превербов), то обычна конструкция с препозитивным *m*(*e*)- (явно того же местоименного происхождения[48]): зап.-черкес. *ś°əzər me-tḥač''e* 'женщина моет', хатт. *titaḫ-zilat ma-zilat*[49] 'Великий престол (хатт. *zilat*, ср. этр. *zilaϑ*) стоит'. Типологическое сопоставление с такими северо-западнокавказскими (и родственными хаттскими) конструкциями позволяет считать, что индоевропейские конструкции типа **so* + глагол (безударный) были их типологическим аналогом в такой же мере, как и конструкции с эргативом на -*s* в индоевропейском были типологической параллелью адыгским и хаттским эргативным конструкциям.

Иначе говоря, с точки зрения соотношения темы и ремы (данного и нового) положение указательного местоименного элемента можно описать следующим образом. Если выделяется в качестве нового эргативная конструкция имени, то за именем следует (диахронически) указательное местоимение: *wašḫab-ma*; позднее из такой конструкции возникает эргативный падеж. Не представляется возможным определить в точности, были ли хаттские формы на -*ma* (особенно часто встречающиеся в текстах без хеттских переводов, где интерпретация затруднена) уже падежными формами (как адыгские) или еще сочетаниями с постпозитивным местоименным элементом. Косвенным аргументом в пользу первого истолкования можно было бы считать эргативообразное использование форм на *-*nt*- в хеттском, в чем можно было бы видеть след древнего хаттского субстрата. Если в качестве нового — ремы в неэргативной конструкции выделяется не имя, а глагол, то ему предшествует тот же местоименный элемент: адыгейск. *ма-джэ* 'кричит' (вторичность залоговых употреблений этого префикса была предположена еще Н. Ф. Яковлевым).

С эргативной конструкцией в данном хаттском предложении связана глагольная форма *aš-ka-aḫ-ḫi-ir*. Гипотеза о соотнесении хаттского именно с (прото)адыгским, соответствующая приведенным соображениям об эргативе (и возможно объясняемая не столько специальными диалектными связями адыгского с хаттским, сколько архаичностью обеих этих ветвей северо-западно-кавказ-

---

[47] *Schuster H.-S.* Die ḫattisch-hethitische Bilinguen, т. I. Leiden, 1974, S. 106, § 1, 4, 732; к сожалению, автор не обратил внимания на роль -*ma* в этой конструкции.

[48] *Dumézil G.* Le verbe oubykh. Études descriptives et comparatives (Mémoires de l'Academie des inscriptions et belles-lettres, nouvelle série, t. I). Paris, 1975.

[49] Текст согласно копии разбираемого ритуала (Шустером не учтенной) KBo XIX 162 (936/Z)Vs. 5—6 *te-et-ta[ḫ-zi-la-at]ma-zi-la-a-at*, реконструкция согласно *Haas V.* Рец. на кн.: Schuster H.-S. Die ḫattisch-hethitischen Bilinguen. — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, Bd. 68, Wien, 1976, S. 206.

ского, ср. приведенные выше формы с сохранением латеральности начального хатт. *le-*, адыгейск. *лы-* 'мясо' и т. п.), позволяет предположить, что хатт. *-ḫḫi-* (при обычном для хетт. и хатт. графики употреблении *-i-* для гласного переднего ряда типа [e] закрытого) функционально соответствует адыгейск. *-хэ-* как суффиксальному показателю мн. ч. объекта 3 л. в глаголе. В таком случае и конечное *-r* легко было бы интерпретировать по аналогии с адыгскими формами, имеющими этот конечный суффикс. Корнем следует признать *-ka-*, имеющее точное соответствие в убых. *-q̇a-* 'давать' при мн. ч. объекта. Начальное *-a-* в *a-š-ka-ḫḫi-r* следует, судя по роли начального *a-* в абхазо-адыгских глагольных формах, признать возможным показателем объекта (тогда отличие от современного адыгского состояло бы в одновременном выражении объекта в префиксе *-a-* и числа объекта в суффиксе *-ḫi-*). Наиболее спорной остается интерпретация *-š-* в этой форме. Судя по другим хаттским формам, соотнесение с глагольными корнями, предполагавшее бы сочетание корней или деривационных морфем (ср. убых. *š'-* 'делить' с последующим *-q̇a-* как суффиксом и т. п.) не кажется вероятным. Очень гадательно можно было бы предположить на основании функции *s- как префикса 1 л. ед. ч. в абхазо-адыгском отнесение *š-* к 1 л. (царя), что соответствовало бы текстам хеттских молитв и обрядов, где царь в аналогичных случаях говорит о себе в 1 л. (ср. 1 л. мн. ч. в хеттском пересказе аналогичной хаттской глагольной формы).

Представляется вероятным, что *-s-* в *a-š-ka-ḫḫi-r* должно быть соотнесено с *(e)š-* в объекте *eš-wur* в анализируемой эргативной конструкции. В хаттском основой существительного является *-wur* 'страна, земля', соотносимое с хурр. *ḫaw(u)ri* 'земля'[50] и, по-видимому, восходящее к обще-«северо»-кавказскому[51] лексическому слою в хаттском и хурритском. Однако остается не вполне ясным, насколько этот термин сохранился в современных западно-кавказских языках (фонетически сравнение с протоадыгским **xak'°э* 'страна, область' остается весьма проблематичным, т. к. неясна судьба **-k'°-* при хатт. *-w-*), как и в языках восточно-кавказских (ср., однако, арчин. *xIor* 'селение' при соответствиях со значениями 'село, поле' в дагестанских).

[50] *Haas V.* Op. cit. S. 203.

[51] Условность термина «северо»-кавказский применительно к хаттскому (распространенному в III тыс. до н. э. в северной части Малой Азии) и хурритскому, уже на рубеже III и II тыс. до н. э. (если не много ранее) взаимодействовавшему с лувийским на юго-востоке и юго-западе Малой Азии, а также и применительно к этрусскому (см. выше) представляется очевидной, тем более, что еще Услар предположил южный путь миграции носителей абхазо-адыгских языков (согласующийся и с бытующими у них до сих пор преданиями).

Г. А. Климов

ТРИ ДРЕВНИХ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Индоевропейское обозначение вечности в сванском языке?

В исследованиях последнего десятилетия уже приведено немало новых аргументов, свидетельствующих о древнейшем ареальном взаимодействии индоевропейских и картвельских языков, которое естественно приурочить прежде всего к региону, примыкавшему некогда к юго-западному и южному пределам картвельской языковой области. Если плоды этих контактов не проецируются еще в общекартвельское состояние (как это, напротив, имеет место в отношении некоторых числительных), то их большинство прослеживается главным образом в грузинском и занском ответвлениях картвельских языков, и лишь очень немногие из них зафиксированы только в сванском. В настоящей заметке обращается внимание еще на одно исключительно сванское слово, составляющее параллель к индоевропейскому обозначению вечности (база **ai̯u-*).

Соответствующие индоевропейские лексемы, отражающие собой целый комплекс религиозно-мифологических представлений древних носителей индоевропейской речи, уже неоднократно привлекали к себе внимание ряда авторов. Так, к числу продолжений общеиндоевропейского обозначения вечности были отнесены лат. *aevus* и *aevum* (< *ae-u-om*) 'протяжение жизни, вечность', гот. *aiws* 'время, вечность', др.-греч. αἰών 'жизненная сила, протяжение жизни' и αἰέν 'всегда', др.-инд. *ā́yu-ṣ* 'жизненная сила', авест. *āyū* 'протяжение жизни', алб. *eshë* 'время', тохар. *āym* 'дух, жизнь', часть из которых содержит исторический суффикс *-*wen*[1]. Вяч. Вс. Иванов предложил дополнить этот ряд хеттским *e̯la* 'вечнозеленое дерево', символически обозначавшим вечность растительной жизни и тесно связанным с культом умирающего и возрождающегося бога плодородия Телепинуса, миф о котором, как и соответствующий хеттский ритуал, основывался на представлении о вечном возвращении жизни[2]. Семантика соответствующих индоевропейских слов была специально рассмотрена в одной из статей Э. Бенвениста, в которой было показано, что древнейшее значение слов этого корня, связанное с обозначением жизненной силы, лучше всего отражено в др.-инд. *ā́yu-ṣ* 'жизненная

---

[1] Ср.: *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, с. 286; *Pokorny* I, S. 17—18.

[2] *Иванов Вяч. Вс.* Разыскания в области анатолийского языкознания. 1. Возможное отражение индоевропейского названия вечности в хеттском языке. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 40—44.

сила' и в гомеровском *αἰών* 'сила жизни, источник жизненной энергии'[3].

При обращении в этой связи к картвельскому материалу бросаются в глаза сванские *iwa* 'вечность' и соотносительное с ним наречие *iwa-s* 'вечно', где элемент *-s* является, по-видимому, адвербиальным словообразовательным аффиксом, производящим в картвельских языках наречия. Обе лексемы, равно как и совокупность производных образований, имеют фактически общесванское распространение. Они нередко встречаются, в частности, в произведениях сванской народной поэзии и в пословицах[4] (хотя наречие *iwa-s* было засвидетельствовано Н. Я. Марром для нижнесванских диалектов, т. е. для лашхского и лентехского, о его общесванском характере можно было догадаться уже по его же ссылке на употребление слова и в части говоров верхнебальского диалекта[5]). Производящая база *iwa-* лежит здесь и в основе некоторых других образований: ср. *iwa-ladeγ* 'всегда, всю жизнь', где второй компонент является обозначением дня (ср. также форму дестинативного падежа *iwa-ladγišd* 'навечно, на всю жизнь'), а также *iwāši* 'долголетний (о человеке), давнишний (о вещи)'. Ср. основанную на этой лексеме сванскую формулу *iwas(u) xari*! 'Да живи вечно!', служащую одновременно названием заздравной песни.

Фонетическая и семантическая близость сванского слова к соответствующему индоевропейскому в его более позднем значении едва ли вызывает сомнения, что и приводит к мысли о возможности его усвоения из какого-то индоевропейского источника, подобно тому, как это обычно предполагается и для таких сванских сакральных терминов, как *Melia-Ṭelēpia*, название языческого обряда, *ṭab-əl* 'хлеб (жертвенный)', *li-pānd-e* 'жертвовать за упокой' и др. (следует заметить попутно, что изучение широко разветвленной в сванском языке культовой терминологии может составить предмет интереснейшего специального исследования). В пользу этой мысли говорит, по-видимому, несколько необычная фонологическая структура слова, характеризующаяся анлаутным гласным, не служащим суперации консонантного комплекса, как это имеем в лексемах общекартвельского происхождения (ср. сван. *itḱ* 'зерно', *ipx* 'род папоротника', *icx* 'груша', *isg* 'середина' и др.).

Довольно реальной представляется и экстралингвистическая обусловленность слова в сванском языке пережитками соот-

---

[3] *Benveniste E.* Expression indo-européenne de l'éternité. — BSLP, 1937, t. 38, f. 1, p. 104—112.

[4] Ср.: *Топуриа В. Т.* (Ред.). Сванская поэзия. I. — Материалы для изучения картвельских языков. II. Тбилиси, 1939, с. 272_{52}, 332_{14} (на груз. яз.); *Давитиани А. Ш.* Сванские пословицы. Тбилиси, 1973, с. 31, 32, 33, 43 (на груз. яз.).

[5] *Марр Н.* Извлечение из сванско-русского словаря (*a* ~ *ə*, *b* ~ *f*). — Материалы по яфетическому языкознанию, X. Пг., 1922, с. 7; ср. также: *Дондуа К. Д.* Материалы для сванско-русского словаря. Л., 1951, с. 384 (рукопись).

ветствующего культа, бытовавшего у сванов еще в XIX столетии. Так, в специальной литературе уже давно установлена (доходящая до совпадения целого ряда деталей) связь сванского языческого ритуала *Melia-Ṭelēpia* с древним малоазийским мифом о Телепину[6]. Вполне правдоподобным представляется и предложенное сближение сванского *Ṭelēpia* с именем героя мифа[7] (в последней связи небезынтересно обратить также внимание на сванское *ṭelēpi* — обозначение конского щавеля, морозоустойчивого растения альпийской зоны Сванетии, легко переносящего зиму под снегом). В изобразительном искусстве картвелов достаточно отчетливо отображен сюжет вечнозеленого древа жизни[8]. Понятие жизненной силы получало свое отражение и в словаре картвельских языков: ср., например, мегрел. *čqana* 'жизненная энергия'.

В настоящее время, однако, едва ли приходится рассчитывать на сколько-нибудь однозначный ответ на вопрос о путях проникновения слова в сванский язык. Можно, например, усмотреть его особую близость к иранским продолжениям индоевропейского обозначения вечности. Ср., в частности, осетинскую «частицу» *īw//ew*, сообщающую, по формулировке В. И. Абаева, глаголу значение многократности или обычности действия[9]. Однако существенно отклонившаяся семантика последней, равно как и весь экстралингвистический контекст функционирования слова в сванском вполне допускают и иные решения.

В заключение необходимо упомянуть одно обстоятельство, несколько осложняющее безоговорочное принятие вывода об отражении рассматриваемой лексемой индоевропейского обозначения вечности. Оно заключается в наличии в сванском наряду с наречием *iwa-s* 'вечно, навечно', параллельного *iwajdamas* по существу той же семантики[10], в котором речевое сознание сванов позволяет усматривать отражение имен Евы и Адама христианской традиции. Против такой, по всей вероятности, народноэтимологической трактовки этого наречия можно выдвинуть несколько возражений. Во-первых, в сванском отсутствует подобная модель словообразования наречий от имени собственного. Во-вторых, необычным и для картвельского преломления библейской традиции был бы в этом случае порядок обоих имен. Наконец, при таком составе основы слова было бы трудно объяснить его результирующую семантику (маловероятен и семантический переход: Ева > 'веч-

---

[6] *Бендукидзе Н. А.* Хеттский миф о Телепину и его сванские параллели. — В кн.: Вопросы древней истории. Кавказско-ближневосточный сборник, IV. Тбилиси, 1973, с. 95—100.

[7] *Джавахашвили И. А.* Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Введение в историю грузинского народа, т. II. Тбилиси, 1937, с. 250 (на груз. яз.).

[8] Ср., например: *Читая Г. С.* Мотив «древа жизни» в лазском орнаменте. — Изв. Ин-та языка и истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, X. Тбилиси, 1941, с. 303—321 (на груз. яз.).

[9] *Абаев* I, с. 558.

[10] *Марр Н. Я.* Указ. соч., с. 7.

ность'). Поэтому, скорее, здесь следует видеть факт позднейшего присоединения имени Адама после того, как первоначальная основа слова была ассоциирована в каких-то контекстах с именем Евы.

К происхождению груз. *bok̡ver-i* 'львенок'

Как свидетельствует практика картвельской этимологии, рассмотрение генезиса названий экзотических для кавказской фауны животных в картвельских языках приводит обычно к соответствующим иноязычным источникам. Среди таких лексем достаточно упомянуть обозначения слона, льва и верблюда, часть которых, судя по всему, была усвоена еще в древности.

Естественно было бы ожидать, что к этому же кругу лексем принадлежит и грузинское название львенка *bok̡ver-i* (форма генитива — *bok̡vr-is*), засвидетельствованное как в древнелитературных памятниках (ср., например, Судей 14_5; в Библии параллельно встречается и описательное *lek̡vi lomisaj* 'щенок льва'; только последнее словосочетание употребляется в грузинском тексте «Физиолога»), так и в более поздней средневековой литературе. Согласно Толковому словарю грузинского языка Сулхана Саба Орбелиани, это слово обозначало детеныша льва, барса и им подобных диких животных[11] (с интересной семантической аналогией ему сталкиваемся в армянском *koriun* 'детеныш, par excellence львенок'). В современном грузинском оно обычно обозначает львенка, изредка — медвежонка. Если не принимать во внимание идентичного мегрел. *bok̡ver-i* и лазск. (говор сел. Сарпи) *bonk̡veri*, несомненно являющихся недавними заимствованиями из грузинского, то это слово занимает в картвельском корнеслове изолированную позицию.

Между тем, в картвелистике предлагалось истолкование рассматриваемой лексемы в качестве исконной. По высказанному И. А. Джавахишвили мнению, она принадлежит здесь к целой группе обозначений животных, содержащих в анлауте окаменелый классный префикс, и этимологически может быть связана со сванскими *pik̡w* 'кастрированный козел' и *pek̡wna* (*päk̡wna*, *pak̡wna*) 'детеныш дикого животного, щенок собаки'. Автор предполагал историческую членимость слова на *bo-* и *k̡ver-*, корневой элемент которого, усматривавшийся им и в некоторых других лексемах, должен был служить в прошлом общим названием детеныша[12].

Адекватность такого истолкования вызывает, на наш взгляд, целый ряд сомнений. Во-первых, тезис о функционировании в протокартвельском состоянии классных экспонентов остается,

---

[11] *Орбелиани Сулхан Саба*. Сочинения, т. IV_1. Тбилиси, 1965, с. 112 (на груз. яз.).

[12] *Джавахишвили И. А.* Введение в историю грузинского народа. Т. II. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937, с. 195—196 (на груз. яз.); ср. *Vogt H.* La parenté des langues caucasiques. — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1942, Bd XII, p. 253.

как известно, недоказанным (в этой связи следует подчеркнуть, что вообще в языках эргативного и активного строя именные классификации имеют скрытый характер). Во-вторых, необходимо учитывать экзотичность самой реалии для Грузии, как известно, завозившейся в средневековье из стран Ближнего Востока, где она к тому же составляла более или менее обычное явление лишь до I тыс. до н. э. В-третьих, К. Х. Шмидт указывает на фонетические трудности в сопоставлении грузинского и сванских слов. Так, если даже допустить необычное оглушение начального звонкого в исходной для сванских слов форме вследствие частичной ассимиляции с корневым *ḳ*, то соотношение груз. *a* ~ сван. *o* остается вообще необъяснимым[13] (тем более трудно было бы объяснить фонетическое и семантическое расхождение рассматриваемого слова и сван. *piḳw* 'кастрированный козел'). Заметим, наконец, что картвельская база **ḳver-*, как выяснилось позднее, имела семантику 'метить (скот)', а не 'детеныш'[14].

В этих условиях более вероятной представляется возможность сближения рассматриваемого слова с реконструируемой И. М. Дьяконовым семитской праформой **bək(w)r* 'первородный сын // детеныш животного', выводимой на основе сравнения аккадского *bukr*, др.-евр. *bəḵōr*, арам. *bukr-a*, эфиоп. *bak^wər*[15]. Не говоря уже о значительно большей близости звукотипа сопоставляемых при этом лексем, довольно очевидно и их семантическое сходство (особенно, если учесть, что львица обычно воспитывает одного львенка).

Если предполагаемое сопоставление корректно, то грузинская форма поддерживала бы мысль И. М. Дьяконова о том, что в протосемитском имелась серия лабиализованных согласных *g^w*, *k^w*, *q^w*. Закономерно и отражение семитского глухого *k* абруптивом (ср. также груз. *p̣ilo* 'слон' при аккад. *pilu*, *piru*). Необходимо учитывать, однако, что в настоящем случае, как и в отношении других древнесемитских заимствований в картвельских языках, приходится считаться с вероятным хурритско-урартским посредством. Наконец, нельзя не подчеркнуть, что рассмотренная лексема служит еще одним примером некорректности иллюстраций, приводившихся ранее в пользу реконструкции в начале целого ряда картвельских слов классного показателя *b-* (ср. груз. *barṭq-i* 'птенец' при глагольной основе **berṭq-* 'колотить, -ся, выколачивать', *bič̣-i* 'мальчик' при глагольной основе **beč̣-* 'крошить, -ся', *baγana* 'ребенок'[16] и др.).

---

[13] *Schmidt K. H.* Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der Südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962, S. 98.

[14] *Керкадзе И. К.* Зоологическая лексика в древнегрузинском литературном языке. Тбилиси, 1974, с. 83 (на груз. яз.).

[15] *Diakonoff I. M.* Problem of root structure in proto-semitic. — AO, 1968, 38, N 4, p. 464, 468.

[16] *Deeters G.* Gab es Nominalklassen in allen kaukasischen Sprachen? — Corolla Linguistica. Festschrift Ferdinand Sommer. Wiesbaden, 1955, S. 31.

Старое картвельское обозначение канала?

Еще одним свидетельством древних языковых контактов картвелов в закавказском регионе может явиться лексема *mere*, служившая, по-видимому, обозначением канала и зафиксированная в грузинском и мегрельском языках. Грузинское слово, отмеченное для гурийского и аджарского диалектов, обычно трактуется в диалектологических словарях как 'каменное русло источника, приречная низина или нива'[17], а мегрельское — как 'озеро'[18] (общекартвельскую лексему, обозначавшую озеро, отражают иные слова). Оно может быть сопоставлено с др.-егип. *mr* 'канал' и зависимыми от него хетт. *amijar(a)* 'канал', др.-греч. ἀμάρη 'ров, канава, канал'. Идентичный фонетический облик грузинского и мегрельского слов указывает, вероятно, на его проникновение в картвелоязычный ареал в ту эпоху, когда дифференциация грузинских и занских рефлексов праязыковых фонем являлась уже свершившимся фактом. По-видимому, в пользу этого сопоставления говорит и тяготение рассматриваемой лексемы к западу картвельской языковой области. Напротив, встречающееся в литературе сопоставление грузинского и мегрельского слова со сванским *mare*, *märe* 'облако' на правах исконно картвельского достояния[19] трудно принять, так как оно не выявляет ожидавшегося в этом случае звукосоответствия сванск. *a* ~ занск. *o* (> *u*). Не видно и твердых оснований считать слово занизмом в западногрузинских диалектах, поскольку оно не только не засвидетельствовано в лазском языке, но пока реально не подтверждено и для мегрельского.

Г. А. Климов

ДОПОЛНЕНИЕ К ЗАМЕТКЕ «КАРТВЕЛЬСКОЕ *otxo- 'ЧЕТЫРЕ' ~ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ *oḱto-»

В заметке, помещенной в ежегоднике «Этимология 1975» (М., 1977), по недосмотру автора, оказалось неучтенным сопоставление груз. *otx-i* и лазск. *otxo* 'четыре' с обозначениями восьми в нескольких индоевропейских языках, предложенное Ж. ван Гиннекеном среди целого ряда, как правило, фантастических лексических параллелей, призванных, по его мнению, иллюстрировать факт воздействия «общекавказского» на индоевропейские языки

---

[17] Ср. *Глонти А. А.* Словарь грузинских народных говоров, 1. Тбилиси, 1974, с. 357 (на груз. яз.).

[18] *Кипшидзе И.* Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. Материалы по яфетическому языкознанию, VII. СПб., 1914, с. 279.

[19] *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (l — ǯ). Указатели. М., 1976, с. 60.

в древности[1]. В дальнейшем это соположение было повторено А. Фреем (указанием на соответствующую публикацию последнего автор обязан немецкому картвелисту В. Бёдеру) и еще позднее, уже после публикации заметки — В. Пизани, дополняющего его некоторыми афразийскими, впрочем значительно менее очевидными, параллелями[2]. В подтверждение реальности грузинского *otxo-* 'игра в четыре бабки', приводившегося по глоссе из толкового словаря Сулхана Саба Орбелиани, теперь можно указать, что эта лексема по сей день существует в картлийском диалекте грузинского яз ыка[3]. Наконец, следует отметить, что утрата ауслаутного *o* в мегрельском *otx-* 'четыре' не изолированный факт, а явление, наблюдающееся и в некотором числе других лексем: ср. мегр. *γwin-* 'вино' при груз. *γwino-*, мегр. *ṭar-* 'початок (кукурузный)' при груз. *ṭaro*, мегр. *γal-* 'ручей, речка' при груз. *γelo-*//*γele-*.

---

[1] *Van Ginneken J.* Contribution à la grammaire comparée des langues du Caucase. — Verhandelingen der koninklijke Neder-landsche- Akademie van wetenschappen. Afdeeling Letterkunde. Nieuwe Reeks, deel XLII. Amsterdam, 1938, p. 115, 117.

[2] *Frei H.* Systèmes de déictiques. — Acta Linguistica, v. IV, fasc. 3, 1944, p. 128; *Pisani V.* Indoeuropeo **oḱtōu*. — Paideia, v. XXXV. 1980, p. 47.

[3] *Берозашвили Т. Н.*, *Месхишвили М. В.*, *Нозадзе Л. М.* Словарь картлийского диалекта грузинского языка. Тбилиси, 1981, с. 343 (на груз. яз.).

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Георгиев В. И. **[et al.] Български етимологичен речник. Свезка XIX—XX (том III):** ***крес — кýтри.*** **София, 1980, с. 1—160.**

Очередной спаренный XIX—XX выпуск (начало тома III) традиционно рецензируемого нами словаря посвящен дальнейшей части болгарского словарного состава на *к-* начальное.

В качестве общего предварительного замечания вновь обратим внимание на то, о чем уже говорилось в предыдущих рецензиях. В виде самостоятельных словарных позиций в словаре по-прежнему — применительно к диалектной лексике — даются фонетические варианты, лексическая самостоятельность которых весьма проблематична; так, например, *кривиндéл* 'криво дърво, негодно за работа' (с. 8), *кривинзéль* 'много криво дърво' (там же) и *кривундéл* 'много изкривен предмет', 'криво дърво' (с. 9), как, впрочем, и *кривундýль* 'отсечено криво дърво' (с. 10) — это, конечно, не самостоятельные лексемы, но варианты одной лексемы, поэтому следовало подумать о более компактной лексикографической подаче. Кстати, и этимологическая информативность данной разъединенной подачи в БЕР весьма невелика: она сводится к тавтологическим перекрестным ссылкам «*кривиндел* ... см. *кривундéл*», «*кривундéл* ... см. *кривиндел*». Тем самым неверная лексикологическая трактовка приводит к лексикографической ошибке. Равным образом не нужно было отдельно давать диал. *крóа* 'корова' (с.16) — чисто фонетический случай, преобразование общенародного болг. *крáва* с лабиализацией *а* > *о* и последующим выпадением интервокального *-в-*. Точно так же странное впечатление производит (в этимологическом словаре) тенденция видеть омонимы там, где речь идет не более как о вторичных употреблениях т о г о ж е с а м о г о с л о в а: *кромúд*[1] 'лук обыкновенный Allium cepa', *кромúд*[2] (жаргон пекарей) 'часы' (с. 18), вспомним наше *часы-луковица*. После сказанного понятно, как мы расцениваем отдельную подачу форм *кромпúл*, *крóмпúр*, *крóнпир*, *крумпúр*, все — 'картофель'.

Очень сомнительной показалась мне статья о слове *крѣдни́на*, диал. 'род, происхождение' (Хасково), производимом с суффиксом *-нинá* от незасвидетельствованного **кърд*/**кръд* 'стадо' ср. сербохорватское *кр̏д*, *кр̏до* то же и т. д. (с. 40—41). Начнем с того, что все продолжения праслав. **kъrd-* знают только значение 'стадо животных', как отмечено и в БЕР. Главное же сомнение касается правильности записи данного диалектного слова, ср. и единичность фиксации (только Хасково). Во всяком случае мысль о связи с общенародным болг. *роднúна* 'родня' была бы здесь более чем уместна.

Напрасно решительно отвергается этимология с.-хорв. *кобацати* (и соответственно — болг. *кубацам* 'идти, подволакивая ногу') от сложения приставки *ко-* и глагольной основы *баца-* (с. 71).

Ошибочно объяснение формы *кукýнь* «в сочетании *от кукýнь дяда* 'с давних пор'» от *кочýн*, то же» в сочетании *от кочýн дя̀до* 'с незапамятных времен'» или соответственно — от *кучýн*, *кучýн дедо* 'прапрадед' (с. 105). Эти слова нельзя рассматривать в отрыве от сербохорватских названий прапрадеда — *чу̀кýндед*, *шукундед*, *шикунђед*, *шакунђед*, которые уже очень давно К. Штрекель объяснил из сложения с романским (латинским) *secundus*, см. О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства (М., 1959), с. 70.

Богата материалом статья о слове *кукурýз* 'кукуруза Zea mays' (с. 109 — 111). По-прежнему наиболее сильной стороной этого словаря остается богатство словника, включение множества диалектных, старых и редких слов (хотя лексикографическая обработка и подача этого богатого материала вызывает, как мы видели, серьезные критические замечания). Отметим в этом выпуске форму *кръчабница* 'корчма' у попа Тодора из Врацы, 1756 г., ср. рус.-цслав. *кръчьбьникъ*, вариант к *кръчьмьникъ* 'корчмарь' (с. 64). Полезно обратить внимание на наличие в болгарских народных говорах слова *кýзнéц* 'кузнец' (с. 79), наряду с типично южнославянским *ковач*.

Уровень словаря снижают опечатки, напр. Kluge-Witzka (с. 11), надо Kluge-Mitzka; лтш. *skrȇt* (с. 12), надо . . . *skrìet*; цит. *kula* (с. 115), надо циг. *kula*.

О. Н. Трубачев

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Рэд. В. У. Мартынаў. т. 2. «В». Минск, 1980.

Через два года после выхода в свет первого тома «Этимологического словаря белорусского языка» вышел из печати том второй. Он охватывает отрезок словника на букву в. Во втором томе авторы словаря несколько изменили принципы составления словника: они сделали предметом этимологического анализа всю лексику белорусского языка во всем ее объеме. Такой подход возможен, но словарь в этом случае приобретает характер словообразовательно-этимологического.

Мне представляется, что, сохраняя избранную позицию, все же при составлении словника следовало бы применить более жесткие критерии отбора. Следует ли включать в словник диалектные фонетические варианты? (Ср. статьи на начальное *ву-* из этимологического *вы-*, с. 207—243.) Вряд ли обязательны самостоятельные статьи для глаголов с частицей *-ся*, если в них дается только отсылка на форму глагола без *-ся* (с. 48 и др.). На с. 164 рассматривается слово *вісок* 'скроня', а на с. 162 *віскі* 'скроні', на с. 34 *валатоўка* и *валатоўкі* и т. д. Мне представляется, что от сокращения словник бы только выиграл.

Анализ лексики живого языка требует исключительного внимания к вопросам словообразования. К сожалению, в этом отношении словарь неоднороден. Наряду со статьями, отличающимися большой четкостью,

мы находим статьи, где словообразовательный анализ сведен к отсылке, к указанию на производящее слово или другую статью.

Как и в первом томе, лексические материалы, представленные в Словаре, исключительно богаты. Это и экспрессивная лексика и необычайно ценные диалектные материалы (см. статьи *вырай*, *вырач*, *веснiкi* и др.). Словарь читается с большим интересом. Останавливают на себе внимание оригинальные решения, непредвзятый взгляд на многие вопросы, свободное владение этимологической литературой. См. такие статьи как *вéрасень* (с. 85), *вéчай* (с. 111), *вiрзiя́* 'вялiкi чалавек' (с. 156), *вбрах* (с. 196), *вылюднець* (с. 267), *вярцеп* (с. 315), *вясёлка* (с. 325), *вясла* 'груз у колодца с журавлем' (с. 327) и др. Великолепна этимология слова *вя́тка* 'толпа' как родственного праславянскому **jata* (с. 330). Следует приветствовать такие статьи, где для неясного слова предлагается несколько возможных этимологических решений (см. статью *варбпаўка* — с. 63.).

Замечания касаются некоторых частностей и деталей.

(с. 14). Название насекомых *вадамеры* может быть калькой лат. *Hydrometra*.

(с. 20). Словно *военный* образовано не от *voj-* 'воин', а от *vojьna* → *vojьn-ьnъjь*.

(с. 51) Русское диалектное *ва́ньзя* образовано от самоназвания народа манси и поэтому вряд ли может быть связано с белорусским словом.

(с. 84) В ряде статей отсутствует изложение этимологических версий, а дается лишь отсылка на другие словари. Это неудобно для читателя (см. статьи *вераме* и др.)

(с. 151) Трудно предположить, что слово *винцерада* заимствовано в белорусский язык из русских донских говоров.

(с. 59). К сожалению, в статье *варапáй* не привлекается новый диалектный материал. Ср. впервые данное точное определение значения слова: *варапáй* 'несообразительный, бестолковый человек' (Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранiчча, 1, с. 283). Это определение позволяет понять примеры в словаре Носовича: «Эх ты *воропай*!», где слово *воропай* не значит 'слепец', а значит: Ляцiць, як *варапай*, не глядзiць, што уваліцца, ударыцца... Не привлечен в статье и белорусский глагол *ворбпаць* 'неаккуратно складывать в кучу', зафиксированный в рукописном словарике Никифоровского (см. сб. «Народная словатворчасць», с. 296).

Время возникновения слова *воропай*, условно, XIV в., конец древнерусского периода, место — территория будущей Белоруссии. В XV в. мы находим это слово уже в качестве прозвища: Якуш *Ворыпай*, 1495 г., Новгород, Васюк Дмитриевич *Ворыпай* Нармацкий, 1495 г., Новгород (С. Б. Веселовский. Ономастикон. М., 1974, с. 72, 213).

В. А. Меркулова

Езиковедски проучвания.
В чест на академик Владимир Георгиев.
По случай седемдесет години от рождението му.
София, 1980. 518 с.

Юбилейный сборник в честь выдающегося болгарского ученого Вл. Георгиева отличается широким охватом лингвистической проблематики, что само по себе неслучайно и является закономерным отражением исключительной разносторонности научных интересов юбиляра. Своими трудами Вл. Георгиев внес существенный вклад в разработку многих проблем общего и сравнительно-исторического языкознания, значительны его труды в области славянского и балканского языкознания. Этрусский язык, крито-микенская письменность, фракийский язык, мертвые языки Малой Азии, топонимия и гидронимия в связи в проблемой этногенеза балканских народов, вопросы структуры имени и глагольных категорий в индоевропейских языках, членение индоевропейской языковой общности и проблема кентум и сатем, вопросы этимологизации болгарского лексического фонда — вот неполный перечень тех проблем, к которым обращался в разные периоды своей научной деятельности Вл. Георгиев, в списке трудов которого насчитывается более 800 названий.

В рамках небольшой рецензии мы, естественно, лишены возможности сколько-нибудь полно осветить содержание этого большого интересного сборника, включающего более 70 статей. В соответствии со спецификой наших интересов мы сосредоточим внимание лишь на тех работах, которые так или иначе касаются вопросов славянской и болгарской этимологии, реконструкции праславянского лексического фонда. По существу этим вопросам посвящен весь III раздел сборника, частично они получают освещение в четырех других разделах сборника, которые обозначены: I Общее, индоевропейское и неиндоевропейское языкознание, II Балканское языкознание, IV Славянские языки, V Болгарское языкознание.

Работы общетеоретического характера занимают небольшое место в сборнике, и среди них прямое отношение к рассматриваемой нами теме имеет статья Х. Бирнбаума «О протоязыках, диахронии и «препротоязыках» (К типологии лингвистической реконструкции)». Х. Бирнбаум различает три типа реконструкции. Первый тип реконструкции праязыка как исходной точки развития в виде синхронных и асинхронных соответствий связан с именем А. Мейе. Второй подход — реконструкция абстрактной лингвистической модели (или эталона), по отношению к которой (или которому) оценивается степень расхождений генетически родственных языков. Такой «моделирующий» подход, по мнению Х. Бирнбаума, наиболее полное выражение получил в работах В. В. Иванова и В. Н. Топорова[1]. И, наконец, третий тип реконструкции — это воссоздание абстрактной лингвистической модели, с которой соотносят другие абстрактные модели, представляющие собой серию признаков, обнаруженных в структуре реальных языков.

---

[1] Ср. *Иванов Вяч. Вс.*, *Топоров В. Н.* К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961, с. 273—305; *Они же.* К реконструкции праславянского текста. — В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 88—159 и др.

Этот подход, ориентированный, по выражению Х. Бирнбаума, на реальность, является отражением многофункциональности языка как средства передачи информации и как вербального выражения или символизации магико-мифологических и/или эстетических сообщений. Задача не только в том, чтобы, пользуясь средствами внешней и внутренней реконструкции, достигнуть исходной ступени — протоязыка, но и в том, чтобы выйти за пределы протоязыка и рассмотреть его в рамках макросистемы в сопоставлении с другими группами языков (уральскими, алтайскими, картвельскими и т. д.). Структурный изоморфизм в широком смысле, наблюдаемый в разных языковых системах, может получить объяснение в терминах аллогенетических, т. е. как результат сложных процессов интерференции и конвергенции.

Значительная часть статей сборника носит конкретный этимологический характер и касается вопросов этимологизации славянской лексики. Последовательно рассмотрим наиболее интересные с нашей точки зрения исследования.

Раздел «Этимология и ономастика» открывает статья С. Б. Бернштейна («К этимологии праславянского *degъtь 'pix, axungia'»), в которой он, вслед за Зубатым, Фасмером, Славским, отстаивает гипотезу балтийского происхождения слав. *degъtь. Один из основных доводов этой гипотезы — география слова, отсутствие его в южнославянских и серболужицких языках. Другое подтверждение своей гипотезы С. Б. Бернштейн видит в том, что в отличие от славянских языков, где слово *degъtь изолировано, одиноко, соответствующие балтийские образования характеризуют активные деривационные связи. И, наконец, третий аргумент касается понимания праславянского как системы единой, монолитной или диалектно дифференцированной. С. Б. Бернштейн полагает, что изменение *dhegʷh- > *deg- имело место в тот ранний период истории праславянского, когда еще не начали формироваться диалекты, до первой палатализации задненебных, до перехода e > a. На наш взгляд, все эти соображения, хотя и заслуживают самого серьезного внимания, не являются непреодолимым препятствием на пути признания генетического тождества слав. *degъtь и лит. dègti 'жечь', degùtas, degùtis 'смола, деготь'[2]. Реконструкция праславянского лексического фонда углубляет во времени наши представления о диалектной дробности праславянского, что, следовательно, делает понятной и объяснимой локальность, ограниченность в пространстве многих изменений. Именно это обстоятельство и позволяет видеть в отдельных изолированных славянских образованиях типа ст.-чеш. dehna 'злой дух, черт', чеш. dahněti 'тлеть', с.-хорв. dagaļ 'жир из костей' следы доассимиляционного состояния, диалектного отражения и.-е. *dhegʷh-. Интерпретация упомянутых слов в рамках этимологического гнезда с корнем *dhegʷh- > *deg- снимает многие формальные и семантические неясности, о которых пишет С. Б. Бернштейн. Из всех разбираемых в статье случаев сомнительных, по мнению автора, эта этимология, действительно, не приложима лишь к словен. degati koga 'дразнить к.-л.', 'сплетничать о к.-л.', др.-серб. degba 'ссора'. По всей видимости, словен. degati родственно не продолжениям и.-е. *dhegʷh-, как

[2] ЭССЯ 4, с. 204—205, 283; 5, с. 205.

думает Ф. Безлай, а соотносится с другим рядом слов — чеш. диал. *džignût* 'кольнуть', укр. *дьбгнути* то же, болг. *дъ̀гна* 'рубец, шрам' и т. д., — родственным лит. *díegti* 'колоть', *dýgti* 'прорастать, давать ростки'[3]. Интересные наблюдения над распространением двух других однозначных терминов — **kolomazь/*kolomastь* и турцизма *катран* — ни в коей мере не противоречат идее исконности слав. **degъtь*. В целом же работа С. Б. Бернштейна, подчеркивающая сильные стороны старой этимологии, побуждает сторонников другой точки зрения еще раз пересмотреть, уточнить и усилить свою аргументацию.

А. Е. Супрун («Белор. диал. *жу́ляць*, *жа́ляць* 'тлеть' и их инославянские параллели») привлекает интересный белорусский диалектный материал и, опираясь на принцип контаминации, ставит вопрос об этимологической связи гл. **žuriti* и **žuliti*, **žalěti* и **žarъ* с общим значением 'гореть, тлеть'. Эти образования определяются как комплексы $\check{z} = r$ и $\check{z} = l$ с варьированием *r/l*, семантически близкие, но не тождественные в звуковом отношении. Этимологическое тождество допускается для гл. **žuriti* (ср. блр. диал. *жу́раць* 'пригорать, обугливаться, чернеть') и **žuliti* (ср. блр. диал. *жу́ляць*, *пажу́ляць* 'тлеть'), а для **žalěti* (ср. блр. диал. *жа́лець* 'тлеть') и **žarъ* предполагаются более сложные отношения: развитие **žal-* из **žul-* под влиянием **žarъ*. Это означает, что для **žalěti* с широкой географией допускается воздействие узко локального образования, представленного преимущественно в белорусских диалектах, с вторичным значением 'жечь' < 'тереть', что само по себе представляется очень проблематичным. При семантическом обосновании гл. **žulit*ⁱ 'жечь' < 'тереть' особое значение придается показаниям южнославянских языков и, в частности, словен. *žulj* 'колючее, острое растение', которое, по мнению А. Е. Супруна, может быть понято как ж г у ч е е растение. Но словен. *žulj*, по всей видимости, имеет другую этимологию[4]. Вместе с рус. диал. *желдь* ж. р. 'Ilex aquifolium', болг. родоп. *жѐлдѐ ме* (безл.) 'колет, режет; вызывает внутреннее беспокойство' оно продолжает основу **žьld-* < **žьl-* + *d-*, родственную лит. *gélti* 'болеть, жалить', лтш. *dzel̂t* 'колоть'. Слав. **žalěti* 'преть' с более широким привлечением русского (ср. диал. *жа́леть* 'преть') и западнославянского материала (ср. словац. *želiet'*, польск. *žalić się* 'тлеть' и др.) получило, на наш взгляд, более убедительное истолкование в работе И. П. Петлевой, где оно рассматривается как продолжение и.-е. **ĝhel-* (**ĝel-*) 'блестеть, сиять' в кругу следующих соответствий: др.-в.-нем. *gluoen* 'жечь', *gluot*, *glœd* 'жар, накал, раскаленные угли', др.-исл. *glōd* 'жар, накал' и т. п.[5].

О. Н. Трубачев («Об одном случае глагольного супплетивизма: праслав. **-nēti* 'нести, приносить'») предлагает новое этимологическое осмысление некоторых сербохорватских форм, по традиции объединяемых вокруг *nèsti*, *nèsem*. На основании с.-хорв. аор. *nijeh*, инф. *-nijeti* (ср. *zànijeti* 'понести, забеременеть') О. Н. Трубачев восстанавливает особый

---

[3] ЭССЯ 5, с. 205.
[4] *Bezlaj F*, Eseji, с. 135.
[5] *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. III. Рус. *не́жель*, *жа́леть* 'преть', словац. *želiet'*, польск. *želiwo*. — В кн.: Этимология 1973. М., 1975, с. 44—47.

праславянский диалектизм *nĕti и сближает его с др.-инд. náyati 'вести', авест. nayeiti 'приносить, вести', хетт. nāi-, ne- 'направлять, вести' и т. п. Реконструкция этого древнего праславянского диалектизма существенна во многих отношениях: 1) позволяет реконструировать явление глагольного супплетивизма *nesti — *nĕti для праславянского уровня; 2) проясняет структуру и исходную форму индоиранских соответствий (исходная форма только *naį- или *noį- вместо праформы *neį-, *neįә-, *nī-); 3) является одним из многих других показателей ранней диалектной дифференциации праславянского.

Ф. П. Филин («К истории восточнославянского слова *пелька*») полемизирует с несколько прямолинейным объяснением слова *пелька* во всем многообразии его значений как балтийского заимствования. Изучение географии, семантики слова позволяет автору прийти к выводу о трех источниках вост.-слав. *пелька*. Только в значении 'болото', 'яма, колдобина с водой' и т. п. это слово, ограниченное северным регионом, может быть отнесено к балтизмам. *Пелька* как обозначение деталей одежды и в переносном употреблении, представленное на обширной территории северных и южных говоров, связывается с и.-е. *pel-, рус. *пелена*. И наконец, для регионального псков. *пелька* 'деревянный черпак' предполагается балтийско-финский источник (финск. *pelkka* 'брус', 'балка' < ст.-швед. и совр. швед. *bjälke*, *bjalka*, др.-сканд. *bialke* 'брус', 'балка', 'бревно', 'жердь'). Заметим, что в последнем случае открытой остается возможность родства с ц.-слав. исполъ, сполъ 'приспособления для черпания', словен. *pdl*, *pôla* 'черпак'.

Вл. Шаур («Два балканских названия дерева») выводит с.-хорв. шток. *оморика* 'Picea omorica' из тур. *орман* 'лес', предполагая семантический переход 'лес' > 'хвойный лес' > 'можжевельник, ель'. Но эта этимология, сопряженная с трудностями фонетического и семантического характера, так же проблематична, как и все предшествующие, кратко обозреваемые в статье, поэтому едва ли может быть принята. Столь же неубедительно объяснение с.-хорв. *оскоруша* 'Sorbus domesticus' как заимствования древнеалбанского сложного слова, незасвидетельствованного, возникшего на базе алб. *ashe* 'кустарник или небольшое дерево', 'Ilex acuifolium' и производного от него *ashërë* 'щепки', *ash(k)ë* 'древесная стружка', *ashkël* (*i thatë*) 'щепки'. Критически оценивая этимологии, связывающие с.-хорв. *оскоруша* с вост.-слав. *осокорь* 'Populus nigra', слав. *bъrzъ* 'быстрый' и и.-е. *(s)ker- 'резать' и т. п., автор проходит мимо объяснения П. Скока, весьма правдоподобного, основанного на сближении *оскоруша* с слав. *kora/*skora [6].

К. Костов («Замечания к проблеме латинско-славянских лексических соответствий»), подчеркивая плодотворность поисков латинско-славянских соответствий, особенно на уровне сочетаний слов, высказывает критические замечания по конкретным соответствиям, в разное время предложенным В. Н. Топоровым [7]. Так, К. Костов полагает, что соответствие лат.

[6] *Skok* II, с. 570.

[7] *Топоров В. Н.* Этимологические заметки (славяно-италийские параллели). — КСИС 1958, т. 25, с. 74—79; *Он же*. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам. — В кн.: Этимология 1972. М., 1974, с. 3—19.

volup ~ слав. *великая любовь* строится на неправильном понимании фонетического облика латинского слова, в котором О. Семереньи видит сложение **welo-lubhi* с развитием *b* > *p*. По наблюдениям К. Костова, латинский материал не дает примеров фонетической замены *b* > *p* и не сохранил следов рассматриваемой основы с исходным *b*. Этот довод фонетического характера, если не полностью снимается, то в какой-то степени ослабляется тем обстоятельством, что реконструкция О. Семереньи, на которой строится гипотеза В. Н. Топорова, с изменением *b* > *p* на стыке морфем с последующим обобщением исходного *p*, должна быть отнесена к эпохе более ранней, чем письменные свидетельства латинского языка.

В предложенном В. Н. Топоровым соответствии лат. *reg-* (ср. *regio*, *erigere* и т. д.) ~ слав. *rězati* серьезное препятствие, по мнению К. Костова, создает семантика, отсутствие семантического тождества. При этом К. Костов исходит не из разрабатываемой В. Н. Топоровым концепции культурно-исторического развития общего источника этого соответствия — основы **rĕĝ-*, а из конечных результатов развития, из фактов расхождения, оставляя в стороне пережитую эволюцию. Действительно, семантическое отношение слав. **rězati* и лат. *gregis regia* 'скотный двор', *regnum*, *regia* 'власть, господство' (*regia de tauri in gregem imperio*) не является прямым и очевидным, оно воссоздается как результат длительного семантического развития исходного термина, первоначально обозначавшего, как полагает В. Н. Топоров, сакральное место для жертвоприношения, вполне определенный отрезок во времени и пространстве, т. е. с основой **rĕĝ-* первоначально связывалась идея проведения границ, измерения участка, его членения. В свете этой концепции не так безнадежно выглядит сопоставление лат. *regere tela* 'бросать в цель' и слав. **poraziti* и некоторых других выражений, архаизмов из словаря древней ритуальной практики. Весьма важным представляется заключение В. Н. Топорова: «История изучения продолжателей и.-е. **rĕĝ-* в отдельных языках показывает со всей очевидностью, каким образом пренебрежение семантическими тонкостями приводит к разъединению и изоляции единых по происхождению элементов, несмотря на то, что эти элементы безупречно соответствуют друг другу с фонетической точки зрения и входят в весьма сходные словообразовательные модели». (Этимология 1972, с. 18).

Р. Бернар («Болг. *кòледа*, провансальское *calendo* 'рождество'») в широком культурно-историческом контексте восстанавливает семантическое развитие термина **kolęda*, который в языках Балканского пол-ва связывается с кануном рождества и рядом фольклорных обычаев (рождественский хлеб, пение песен и т. п.). По наблюдениям автора, этот обычай своими корнями уходит в эпоху язычества и первоначально был приурочен к периоду зимнего солнцестояния. Р. Бернар прослеживает трансформацию этого праздника в различных традициях и позднейшую соотнесенность его с церковным праздником Рождества Христова. Автор обнаруживает большое сходство в семантике слав. **kolęda* ('рождество') и обычаях, связанных с этим праздником, на юге Франции в Провансе и у родопских болгар-помаков, исповедующих ислам, но сохранивших частично христианскую терминологию. Сходство двух периферийных областей объясняется общим источником влияния, каким, по мнению автора, могла быть франкская империя Каролингов. Интересное свидетельство

дает «Немецкий словарь» братьев Гримм, где *Kalendenblock* приводится как синонимичное *Wehnachtsblock* 'рождественское дерево'.

В краткой заметке Зд. Штибер еще раз возвращается к ц.-слав выя. Опираясь на отношение польск. *myć* : *myjka*, **ryti* : *ryja* (ср. *Czartoryja*), **vyti* : *vyja* (ср. название *Wilkowyja*), он предполагает для этого слова производность от **vyti*, но остается не совсем ясной семантика и становление анатомического термина.

Э. Хэмп, исследуя индоевропейские отражения корня **kʷeHas-* 'кашлять', восстанавливает интересное славяно-балтийско-албанское соответствие с формантом *-l* : **kʷeHas-l-ā/io* > слав. **kašьlь* ~ лит. *kosulỹs* ~ алб. *kollë*.

Й. Кноблох восстанавливает новые индоевропейские связи, предполагая родство слав. **kostъ*, **kosa* (~ **česati*) с греч. κόσμος 'порядок' > 'украшение', 'прическа' и лат. *comis* 'дружеский'.

Вяч. В. Иванов («К индоевропейским названиям колеса и колесниц») анализирует некоторые общеиндоевропейские и диалектные индоевропейские названия колеса и повозок и показывает значение этой тематической группы слов для сравнительно-исторического языкознания, для восстановления ареала миграций индоевропейских племен.

В широком культурно-историческом плане В. Абаев рассматривает отношения фракийских и скифо-сарматских племен и восстанавливает иранский источник для ряда фракийских глосс.

В кратком словообразовательном очерке «Праславянский суффикс *-ęt-*» Ф. Славский определяет производящую базу образований с этим суффиксом, показывает особенности развития этого типа имен в разных славянских языках, рассматривает суффикс *-ęt-* в плане отношений с суффиксами *-itь*, *-ьсь*, высказывает соображения об индоевропейских истоках этого суффикса.

Часть работ сборника посвящена изучению болгарской и староболгарской лексики.

Фр. Мареш (Ст.-слав. велии — великъ) на большом фактическом материале, почерпнутом из старославянских текстов, показывает, что в отношении великъ — великый следует более ранней признать форму великыи, она засвидетельствована более древними текстами, а форма великъ сложилась по образцу велии и далее вытеснила последнюю. М. Рачева расширяет круг продолжений основы и.-е. **kăt-* 'бросать, метать' на почве болгарского языка (ср. *кдткам* 'ласкать, забавлять ребенка', *котàрим* 'относиться дружески', *котдря* 'ласкать', *кдча* 'ласкать', 'баловаться', *кдтка* 'початок (кукурузный)' и т. п.). Т. Тодоров восстанавливает румынский источник (*cắcior*, *căciŏr*) для болг. *кàчур* 'пестрый'. И. Петканов предполагает для имени *Боян*, *Бояна* латинский источник — нар. лат. *Bojana* < *Bo(v)jana*, апелл. *bo(v)ianus* 'воловий'.

Вопросы балканской топонимии получают отражение в сборнике. Ив. Дуриданов восстанавливает латинское происхождение для многих топонимов Балканского пол-ва. Й. Заимов выявляет большой слой болгарских географических названий в Греции.

В настоящей заметке мы коснулись лишь тех работ, которые так или иначе затрагивают этимологическую проблематику. Многие другие проб-

лемы из области славянского и болгарского синтаксиса, словообразования, исторической фонетики, также освещаемые в этом сборнике, остаются за пределами нашего внимания.

Л. В. Куркина

Solta G. R. Einführung in die Balkanlinguistik mit besonderer Berücksichtigung des Substrats und des Balkanlateinischen. Darmstadt, 1980, 261 с. + карта

Венский индоевропеист Георг Ренатус Зольта выпустил новую книгу по балканскому языкознанию, которая представляет собой весьма компактное изложение многочисленных сложных вопросов, охватываемых в настоящее время понятием балканистики. Общеметодологические проблемы переплетаются в ней с рассмотрением конкретных фактов. Характеризуется отношение балканской лингвистики и проблемы языкового родства; дается затем очерк балканского субстрата или субстратов с краткими характеристиками древних балканских языков (фракийский, дакский, иллирийский, пеонский, дарданский); достаточно подробно освещаются субстратные слова в румынском и албанском; специально выделяются проблемы румынского и албанского этногенеза и определяются отношения соответствующих языков к греческому, латинскому, славянскому языкам. Современные славянские языки Балкан и турецкий также освещаются из общей балканской перспективы. Значительное место уделено балканизмам разных языковых уровней (фонетика, морфология, синтаксис). Совершенно очевидно, что перед нами содержательная книга, особенно если учесть внимание автора к истории затрагиваемых вопросов и к библиографии. Следует также отметить умение автора давать четкие и удобообозримые очерки проблем. Понятия «балканизмы» и «балканские языки» весьма сложно распределяются в балканском географическом и языковом ареале, затрудняя проведение четких границ. В историческом аспекте отмечается постепенное нарастание собственно балканских черт: «Балканский характер новогреческого языка едва ли был предсказуем в древнегреческую эпоху» (с. 8). Таким образом, понятия «античная балканистика» или «палеобалканистика» оказываются в известном смысле метафорой.

Весьма уместны сомнения автора в достоверности «передвижения согласных» в фракийском, ср. сохранность *-р-* в местных продолжениях и.-е. **ар-* 'вода' (с. 18—19). Исследователям славянских рефлексов индоевропейских палатальных задненебных несомненно пригодится указание на стадию африкаты (*tś*) у балканского *th*, восходящего к и.-е. *k̂* (с. 41). Видимо, автор прав, считая, что «значительные пласты заимствований немыслимы без известного престижа языка-источника» (с. 88), только спрашивается, был ли таковой у албанского языка? — По мысли Зольты, именно албанский был центральным языком балканского языкового союза (с. 233), хотя, говоря о культурно наиболее авторитетном балканском языке, мы безусловно вспомним в первую очередь греческий язык, центральная роль которого в балканистике сейчас нередко подвергается сомнению (с. 233).

Для нас важно указание на наличие интенсивного славянского заселения Дакии на основе богатой топонимии славянского происхождения на этой территории (с. 93). Ряд античных местных и водных названий Дакии румыны получили через славянское посредство (с. 94), ср. например название реки Mureş (там же, сноска 153), на что давно обратил внимание еще Э. Моор. Количественное преобладание славянского пласта в румынской лексике над автохтонным и романским Зольта сравнивает с иранским пластом в словарном составе армянского (с. 101), и на это авторское сравнение можно положиться, так как оно основано на собственном опыте исследования армянского языка.

Возвращаясь к албанской проблеме, можно согласиться, пожалуй, с разумной позицией автора, «что албанскую проблему, видимо, нельзя решить при помощи резкой иллирийско-фракийской антиномии» (с. 115); имеются в виду ригористические концепции исключительно фракийского или исключительно иллирийского генезиса албанского.

Можно понять трезвость и скептицизм автора в отношении возможности окончательного определения ограниченной прародины (или «колыбели») языка и этноса (с. 70, 116). Специально рассматривается противоречие между концепцией дакского генезиса албанского языка у В. Георгиева и теорией иллирийской природы албанского, его лексического и словообразовательного инвентаря у Э. Чабея и других албанских ученых (с. 118). Внимательно относится Зольта к тезису Чабея о локализации ареала «добалканской стадии албанского языка где-то на севере Балканского полуострова», ср. ассоциируемые с Карпатами и Бескидами алб. *karpë* 'скала' и *bjeshkë* 'горы, высокогорное пастбище' (с. 122).

В отношении иллирийского языка и его роли на древних Балканах автор занимает несколько колеблющуюся позицию. Он готов согласиться, что значение этого языка раньше переоценивали (с. 27), но со свойственным ему здравым смыслом констатирует явную необъективность и научную несостоятельность противоположной крайности, ср. «иллирофобию» Х. Кронассера (с. 28). Справедливо также мнение, что древние местные названия весьма широкого ареала (паннонские, яподские, мессапские) нередко объясняются именно из албанского (с. 34). Едва ли можно спорить с тем фактом, что древние названия *Delminium*, *Dalmatia* объяснимы из алб. *dele*, *delme* 'овца, овцы', Οὐλκίνιον (и его соответствие Ulcisia castra в далекой Паннонии!) — из алб. *ulk* 'волк' (с. 110). Однако колебания автора в связи с критикой паниллиризма имели своим следствием то, что он фактически все-таки склонен к недооценке иллирийского. Например, карта, приложенная к книге, охватывает только восточную часть Балканского полуострова («Область распространения фракийско-дакского населения»).

Оставляя здесь по понятным причинам в стороне важнейшую для балканистики сферу синтаксиса, морфологии (балканский постпозитивный артикль), посвятим несколько замечаний интересующей нас сфере лексической этимологии в книге. Имея в виду нарастающий (а не убывающий со временем) инвентарь балканских языковых особенностей и малое вероятие их зарождения в глубокой древности, мы считаем несколько преувеличенным интерес автора к так называемым «доиндоевропейским» элементам лексики, как бы выпадающим из основной системы аргумен-

тации. К тому же, доказательность доиндоевропейского происхождения слов, как правило, очень сомнительна, например для алб. *mal* 'гора', рум. *mal* 'берег, гора', Dacia Maluensis = rîpensis почему-то решающей должна считаться ссылка на гасконское *malh* 'скала' (с. 20, сноска 57), а не на лтш. *mala* 'берег'. Уверенно относит автор к «доиндоевропейскому слою» также Νάπουκα, *Naposa*, античное название города Клуж, выделяя в нем субстратное греч. νάπη 'долина, лощина', исп. *nava* 'межгорье', баск. *nava* (с. 20). Остатком слова -*ουκα*, -*оса* автор не интересуется при этом. В другом месте я попытался объяснить это название целиком — как сложение Νάπ-ουκα, *Nap-оса* (иран. + индоар.) 'жилище (племени) напов', т. е. как вполне индоевропейскую структуру. Неприемлема для нас и такая научная аргументация: «*Alb*- — это широко распространенный элемент названий, который может быть без колебаний отнесен к доиндоевропейскому слою» (с. 112). Спрашивается, — почему? Не следует ли здесь подумать о гидронимах и апеллативах с корнем *alb*- 'белый', 'река' в разных местах индоевропейской Европы? Почему в ряду алб. *magul* 'холм', сард. *moγoro* 'бугор', рум. *măgură* и даже баск. *mokoř*, определяемых как «архаический (?) языковой слой» (с. 134—135), отсутствует слав. **mogyla* < **mogūlā* / **măgūrā*? Достаточно ли критичен, наконец, автор, определяя, вслед за другими, рум. *colibă* 'хижина' как печенежское слово, а *bir* 'подать, дань' — как куманское (с. 177)? Заметим, что первое из этих двух слов восходит через славянский к балканско-индоевропейскому (иллирийскому?), а второе — вполне славянское образование.

В целом неточностей и недостатков в этом полезном очерке не так много. Книга дает, при своем малом объеме, богатую фактическую информацию с детальной историей вопроса начиная с «непревзойденного» труда Тунмана 1774 г. до новейших работ по балканистике. Из книги Зольты можно почерпнуть очень многое, вплоть до этимологии не совсем обычной фамилии ее автора, которая связана, насколько я понял, с итальянским названием острова *Solta* < *Sôlenta* в Адриатическом море (с. 111).

О. Н. Трубачев

Mayrhofer M. **Iranisches Personennamenbuch. Bd. I: Die altiranischen Namen. Faszikel 1: Die avestischen Namen. Wien, 1977; Faszikel 2: Die altpersischen Namen und Faszikel 3: Indices. Wien, 1979**

Австрийский индолог и иранист, профессор общего и индоевропейского языкознания Венского университета Манфред Майрхофер приступил к осуществлению обширного научного предприятия — к изданию иранского ономастикона, вернее — словаря иранских личных собственных имен, который призван в значительной степени заменить старый труд Ф. Юсти (F. Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895).

Предварительный план свода Майрхофера, действительно, впечатляет размахом и детальностью структуры. За названным выше томом I (Древнеиранские антропонимы) должны последовать: т. II (Среднеиранские имена), т. III (Новоиранские имена); т. IV (Иранские имена на античных монетах); тт. V—X охватят иранские антропонимы в побочных письменных традициях

(«*Nebenüberlieferungen*»), включая сюда скифско-сарматские имена в неиранских записях и иранские имена армян; т. XI — индекс. Таков предварительный рабочий план. Пока что вышел в 1977—1979 гг. рецензируемый здесь том I, включающий также отсутствующий в предварительном плане выпуск 3 — индексы древнеиранских имен. Это последнее обстоятельство сигнализирует естественную тенденцию разрастания, почти неизбежную при каждом многотомном предприятии. Есть и другая опасность: выход I тома продолжался два года, до настоящего момента (осень 1981 г.) дальнейшие части не выходили. Это значит, что читателям, к сожалению, придется довольно долго ждать завершения всего труда, который, к тому же, задуман как коллективный, с привлечением сотрудников (Bearbeiter) по отдельным томам и выпускам.

Надо ли объяснять актуальность и нужность новой, современной версии иранского ономастикона? Это видно и из теплых приветствий научной критики (ср. рецензию на выпуск 1: N. Sims-Williams. — Bulletin of the School of Oriental and African studies. University of London, v. XLII, part 1, 1979, p. 189—190). Ясно также, что своды подобного масштаба создаются в общем не чаще одного раза в столетие (после выхода словаря Юсти прошло уже более восьмидесяти лет). Поэтому уместно выразить сожаление, что из столь обширного ономастического проекта выпала топонимия, и мы, таким образом, будем лишены современных сводок по таким важным позициям иранской ономастики, как *Airyanəm vaējō*, название области, или *Xara-bərəzaitī*, название горы и др. Различие между личными именами и остальными именами собственными не носит такого принципиального характера и, кстати, сам автор фактически свидетельствует об этом, ср. Fasz. 2, S. 11—12: (др.-перс.) *A-r-i-y-a-r-m-n-*, прадед Дария I; царь в Персиде; имя *Ariyāramna-*, греч. 'Αριαράμνης толкуется как будто как 'успокоивший ариев' ('принесший ариям мир'?). Вместе с тем ниже приводится также эламско-иранское **Ariyārāmana-* в качестве названия горы («Arier-Ruh»), при всех возможных частных сомнениях (там же).

Постраничные замечания.

Fasz. 1, S. 49: знак слогового качества, видимо, излишний для *r* в гетеросиллабической позиции — **sa-sr̥-uš-*.

S. 52: *Huuarə-čiϑra-* толкуется как 'Sonnen-prächtig', что как будто противоречит толкованию общего второго члена в *Hu-čiϑrā-* 'von guter Herkunft' на предыдущей странице.

S. 69: *nauuāza-* членится как **nau-vāza-* (**vāz-* 'zerbrechen'), «ein schiffbrüchiger, потерпевший кораблекрушение». Может быть, лучше видеть здесь традиционно *nāv-āza-* 'управляющий кораблем, кормчий' (так — Фасмер, Абаев).

S. 93: различие и.-е. **u̯eg̑h-* и **u̯ekᵘ-* не позволяет вместе с автором отождествлять *[fra-]vazah-* '(fort)fließend' и *vax-š-a-* 'Wort'.

Fasz. 2, S. 23—24: (др.-перс.) *Ku-u-ru-u-*, личное имя собственное Кир признается не имеющим общепринятой этимологии (приводятся этимологические версии **ku-ru-* 'унижающий (врагов)', **kuru-* 'детеныш'). Здесь следует теперь учесть еще одну этимологию царского имени др.-перс. *kuru-*, греч. Κῦρος, курд. *kur̥* — из **kurr* < **kr̥na-/*kurna-*, ср. сюда же греч. (редк.) κύρνος 'внебрачный сын', а также хетт. *kurka-*

'жеребенок'. См. B. Forssman. Hethitisch *kurka-* Comm. 'Fohlen'. — KZ 94, 1980, S. 70 и сл.

Еще одним примером нецелесообразности слишком строгого разграничения антропонимов и топонимов может служить явная связь личного имени собственного (др.-перс.) *U-t-a-n-*, 'Οτάνης, *Utāna-*, предположительно из **hu-tāna-* 'хороших потомков (имеющий)' (S. 27), и не упоминаемого там названия области *Хотан*.

Труд Майрхофера отличается высоким эдиционным уровнем и другими качествами, присутствием многих необходимых сведений (по этимологии и т. д.), удобными индексами. Из наиболее разработанных статей упомянем статью об авестийском имени пророка *Zaraϑuštra-* (Fasz. 1, S. 105—106), где автор предпочитает толкование 'погонщик верблюдов' прежней этимологии 'старый верблюд'.

Конечно, любая схема имеет свои недостатки. В реконструкции Майрхофером праиранских форм (Fasz. 3, S. 10 и сл.) явно ощущается отсутствие скифских и сарматских данных, которые, по схеме автора, попадают, видимо, в разряд «Nebenüberlieferungen», хотя без скифско-сарматского представление о древнеиранском останется неполным. Разумеется, при скудости собственно древнеиранской традиции значение «побочных традиций» очень велико. Хочется надеяться, что в дальнейшем в числе побочных традиций «in sonstigen indogermanischen Sprachen» будут учтены также спорадические, но очень интересные и ценные свидетельства славянских языков. Например, к младоавест. *Humāiiā-*, буквально 'хитроумная, чудодейственная' (Fasz. 1, S. 51), полезно привести др.-рус. *гамаюнъ* 'сказочная райская птица': Залетаютъ отътуду [из рая на острова в восточном море] птицы райские гамаюнъ и финикъ... Козм. IV, 9. XVII в. (СлРЯ XI—XVII вв. 4, с. 10). Ввиду зыбкости границ между апеллативом и антропонимом нужно учитывать и отражения вроде рус. диал. *едукáрь* 'смышленый человек', которое восходит к незасвидетельствованному др.-иран. **yādu-kara-* 'волшебник', ср. мое дополнение: Фасмер II, с. 10. Прямое свидетельство для (ново)иранской антропонимии представляет пример имени *Кудеяр*, разбойничий атаман в русских песнях, ср. перс. *χudāi* 'бог' + *yār* 'друг, любимец', см. Фасмер II, с. 400.

О. Н. Трубачев

Pfister M. Einführung in die romanische Etymologie. Darmstadt, 1980, 228 с.

Западногерманский романист-этимолог Макс Пфистер опубликовал «Введение в романскую этимологию», что следует признать своевременным и нужным предприятием, имея в виду богатый опыт и достижения этимологии и этимологической лексикографии романских языков.

Автор взялся за выполнение своей задачи с большой тщательностью и обстоятельностью, начав вводные замечания и определения с древних традиций, с софистов и Аристотеля, которые первыми признали произвольность языкового знака (возводимую обычно к Ф. де Соссюру). «Но только посредством этимологических исследований можно установить

степень мотивированности языкового знака в определенный момент» (с. 4). Отметим помещенный в начале книги обстоятельнейший очерк с богатой документацией «Этимология слова etymologia» (с. 7 и сл.), собственно — проект расширенной словарной статьи для этимологических словарей крупнейших романских языков. Для этимолога-романиста как правило предел и цель поисков — латинская языковая стадия, а не индоевропейская (с. 20—21), ср. приводимое автором из литературы принятое в итальянской науке разграничение etimologia remota 'дальняя этимология' и etimologia prossima 'ближняя этимология' (с. 21, сноска 44). Вслед за другими автор как будто признает то капитальное отличие условий романской этимологии, каким является засвидетельствованный романский праязык — латынь, что исключает (или сокращает) гипотетичность этимологии (ср. с. 23). Однако даже богатейшая и непрерывная письменная традиция не в состоянии полностью исключить гипотетичность и реконструкцию из этимологии. Для примера можно сослаться на работы такого романиста, как Я. Малькель.

Любопытно узнать, какие максимы труда и жизни этимолога отобрал и отразил в своей книге Пфистер: «Мы можем спросить себя, какими качествами должен обладать этимолог. Как основную предпосылку я рассматриваю скептическое отношение к этимологическим исследованиям своих предшественников» (с. 31). Дилемму — этимология — это искусство или наука? — автор решает в общем правильно, отвечая: и то, и другое (с. 32). Самый строгий критический анализ — ничто без удачной интуиции, которую не заменит никакая математическая обработка (там же). Здесь автор неоднократно цитирует Лео Шпицера: «Находить этимологии, а не искать их!» «Всякий ригоризм — от лукавого». В этимологии больше, чем в любой другой области языкознания, решает индивидуальная личность исследователя. «Этимологический труд — это не конвейерное производство» (слова другого романиста, М. Вагнера, с. 34 книги). Смена поколений приносит и смену интересов к научным направлениям; так, сегодня вновь возрос интерес к историческому и к углубленным исследованиям по этимологии (с. 37). Далее следует выборочное изложение вопросов методики романской этимологии на примере слов с разнообразным фонетическим и семантическим развитием. Слависта здесь может заинтересовать этюд о *caballus — equus* и т. д. (с. 52). Полезно наблюдение о том, что тенденция к этимологизации в некоторых общих словарях (например у Литре) может отрицательно повлиять на объективность подачи значения (с. 54). С этим приходится считаться и в нашей лексикографической практике. Проблема «слова и вещи» находит у автора подобающее освещение. Пространный этюд о названиях субботы (с. 78 и сл.) включает рассмотрение славянских вариантов **sobota — *sǫbota*. Детальные исследования романистов демонстрируют нам поучительное умение через небольшую проблему раскрыть или углубить проблему крупную, ср. исследования названий животного ласки и табуизации в языке. Так, не боясь упрека в «мелкотемье» и «дублировании», почти одновременно разные авторы защищают диссертации о названиях ласки (с. 117). Очень содержателен раздел об этимологических словарях, тем более, что и сам Пфистер работает над новым итальянским этимологическим словарем. Он хорошо видит сильные и слабые стороны этих тру-

дов, говорит о необходимости разработки семантической стороны истории и этимологии слова (с. 124—125). Здесь можно почерпнуть ряд полезных сведений по истории конкретных слов и значений, например в этюде «Antenna» (лат. классич. *antemna*) на с. 126—127, поскольку речь здесь идет фактически также об истоках таких наших терминов как рус. *антенна* и даже — *латинский парус* 'особый парус треугольной формы': обе исходных формы — *antemna/antenna* 'мачта, рея' и *latina* (франц. *voile latine*, но дубровникское *lantina* и мн. др.) бесконечное число раз перекрещиваются в средиземноморском ареале.

Читатель-нероманист с интересом прочтет в книге Пфистера о таком монументальном предприятии, как «Французский этимологический словарь» В. фон Вартбурга (с 1922 по 1978 г. вышло почти полных двадцать три тома; иначе — свыше 100 выпусков этого словаря; в качестве 24—25 томов планируется совершенно новая редакция буквы *A*). Словарь этот делал о д и н человек (к тому же — первоклассный специалист), и вместе с тем его концепция окончательно определилась лишь многие годы спустя после начала издания (sic!), и том I разительно отличается от последнего тома (новая редакция *A*). Урок капитального труда Вартбурга — это прежде всего доказательство особой трудности любого серьезного лексикографического предприятия. Пфистер иллюстрирует свое изложение наглядными выборочными конкорданциями из различных французских этимологических словарей. Далее, автор проводит сопоставление одноименных статей этимологических словарей Италии. Среди затронутого материала полезно выделить итал. *galea/galera* 'линейный корабль' из иллир. (вар.: венет.) [**galaia/*golaia* 'черепаха', родственного праслав. **žely/-ъve* 'черепаха' (с. 163, 170). Лишь изредка в этой основательной книге попадаются неточности и то — за пределами собственно романского материала, например, на с. 82 автор говорит о роде венг. *szombat* 'суббота', тогда как в венгерском языке грамматическая категория рода отсутствует вообще; на с. 118 нем. *Bilchmaus* 'соня, полчок' производится вместе с лит. *pelẽ* 'мышь' из и.-е. **pel-* 'серый', на самом же деле немецкое слово в первой части (*Bilch-*), заимствовано из слав. **pьlxъ*, польск. *pilch*.

О. Н. Трубачев

AIΩN. Annali del Seminario di Studi del Mondo Classico. Sezione linguistica. 1. 1979. Istituto Universitario Orientali. Napoli. Pisa, 1980.

В рецензируемом первом томе итальянского лингвистического издания (сознательно, как указано в предисловии главного редактора Д. Сильвестри, принявшего название предшествующего ежегодника, издававшегося до 1970 г. В. Беларди), посвященного текстам и языкам древнего мира, особый интерес для этимологов представляет монографическая статья К. Валлини «Греч. ἐλέφας: история одной этимологии» (с. 123—186). В статье детально рассматривается вся большая лингвистическая литература, посвященная истории греч. ἐλέφας и лат. *ebur* 'слоновая кость', начиная с античного времени и до последних лет. Историк лин-

гвистики и в особенности истории этимологических исследований найдет в статье немало тонких замечаний, касающихся преобладавших в разные эпохи и у разных авторов подходов к этимологии, в известной мере предопределявших результат этимологизирования. К таким особенностям относятся внутренние сопоставления созвучных (и, быть может, действительно родственных) слов, находимые в греческой традиции уже у Гомера (и, добавим, косвенно отражающие ту индоевропейскую традицию отношения к поэтическому языку, которую реконструировал Соссюр в работах об анаграммах). Самым ярким примером (с. 126—127) является описание сна Пенелопы в «Одиссее» (τ 562—566):

δοιαὶ γάρ τε πύλαι ἀμενηνῶν εισιν ονειρων·
αἵ μὲν γὰρ κεράεσσι τετεύχαται, αἵ δ' ἐλέφαντι·
τῶν οἳ μέν κ'ἔλθωσι διὰ πριστου ελεφαντος,
οἵ ῥ' ἐλεφαίρονται, ἔπε ἀκράαντα φέροντες·

В приведенном отрывке замечательно предвосхищение тех именно внутриязыковых сопоставлений, на которых строились позднее попытки наиболее интересных (с точки зрения автора статьи, с которой трудно не согласиться) этимологий, остававшихся в пределах собственно греческих (или во всяком случае индоевропейских) сближений. Гомеровское сопоставление (в соссюровских терминах анаграмматическое) ἐλέφαντος — φέροντες, подчеркнутое симметрическим расположением полурифмующихся форм в концах соседних строк, уже содержит с себе тот намек на возможность сравнения -ντ- в названии 'слоновой кости' с суффиксом активного причастия, на котором основывалась этимология молодого Соссюра, данная им в статье 1877 г. (с. 166—167). Гомеровское же сближение ἐλέφαντος — ἐλεφαίρονται (к значению глагола ср. глоссу Гесихия: ελεφαίρονται ἐξαπατῶντα. βλάποντα. αδικοῦντα; у Гесиода в «Теогонии», 330, глагол относится к немейскому льву) предвосхищает недавнюю (1951 г.) попытку П. Кречмера (с. 171—172) реконструировать и.-е. **lébhr̥*/**l̥bhánt* как гетероклитическую парадигму, первый член которой сохранился в лат. *ebur* (с изменением анлаута как в лат. *iecur* 'печень'), второй — в греческом названии слона и гот. *ulbandus* (ср. и славянское название верблюда). Следует подчеркнуть, что проблема суффикса *-nt-* в этом имени, занимавшая индоевропеистов от Соссюра до Кречмера, приобретает особый интерес в настоящее время, когда выясняется, что этот суффикс в качестве обозначения активного деятеля был общеиндоевропейским, откуда, с одной стороны, семантика индоевропейских активных причастий на *-nt-*, с которыми суффикс греч. ἐλεφαντ- сравнил еще Соссюр, с другой же стороны, хеттский суффикс *-nt-*, переводящий имя среднего рода в одушевленный [1]. Поэтому, если и считать, что основа слова является заимствованной, к чему склоняется автор статьи вслед за большинством ученых, обзору чьих работ посвящается ее монография, то проблема суффикса *-nt-* остается в рамках собственно индоевропейского

---

[1] *Tchekhoff C.* Le double cas-sujet des inanimés: un archaïsme de la syntaxe hittite? — BSL, 1978, t. 73, fasc. 1, p. 225—241; *Schmalstieg W. R.* Indo-European linguistics. A new synthesis. University Park and London, 1980, p. 187; *Иванов В. В.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, с. 150.

аспекта проблемы. Как представляется, наличие этого суффикса исключительно важно и для открытого Э. Ларошем (с. 173—176) соотношения греч. ἐλέφας и хетт.-лув. *laḫpa-*. Последнее слово встречается в хеттской форме им. п. ед. ч. *la-aḫ-pa-aš* в словаре из Угарита (Рас-Шамры), где оно переводит шумер. *zú* = аккад. *šinnu* 'зуб (слона), слоновая кость' (аккад. *šinni pīri* = *šenni-pêri* 'слоновая кость', откуда и хурр. *šinniperuḫḫe* 'из слоновой кости'[2], ср. к первой части др.-евр. *šen-habbīm*, с. 130, примеч. 19; с. 152; *qarnōt šen* при эфиоп. *karna nagē* с тем же значением). В омонимичной форме *la-aḫ-pa-aš* в мифологическом фрагменте о Солнце и Океане KUB XXXVI 25 I 4 это слово обозначено посредством глоссового клина как лувийское; в этом тексте оно относится к слоновой кости, из которой сделан стол для торжественного пира богов[3]. Эта последняя деталь позволяет непосредственно соотнести хетто-лувийское употребление слова с микенским греческим, где *e-re-pa-te-jo* относится именно к слоновой кости, из которой делали столы[4]. Эта подробность, как и выявляемые при анализе античных источников малоазиатские связи греч. ἐλέφας (с. 127—128), делают весьма заманчивым непосредственное сравнение хетто-лувийского (анатолийского) слова с греческим. Но в этом случае наиболее естественным объяснением было бы не предположение о том, что суффикс *-nt-* присоединился на греческой почве (с. 146—147), а допущение, согласно которому этот суффикс (если он не унаследован от общеиндоевропейского, как полагал Кречмер) имеет ту самую активирующую функцию, которую он регулярно еще сохранял в хеттском.

Оценивая различные предлагавшиеся ранее (древнеиндийские и семитские или афразийские) этимологии лат. *ebur* (связываемого с др.-инд. *ibha-*, с одной стороны, с егип. *'b-w*, с другой) и греч. ἐλέφας (нередко ранее сближавшегося с семитским названием быка, хотя автор и отмечает многочисленные фонетические трудности), К. Валлини разбирает в качестве последнего по времени принадлежащее рецензенту сопоставление с афразийскими формами (с. 176—178). При первой формулировке сближения хетт. *laḫpa-* (начальное *r-* в хеттском отсутствует) и греч. ἐλέφας с котоко **ʌr(ʌ)p(ʌ)*, кушит. **'ʌr(ʌ)b-* (в томе настоящего ежегодника за 1975 г.) автор сомневался в возможности связи с егип. *'b-w*, что теперь оспаривается[5]. По-видимому, котоко и кушитскую формы, действительно, можно связать с египетской, если учесть встречающееся в текстах Древнего Царства название носорога *ỉrbȝ*, сопоставляемое К. Валлини (с. 182, примеч. 137) с тем же рядом слов. Возникает еще одна

---

[2] *Laroche E.* Glossaire de la langue hourrite. Deuxième partie (M—Z, Index). — RHA, 1977, t. XXXV, p. 235 (в рецензируемой работе не учтено).

[3] См. перевод и комментарий: Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. Пер. В. В. Иванова. М., 1977, с. 154 и 288.

[4] См. подробнее об этом и о параллелях в Угарите: *Иванов В. В.* Древние культурные и языковые связи южнобалканского, Эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов. — В кн.: Балканская лингвистика. М., 1977.

[5] *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. — ВДИ, 1982, № 2, примеч. 22 (название носорога не учтено).

проблема, особенно интересная для славянской и германской этимологии. Если правильно возведение китайского двухсложного (и, следовательно, заимствованного) названия верблюда к тохарской форме [6], сопоставимой с приведенными выше, то нельзя ли думать, что в тохаро-германско-славянско-балтийской диалектной области, имеющей некоторые специфические лексические черты, древнее название слона было переосмыслено как имя верблюда (из чего следовали бы интереснейшие экологические выводы).

Многие из этимологий, детально рассмотренных К. Валлини, целиком принадлежат истории науки (или, что то же, истории научных заблуждений). Семитологам предстоит еще исследовать, в какой мере вторая часть др.-евр. *šen-habbīm* может оказаться сопоставимой с егип. *ȝb-w*, как думал Элленбоген (с. 165). В этом случае обе рассматриваемые автором группы миграционных терминов — группирующиеся вокруг лат. *ebur*: др.-инд. *ibha-* и вокруг греч. ἐλέφας: хетт.-лув. *laḫpa-* — могут оказаться в конце концов связанными. Это и имеет в виду К. Валлини, говорящая (в связи с афразийскими сопоставлениями рецензента) в конце своего исследования о «*континууме* лексических элементов» (с. 182). Несомненную ценность представляет недавно подтвержденный вывод о том, что слоны еще во II тыс. до н. э. водились в Сирии (с. 147 и 169). Поэтому, если гипотеза об афразийском источнике (или ностратическом соответствии, что, однако, кажется менее надежным) греческо-анатолийского названия слона (и германо-балто-славяно-тохарского названия верблюда) окажется реальной, то скорее всего здесь можно будет видеть одно из свидетельств контактов этих языковых групп на территории Передней Азии. В любом случае работа Валлини с ее почти исчерпывающей полнотой библиографии [7] послужит исходной точкой для всех дальнейших исследований. В частности, можно думать, что для этимологии таких наименований, как рус. *индрик* (уже привлекавшегося в предшествующей публикации на тему названий слона рецензента в настоящем ежегоднике) большой интерес могут представить собранные Валлини многочисленные обозначения типа лат. *indicum* (*cornu*) 'слоновая кость' (у Горация и Марциала), *Indus* 'погонщик слонов' (у Тита Ливия). Для семантической типологии исключительно интересны наблюдения К. Валлини о названии слоновой кости как 'рогов' (параллели чему из евразийских языков приводились в той же статье рецензента) и о первичности значения 'слоновая кость' по сравнению со 'слон' [8].

Из небольших этимологических этюдов, включенных в рецензируемый том, стоит отметить статью Д. Поли (с. 187—200), в которой предлагается возведение целой группы кельтских слов типа др.-брет. *ethin* 'невозде-

---

[6] *Clauson G.* Philology and archaeology. — Antiquity, 1973, XLVII, p. 40.

[7] Можно отметить лишь некоторые пропуски, касающиеся литературы на русском языке, ср. о лат. *ebur* и типологии обозначения 'слоновой кости' как 'зуба' (что, как видно из приведенных семитских примеров, подтверждается во многих языках): *Марр Н. Я.* Избранные работы, т. I. Л., 1933, с. 118—119.

[8] См. иллюстрацию этой же семантической закономерности на другом языковом материале: *Иванов В. В.* К этимологии некоторых миграционных культурных терминов. 7. Австро-азиатский источник тох. А *oṅkalām*, В *oṅkolmo* 'слон'. — В кн.: Этимология 1980. М., 1982.

ланная земля' к и.-е. *$a\hat{k}$-/$o\hat{k}$- 'острый' (при развитии комплекса *-$\hat{k}t$- > -tt-). В статье блестящего хеттолога М. Поэтто (с. 117—121) убедительно анализируется др.-хет. *šappu*- и показывается, что слово означает то, чем может сражаться козел (но не 'рога' вообще, для которых есть другой термин). Кажется вероятным, что тем самым хеттское слово может войти в широкий круг ареальных форм типа укр. *цап* 'козел', крым.-гот. *stap* 'козел' [9] и т. п.

Топонимические исследования представлены в томе детальным исследованием В. Валери (с. 201—209 с картой-вклейкой), где описано распространение на Иберийском полуострове топонимов, образованных от этнонима *sabin*-, что позволяет автору сделать вывод (с. 209) об участии италийского элемента в том процессе, который и он условно продолжает называть «латинизацией» (может быть, лучше «итализацией»?) полуострова.

Исследования, посвященные неиндоевропейским языкам, представлены грамматическими трудами. Очерк Л. Серра имени деятеля в восточноберберском диалекте Зуара (Триполитания) (с. 213—255) ценен как анализом морфонологических соотношений, так и приложенным к работе детальным списком глаголов (с. 244—255) и производных от них имен; при скудости синхронных описаний берберских диалектов статья, безусловно, весьма полезна и для сравнительных исследований. Работа хурритолога М. Сальвини об урартских именных суффиксах (с. 97—115) содержит некоторые интересные сопоставления с хурритским, как отождествление урарт. *-li* (местоим. мн. ч.) с хурр. 3 л. мн. ч. [-l] ~ [-lla] (с. 99, примеч. 7; с. 112); несомненна возможность сближения также с хатт. *-li*- 'его, ее, их' (с дальнейшими северо-западно-кавказскими параллелями в убыхском и абхазском). Несомненным является отождествление урарт. *-ḫi* как показателя принадлежности ([1] *Tuate-ḫi-ni-i ebani* 'страна Тувата', ср. иерогл. лув. *Tuwati* как имя лувийского царя, с. 104) с аналогичным хурритским суффиксом *-ḫi* (с. 106); судя по такому всесторонне изученному примеру, как хурр. *lulaḫḫi* 'принадлежащие к этносу или социальной группе Lul-' (ср. урарт. *Lulinili* с тем же значением, с. 113, 114), образование имеет очень широкие восточно-кавказские соответствия.

Из статей, посвященных эпиграфическим разысканиям, можно отметить статью П. Поччетти об умбрских надписях (с. 73—79), где, в частности, найдена форма NURTINS, связанная с этрусским именем божества *Nortia* (с. 74—75). Из выявленных новых умбрских форм этимологически существенна *farariur* < **far(o)s-arios*, родственная оск. *far* 'зерно' (с. 76). Исследование Э. Кампаниле о повторяющихся структурах — «архетипах» древних латинских надписей (с. 81—93) может быть весьма важным для дешифровщика (в частности, этрусских текстов). Целая серия статей Д. Сильвестри, Л. Тонелли, В. Валери (с. 39—62) посвящена принципам комбинаторного, семиотического и типологического подхода к протошумерским надписям, которыми в последние годы заняты многие ученые (в том числе А. А. Вайман в Ленинграде, ссылки на работы которого

[9] Ср. *Трубачев О. Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, с. 89—90 (с литературой вопроса).

в этих статьях отсутствуют). Статья Ф. Креватина о линейном А (с. 63—72) важна тем, что в ней излагаются наблюдения о возможной грамматике языка на основе большого числа вновь изданных текстов.

Сборник открывается вводной теоретической статьей Д. Сильвестри (с. 19—33), который в глоссематических и семиотических терминах формулирует идею сведения к единству языкового разнообразия древнего мира.

В заключительном библиографическом разделе напечатана заметка Сильвестри, посвященная плану критической аннотированной библиографии языковой предыстории Евразии (с. 261—262), где, однако, предложенная рубрикация языков нуждается в перестройке в свете успехов генеалогической классификации языков Кавказа и других областей. Обзор К. Монтеллы (с. 263—276) посвящен современным теориям перевода в СССР, в частности, трудам И. И. Ревзина. Обзор К. Кристилли (с. 277—303), где рассматривается природа и социальная функция языка, в большой мере основан на разборе недавно переведенных на итальянский язык ранних трудов М. М. Бахтина.

В целом сборник при известной тематической пестроте читается с интересом и заставляет ждать его продолжения.

Вяч. Вс. Иванов

***Tischler J.* Hethitisches etymologisches Glossar.**
Mit Beiträgen von Günter Neumann.
Lief. 1 (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Bd. 20), Innsbruck, 1977; Lief. 2. Innsbruck, 1979.

Рецензируемый этимологический словарь хеттского языка по существу является первым опытом этого рода, потому что предпринятая несколько десятилетий назад аналогичная попытка А. Жюре была преждевременной и страдала полной некритичностью, а этимологические замечания в словаре хеттского языка И. Фридриха (и в его втором издании, осуществляемом А. Камменхубер) эпизодичны и излишне кратки. Объявлено о скором начале издания нового словаря И. Пухвеля, который, судя по ряду предварительных публикаций, обещает быть оригинальным. Но пока что словарь молодого хеттолога И. Тишлера, предпринятый при участии выдающегося специалиста в области позднеанатолийских языков Г. Неймана, остается первым серьезным изданием. Хотя он доведен еще только до второго выпуска, о плане всего издания в целом можно судить по статье, в которой автор дает общий обзор всей хеттской лексики, по его мысли поддающейся этимологизации на основе индоевропейского [1].

Основным достоинством словаря является значительная подробность сведений библиографического характера: в нем учтена с достаточной (иногда, может быть, даже излишней, если речь идет обо всех упоминаниях и повторениях одной и той же этимологии) детализацией хеттоло-

---

[1] *Tischler J.* Der indogermanische Anteil am Wortschatz des Hethitischen. — Hethitisch und Indogermanisch. Hrsg. von E. Neu und W. Meid. Innsbruck, 1979, S. 257—267.

гическая и этимологическая литература последних пяти десятилетий, начиная с основополагающих трудов Б. Грозного. К сожалению, достоинство оборачивается недостатком: полнота касается только литературы на западноевропейских языках. Хеттологические и вообще этимологические работы на русском языке игнорируются, о чем уже приходилось писать в связи с этимологией хетт. *ḫardu* 'потомок', давно предложенной О. Н. Трубачевым, но Тишлером, оставляющим слово без объяснения (с. 189) [2], не учтенной. Число подобных примеров настолько велико, что словарь никак не может претендовать на полноту представления современных знаний хеттской этимологии. Конечно, этот дефект легко мог бы быть устранен (даже и в последующих выпусках), если бы автор привлек к сотрудничеству кого-либо из хеттологов или индоевропеистов, знакомых с соответствующей литературой.

Другая значительно более серьезная трудность заключается в характере и отборе лексического материала. За последние годы настолько продвинулось исследование древнехеттских текстов XVII—XVI вв. до н. э. (с возможным выделением в них значительно более древней литературы города Несы, сохранившейся в копиях) в их отличии от среднехеттских XV в. и новохеттских (XIV—XIII вв. до н. э.), что в настоящее время этимологизировать хеттское слово без учета характера текстов, в которых оно встречается, едва ли целесообразно. По существу любой новый этимологический словарь хеттского языка должен быть историко-этимологическим (если следовать названию замечательного труда В. И. Абаева), причем уже сейчас можно ждать весьма интересных результатов от подобного подхода.

В отдельных случаях этот подход принят и в рецензируемом словаре. В качестве показательного примера стоит отметить глагол *ḫališšiya-* 'оправить (драгоценным металлом)' (с. 28), встречающийся уже в самом раннем датируемом хеттском памятнике — надписи Анитты, принадлежащей еще к литературе города Несы (или к ее концу). Но по отношению к столь архаичным терминам следует прежде всего дать точный словообразовательный анализ: сама по себе форма 1 л. ед. ч. пр. вр. *ḫa-liš-ši-ya-nu-un* засвидетельствована только в двух новохеттских копиях надписи (соответствующая часть древнего оригинала разрушена) и уже по графическим причинам (употребление знака *-liš-*, в древнехеттском отсутствующего), должна считаться поздней; возможен более древний вариант **ḫališšienun* [3], причем суффикс *-iya-* вторичен, как показывает первый инфинитив *ḫališšuanzi* [4]. Как давно уже предположено [5], в глагольной

---

[2] Здесь и далее в тексте в скобках указаны страницы словаря.

[3] *Neu E.* Der Anitta-Text (Studien zu den Boğazköy-Texten, Heft 18). Wiesbaden 1974, S. 42, ср. о значении и написании с. 71, 85—86 (основное значение 'украшать предмет').

[4] Тексты (в том числе и неопубликованные), цитируемые Эттингером (*Oettinger N.* Die Stammbildung des hethitischen Verbums. — Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft, Bd. 64. Nürnberg, 1979, S. 28), предполагающим в данной связи лувийское влияние (последнее не обязательно, но возможно по отмеченным ниже семантическим причинам), удостоверяют распространенность форм.

[5] *Иванов В. В.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, с. 142, примеч. 13; ср. *Он же*. Славянский,

основе *ḫali-šš-* целесообразно видеть один из архаических древнехеттских глаголов с суффиксом *-šš-*, восходящим к общеиндоевропейскому. В таком случае этимология сводится к определению наиболее вероятного соответствия для основы, от которой мог быть в дописьменный период истории языка образован глагол со значением 'украшать' (> 'оправить драгоценным металлом'); с индоевропейской точки зрения естественнее всего предположить связь с цветовыми обозначениями от *al-*[6] < *$*H_3el$-* (ср. к семантике рус. *украшать* : *красный* и т. п.), ср. в анатолийском же лув. *ḫali-* 'чистота', *ḫal-ali-* 'чистый' (предполагавшееся ранее Оттеном сближение лувийского слова с семитскими словами типа аккад. *'ellu* относится к числу возможных раннеанатолийско-семитских времени Эблы или скорее еще более древних индоевропейско-семитских сближений[7]).

Таким образом, мало указать относительную хронологию того или иного хеттского слова в хеттских текстах (которые, если принять новую хронологию Меллаарта, простираются почти на тысячелетие). Нужно далее произвести словообразовательный анализ каждой формы и лишь после этого обосновать семантически каждую этимологию.

К положительным чертам рецензируемого словаря относится достаточно широкое привлечение хронологически наиболее древних (если не считать отдельных топонимов и личных имен в открытых за последние годы текстах Эблы середины III тыс. до н. э.[8]) письменных свидетельств

балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, с. 208—209.

[6] *Pokorny* I, S. 29.

[7] Ср. к возможному раннему заимствованию семит. *'l- 'пламя' как ритуального термина в индоевропейский: *Иллич-Свитыч.* Опыт сравнения, I, с. 277 (соответствие 140). В этом плане особый интерес может представить эблаит. *ḫali* как название первого (новогоднего) месяца древнего календаря Эблы середины III тыс. до н. э.: *Pettinato G.* Il calendario semitico del 3 millennio ricostruito sulla base dei testi di Ebla. — Oriens Antiquus, 1977, v. 16, p. 257—285.

[8] Из них явно анатолийский характер носит *ḫa-šu-wa-an*^KI (TM. 75. G. 20526, см.: *Pettinato G.* Catalogo dei testi cuneiformi di Tell Mardikh—Ebla. Napoli, 1979, p. 245 (№ 5571—5760), бесспорно тождественное по географическому местоположению др.-хетт. *Ḫašuwa* (буквально 'Царский' с общепризнанной общеиндоевропейской этимологией; любопытно, что название встречается как в Летописи Хаттусилиса I, так и в древнейшей хеттской обрядовой песне, содержащей индоевропейское имя бога Пирвы, см.: Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии, М., 1977, с. 41, 258, 314, а также и в использованных Тишлером староассирийских табличках, с. 87;) ср. также в Эбле *bar-ga-u_9*^KI (TM. 75. G. 2233): хетт. *barg(a)u-* 'высокий' (< и.-е. *$*b\mathring{r}\hat{g}^h$-e/ou-*). К вероятным личным именам анатолийского индоевропейского типа относится в архивах Эблы *ḫuḫuli* (TM. 75. G. 1322; возможное сохранение более древней формы с полной редупликацией, ср. хетт., лув. *ḫuḫa-* 'дед': лат. *avus* и суффикс *-li*, использующийся в анатолийском при образовании производных от имен родства). Лувийский характер совершенно несомненен по отношению к личному имени *Zi-ti* (TM. 75. G. 11118), лув. *zidi* 'мужчина' (часто используется в качестве собственного имени, как и в приведенном эблаитском тексте, удостоверяющем, следовательно, бесспорные эблаитско-лувийские связи во 2-й половине III тыс. до н. э.). При предварительности этих (и других подобных, по-видимому, включающих и индо-иранский материал) данных они мо-

о хеттском и лувийском языках, которые содержатся не в самих текстах на этих языках (из которых самым ранним датируемым является надпись Анитты, а недатируемыми — возможно значительно более древние другие образцы литературы Несы, к которым примыкает и упомянутый текст с названием города *Ḫaš(š)uwa* 'Царский'), а в староассирийских табличках из торговых поселений Малой Азии рубежа III и II тыс. до н. э. (прекрасное собрание части этих весьма многочисленных табличек хранится в Москве в Музее изобразительных искусств им. Пушкина; на некоторых из табличек нашего собрания отчетливо видны самые ранние образцы лувийской иероглифики [9]). Тишлер последовательно сопоставляет найденные в этих табличках ранние анатолийские типы собственных имен с именами, найденными в текстах I-й половины II тыс. из Нузи (с. 78, 86—88 и др.) (Сев. Месопотамия). Смешанный анатолийско-хурритский характер населения Нузи отчетливо проявляется в женских собственных именах, которые Тишлер тщательно собрал, но (при несомненном и им самим программированном стремлении прежде всего выявить индоевропейскую часть хеттского словаря) проанализировал только легко поддающийся этимологическому объяснению суффикс *-šar* < **-sor* в женских именах. Но оставшееся в словаре нераскрытым наибольшее своеобразие этих имен из Нузи состоит в том, что этот анатолийский суффикс присоединяется к хурритским основам: *ᶠAšdua-šar* (хурр. *ašte* 'женщина', *ašt-u-ḫḫi* 'женский', в Нузи собственное имя *Ašdu* при соответствиях во всех северо-кавказских языках, хаттском и этрусском), *ᶠAllie-šar* (хурр. *allai* 'дама, госпожа, богиня, королева', также женское собственное имя *Alli* в Нузи и других местах с хурритским населением), *ᶠAmt-ašar* (хурр. *ammati* 'предок, прадед', ср. по отношению к богам *ammatina* 'древние; прошлые', переводимое хетт. *karuiliyeš* и греч. προτεροί у Гесиода в «Теогонии», имеющей хеттско-хурритский источник, ср. там же, строка 17, указание на то, что Эрис рождена 'раньше, прежде' — греч. προτέρην = хетт. *karu*, — чем Ночь). Кроме женских собственных имен, где анатолийский индоевропейский суффикс присоединяется к хурритским основам, в Нузи встречаются и гибридные имена с обратным расположением частей: *Zid-ašdu* (ср. выше о лув. *zidi* 'мужчина', хурр. *ašdu* 'женщина'). Как представляется, детальный анализ подобных имен мог бы пролить свет и на характер смешанных браков и в целом этнической картины тех областей, где, как на Севере Месопотамии и на юге М. Азии, осуществлялся интенсивный хуррито-лувийский симбиоз. Любопытно, что этот материал содержится в словаре, автор которого решительно возражает против применения к хеттскому языку понятия «смешения языков».

Особую проблему для словаря (существенно облегченную благодаря деятельному участию в нем Г. Неймана) представляет привлечение постоянно вновь открываемого материала позднеанатолийских языков. При обосновании этимологии хетт. *ḫumant-* 'весь', сближаемого Тишлером

гут иметь существенное значение для определения времени нахождения носителей древних индоевропейских диалектов вблизи Сев. Сирии.

[9] См. об этом подробнее в написанной рецензентом главе: Зачатки исследования языка у хеттов. — В кн.: История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.

(с. 285, ср. на с. 87 о *Huma(n)t-ašu* в староассирийских табличках, удостоверяющих древность формы с возможным отражением назализации гласного типа иероглифического лувийского) с лат. *omnis* (как это недавно предложил и Шмальштиг[10]), Тишлер предлагает и отождествление хеттского слова с лик. *k̃m̃mẽt*. Действительно, в ликийско-греческо-арамейской трилингве, недавно образцово изданной в ликийской части Ларошем, находим соответствия: лик. *se-ñte-ñte-k̃m̃mẽ* seyeti θθe sttati-teli = греч. καὶ ὅσον προς τῷ ἀγρῷ τὰ οἰκήματα 'и все то, что прибавлено и столь[11] построено на поле — дом (домовое хозяйство)' (16—17); лик. *hãti-k̃m̃mẽtis* = греч. ὅσοι ἄν γένωνται 'все те, кто будут (освобождены)' (21); лик. [*k̃m̃*]*mẽ* = греч. ὅσα 'все то' (31). Как поясняет Ларош, «понятие обобщающего относительно-неопределенного местоимения (греч. ὅσος) передается *k̃m̃mẽtis*; корень *k̃m̃mẽt-*, ср. р. *k̃m̃mẽ*»[12]. В качестве историко-фонетического комментария к своему открытию Ларош, обычно отличающийся исключительной краткостью выводов, добавляет, что в лув. **kumant-* > лик. *k̃m̃mẽt-* он видит развитие редкой лувийской глухой взрывной фонемы, обозначаемой графически посредством *ku*[13]. Чередование *ku-/hu-* в клинописном и иероглифическом лувийском засвидетельствовано большим числом примеров (включая лув. клин. *kuwaya-* 'бояться', иер. лув. *hwa-s-*, только начальной сонорной фонемой отличающееся от семантически близкого глагола, дающего арм. *erk-* при следе лабиализации, но другом анлауте в греческом) и может быть возведено к глубокой древности, судя по написанию некоторых анатолийских топонимов в текстах Эблы. Поэтому возникает вопрос: если принять реконструкцию *q^wm-e/ont-*, имплицитно предлагаемую Ларошем, не следует ли видеть в этой форме и ключ к предыстории загадочного соответствия греч. παντ-: тох. А *pont-* (в супплетивном чередовании с *puk-*, давно заставлявшем предполагать исходное *k^w-), В *po-nt-*, отлож. п. ед. ч. *pom-em̥*. Представляется возможным, что (как в общеиндоевропейском названии земли) анатолийские и в меньшей степени тохарские языки сохранили следы древнего начального комплекса согласных, возникшего при редукции корневого гласного, тогда как греческий (где древнее *q^w, очевидно, совпало перед гласными непереднего ряда и согласными с *k^w > -π- в послемикенский период в отличие от тох. *p*, которое объясняется более сложным лексически ограниченным[14] процессом: тох. А *-pe* 'и' < *k^we*, *-pi* < *-k^wi* в сложных числительных на *k^wi* типа лат. *quinque*, ср. загадочное соотношение *k^w—p* в целом ряде кельто-италийско-германских слов типа названий волка и числительного 'пять') изменяет *q^wm-* > **p-* > π-. В таком случае лат.

[10] *Schmalstieg W. R.* Indo-European linguistics. A new synthesis. University Park and London, 1980, p. 40.

[11] Попытка передать своеобразную ликийскую синтаксическую структуру (см. о ней: *Laroche E.* L'inscription lycienne. — In: Fouilles de Xanthos t. 5. Paris, 1979, p. 68—70), ср. с. 69, 74.

[12] Там же, с. 69—70.

[13] Там же, с. 84.

[14] См. о роли этого явления (доказанного обработкой большого диахронического материала на ЭВМ): *Wang W. S.* Competing changes as a cause of residue. — Language, 1969, v. 45, p. 9—25; *Idem.* Language change. — Origin and evolution of language and speech (Annals of the New York Academy of Sciences, v. 280). New York, 1976, p. 61—72.

от-п-is восходит к *q^w*ет-п-*, где тембр гласного *о* зависит от $*q^w$, а хетто-ликийские формы (как и греческо-тохарские) отражают нулевую ступень огласовки корня. Можно думать, что сравнительно-историческая фонетика анатолийских языков в целом, когда она будет построена на достаточно надежном этимологическом материале (собрание которого, пусть еще весьма неполное, дает рецензируемый словарь), должна еще сильно повлиять на установившиеся в индоевропеистике представления; по-видимому, это же можно сказать и о тохарском, исследование которого подвигается с недопустимой медленностью; в частности, только сейчас начинает выявляться число и значение тохаро-анатолийских (тохаро-хеттских и тохаро-лувийских) изоглосс, часть которых, как и ряд других открытий самого последнего времени, и в словаре Тишлера еще не были учтены.

Наибольшее число пробелов словаря, обусловленное его заведомой и заранее автором афишированной индоевропеистической направленностью, касается заимствованной лексики, которая частично была воспринята из семитских языков и из шумерского через аккадский и в некоторых из этих случаев в словаре отмечена, но в наибольшей части проникла в хеттский из большой группы языков, к которой можно отнести современные северноkавказские (абхазо-адыгские и нахско-дагестанские)[15], хаттский и хурритский. В последнее время выявлено очень значительное число слов, проникших (большей частью еще в дописьменную эпоху) из этих языков в хеттский; отмечены и любопытные ареальные лексические схождения с армянским и с картвельским (особенно сванским); часть последних, однако, может интерпретироваться и как ностратические архаизмы. Поскольку работа в этой области в основном ведется в нашей стране, представляется правомерным поставить вопрос об издании именно у нас такого подготовленного коллективом авторов историко-этимологического словаря хеттского, лувийского и позднеанатолийских языков, где наряду с гораздо более полным (по сравнению с рецензируемым словарем[16]) описанием наличного (и постепенно выявляемого в них) индоевропейского (а, возможно, отчасти и архаического ностратического) лексического фонда были бы полностью отражены все свидетельства многочисленных контактов хеттского и других анатолийских языков с языками смежных ареалов. Словарь Тишлера (как и начавший выходить Чикагский словарь хеттского языка и тезаурус А. Каммерхубер) послужит необходимым подспорьем в этом труде, который нельзя откладывать ввиду его важности для индоевропеистики и кавказоведения.

Вяч. Вс. Иванов

---

[15] *Николаев С. Л.* Северноkавказские заимствования в хеттском и древнегреческом. — В кн.: Древняя Анатолия. М., 1983.

[16] Некоторые необходимые дополнения к нему (в плане индоевропеистики) уже отмечались в рецензиях на первые выпуски (в частности, в обстоятельной рецензии М. Поэтто). Однако в действительности словарь в основном лишь суммирует известные к началу его составления этимологии и поэтому нуждается в таких обширных дополнениях, перечисление которых вышло бы за рамки одной статьи.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, I—III—. М.—Л., 1958—1979—.

АМГ I—III — Акты Московского государства, I—III. СПб., 1890—1901.

Ачарян — *Ачарян Р.* Этимологический коренной словарь армянского языка, I—VII. Ереван, 1926—1935 (на арм. яз.).

Барсов — Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, I—II. М., 1872—1882.

БД — Българска диалектология, I—IX—. София, 1962—1979—.

БЕР — Български етимологичен речник. Съставили Георгиев В., Гълъбов Ив., Заимов Й., Илчев Ст. и др. I—XVIII — .София, 1962—1979—.

Бялькевіч — *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.

Варшавский словарь — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego, I—VIII. Warszawa, 1904—1927 (1952—1953).

Васнецов — *Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.

Веселовский. Ономастикон. — *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974.

Гарэцкі — *Гарэцкі М.* Беларуска-расійскі слоўнічак, выд. 3. Менск, 1925.

Геров — *Геров Н.* Рѣчникъ на блъгарскый языкъ, I—V. Пловдивъ, 1895—1904 (София, 1975—1978); VI. *Панчевъ Т.* Допълнение на блъгарские рѣчникъ отъ Н. Геровъ. Пловдивъ, 1908 (София, 1978).

Говоры Прибалтики — *Немченко В. Н., Синица А. И., Мурникова Т. Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.

Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка, I—IV. Киев, 1907—1909.

Даль[2] — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. 2-ое изд. М., 1880—1882 (1955).

Даль[3] — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. 3-е изд. М., 1903—1909.

Даль[4] — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. 4-е изд. М., 1912.

Деулинский словарь — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. Оссовецкого И. А. М., 1969.

Добровольский — *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Донск. словарь — Словарь русских донских говоров. Авторы — сост. Валюсинская З. В., Выгонная М. П. и др., I—III. Ростов-на-Дону, 1975—1976.

Доп(олнение) к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

Иванова. Подмоск. — *Иванова А. Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

Иллич-Свитыч. Опыт сравнения — *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский. Введение. Сравнительный словарь (b—Ḳ); сравнительный словарь (l—ǯ). Указатели. М., 1971, 1976.

Иркут. словарь — Иркутский областной словарь. Ред.-сост. Бобряков Н. А. I—III. Иркутск, 1973—1979.

Камчат. словарь — Словарь русского камчатского наречия. Ред. коллегия: Браславец К. М., Иванова Ф. П., Попова Н. В., Шатунова Л. В. Хабаровск, 1977.
Караџић — *Караџић Вук. Стеф.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. Биоград, 1898.
Картотека ДРС — Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (Ин-т русского языка АН СССР, Москва).
Картотека СРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград. отд. Ин-та языкознания АН СССР).
Касьпяровiч — *Касьпяровiч М. I.* Вiцебскi краёвы слоўнiк (матер'ялы). Под рэд. Байкова М. Я. й праф. Эпiмаха-Шыпiлы Б. I. Вiцебск, 1927.
Конески — *Конески Б.* Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, I—III. Скопје, 1961, 1965, 1966.
Кочин — *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937.
Кузбас. словарь — Словарь русских говоров Кузбасса. Сост. Жураковская Н. В., Иванищев С. И. и др. Новосибирск, 1976.
Куликовский — *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Лыткин—Гуляев — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
Меркурьев — *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
Миртов — *Миртов А. В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
Младенов — *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на български книжовен език. София, 1941.
Новосиб. словарь — Словарь русских говоров Новосибирской области. Под ред. Федорова А. И. Новосибирск, 1979.
Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Подвысоцкий — *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Преображенский — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка, I—II. М., 1910—1914. Окончание — в кн.: «Труды ИРЯ», I, М., 1949.
Радлов — *Радлов В. О.* Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1893—1911.
Расторгуев — *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Материалы для истории словарного состава говоров. Минск, 1974.
РСА — Речник српскохрватског књижевног и народног езика, I—VIII. Београд, 1959—1973.
Севортян — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные; на букву «Б»; на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1974—1980—.
Словарь брянских говоров — Словарь брянских говоров. Отв. ред. Козырев В. А., Чагишева В. И. 1—2—. Ленинград, 1976—1980—.
Словарь Калининской области — *Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А.* Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.
Словарь Красноярского края — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.
СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Сост.: Бахилина Н. Б., Богатова Г. А., Прокопович Е. Н. и др. Глав. ред. Бархударов С. Г. 1—8—. М., 1975—1981—.
Сл. Сред. Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала, I—II—. Свердловск, 1964, 1971—.
Соликам. словарь — *Беляева О. П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, I—III. СПб., 1893—1903.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, I—17. М.—Л., 1950—1965.
Сцяшковіч — *Сцяшковіч Г. Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
Тимофеев — *Тимофеев В. П.* Диалектный словарь личности. Учебное пособие. Шадринск, 1971.
Толстой [1] — *Толстой И. И.* Сербскохорватско-русский словарь. М., 1957.
Толстой [2] — *Толстой И. И.* Сербскохорватско-русский словарь. М., 1958.
Толстой [3] — *Толстой И. И.* Сербскохорватско-русский словарь. Изд. 3., М., 1970.
Топоров. Прус. яз. — *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. А—Д; Е—Н; I—К—.М., 1975, 1979, 1980—.
Трофимович — *Трофимович К. К.* Верхнелужицко-русский словарь М. — Бауцен, 1974.
Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. I—IV. М., 1935—1940.
Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. Трубачева О. Н. I—IV. М., 1964—1973.
Филин — Словарь русских народных говоров. Под ред. Филина Ф. П. I—XVII—. Л., 1966—1981—.
Шаталава — *Шаталава Л. Ф.* Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975.
Шатэрнік — *Шатэрнік М. В.* Краёвы слоўнік Чэрвенічыны. Менск, 1929.
Элиасов — *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Рэд. Мартынаў В. У. 1—2—. Мінск, 1978—1980—.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Под ред. Трубачева О. Н. 1—8—. М., 1974—1981—.
Янкоўскі — *Янкоўскі Ф.* Дыялектны слоўнік, II. Мінск, 1960.

Arct — *Arct M.* Słownik staropolski, 1—2. Warszawa, 1914.
Bartoš — *Bartoš Fr.* Dialektologický slovník moravský (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 6). Praha, 1906.
Berneker — *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. *A — morъ*. Heidelberg, 1908—1913.
Bezlaj F. Eseji. — *Bezlaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
Brückner — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (1970).
Buck — *Buck C. D.* Dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages. Chicago, 1949.
Ernout-Meillet [3] — *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine, I—II. 3 éd. Paris, 1951.
Fraenkel — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch, 1—18. Heidelberg—Göttingen. 1955—1965.
Frisk — *Frisk Hj.* Griechisches etymologisches Wörterbuch, I—III—. Heidelberg, 1954—1972—.
Gebauer — *Gebauer J.* Slovník staročeský, I—II. Praha, 1903—1916 (1970).
Grimm DW — *Grimm J.* und *Grimm W.* Deutsches Wörterbuch, 1—16. Leipzig, 1971.
Hraste—Šimunović — Čakavisch-deutsches Lexikon. Von M. Hraste und P. Šimunović. Unter Mitarbeit und Redaktion von R. Olesch. I—.Köln—Wien, 1979—.
Chantraine — *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la lange grecque. Histoire des mots. 1—2. Paris, 1968.
Iveković—Broz — *Iveković F., Broz I.* Rječnik hrvatskoga jezika, I—II. Zagreb, 1901.

Jungmann — *Jungmann J.* Slovník česko-německý, I—V. Praha, 1835—1839.
Kluge—Götze — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15. neubearb. Aufl. von. A. Götze. Berlin, 1951.
Kott — *Kott F. Št.* Česko-německý slovník, I—VII. Praha, 1878—1893.
Linde — *Linde S.* Słownik języka polskiego, I—VI. Lwów, 1854—1860.
LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas, 1—II (red. J. Balčikonis), III—X (red. kolegija: I. Kruopas, J. Kabelka, K. Ulvydas atsak redaktorius). Vilnius, 1941—1976.
Lorentz Pomor. — *Lorentz Fr.* Pomoranisches Wörterbuch, I—IV. Berlin, 1958—1975.
Machek [1] — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Machek [2] — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968, 1971.
Mayrhofer — *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindisches, I—IV—. Heidelberg, 1953—1980—.
Mažuranić — *Mažuranić V.* Prinosi za hrvatski pravno-povjestni rječnik, 1—2. Zagreb, 1908—1922 (Pretisak, Zagreb, 1975).
Meyer—Lübke [4] — *Meyer-Lübke W.* Romanisches etymologisches Wörterbuch. 4. Aufl. Heidelberg, 1968.
Miklosich — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Miklosich LP — *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1886.
Mülenbachs—Endzelīns—*Mülenbachs K.* Latviešu valodas vārdnīca, red. J. Endzelīns, I—XLV. Riga, 1923—1932.
Pauly—Wissowa — Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Unter Mitw. zahlreicher Fachgenossen hrsg. von Georg Wissowa. Reihe 1. Halbbd. 1—47, Stuttgart, 1893—1963; Reihe 2. Halbbd. 1—18 (1914—1967); Supplement H. 1 (1903), H. 2 (1913); Supplbd. 3—14 (1918—1974).
Pfuhl — *Pfuhl Dr.* Lužiski-serbski słownik. Budyšin, 1866.
Pleteršnik — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895 (1974).
Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I—II. Bern, 1949—1959.
RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—XXIII—. Zagreb, 1880—1976—.
Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—IV. Zagreb, 1971—1974.
Sławski — *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego, I—V—. Kraków, 1953—1979—.
Slovník jaz. stsl. — Slovník jazyka staroslověnského, 1—33—. Praha, 1959—1979—.
Słownik prasłowiański — Słownik prasłowiański. Pod. redakcją Sławskiego F. I—IV—. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1974—1980—.
Sł. stpol. — Słownik staropolski, 1—8—. Warszawa, 1953—1980—.
Sychta — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, I—VII. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967—1976.
Šimek — *Šimek F.* Slovníček staré češtiny. Praha, 1947.
Trautmann BSW — *Trautmann R.* Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
Walde—Hofmann — *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1939.
Walde—Pokorny — *Walde A., Pokorny J.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, I—II. Berlin—Leipzig, 1928—1932.
Varłyha — *Varłyha A.* Krajovy słoŭnik Łahojščyny. New York, 1970.

БЕ — Български език
ВДИ — Вестник древней истории
ВСЯ — Вопросы славянского языкознания
ВЯ — Вопросы языкознания
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЖСт — Живая Старина
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ЈФ — Јужнословенски Филолог
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения
МЈ — Македонски јазик
ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас
РФВ — Русский Филологический Вестник
СА — Советская археология
СбНУ — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина
СбОРЯС — Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
Чтения ОИДР — Чтения Общества истории и древностей российских

AfslPh — Archiv für slavische Philologie
AJPh — American Journal of Philology
AO — Archiv Orientální
BSL — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris
IF — Indogermanische Forschungen
IJSLP — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics
JAOS — Journal of the American Oriental Society
KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
LB — Linguistique Balkanique
LP — Lingua Posnaniensis
NTS — Norsk Tidsskrift vor Sprogvidenskap
OLZ — Orientalistische Literaturzeitung
RÉS — Revue des Études Slaves
RHA — Revue Hittite et Asianique
RS — Rocznik Slawistyczny
SO — Slavia Occidentalis
ZA — Zeitschrift für Assyriologie
ZfceltPh — Zeitschrift für celtische Philologie

Языки и диалекты

абхаз.	абхазский
авар.	аварский
авест.	авестийский
агул.	агульский
адыг.	адыгский
адыгейск.	адыгейский
айн.	айнский
аккад.	аккадский
алб.	албанский
анат.	анатолийский
англ.	английский
англосакс.	англосаксонский
андийск.	андийский
арам.	арамейский
арм.	армянский
арханг.	архангельский
арчин.	арчинский
ахвах.	ахвахский
багул.	багулинский
баск.	баскский
бацб.	бацбийский
бежт.	бежтинский
блр.	белорусский
болг.	болгарский
борзнян.	борзнянский
бритт.	бриттский
брян.	брянский
будух.	будухский
вед.	ведийский
венг.	венгерский

	венетский
витеб.	витебский
влад.	владимирский
в.-луж.	верхнелужицкий
волог.	вологодский
ворон.	воронежский
вост.-слав.	восточнославянский
вульг.-лат.	вульгарнолатинский
вят.	вятский
галльск.	галльский
герм.	германский
гинух.	гинухский
гомел.	гомельский
гот.	готский
греч.	греческий
гродн.	гродненский
груз.	грузинский
гунзиб.	гунзибский
гэльск.	гэльский
дат.	датский
дигор.	дигорский
догреч.	догреческий
донск.	донской
др.-англ.	древнеанглийский
др.-бактр.	древнебактрийский
др.-брет.	древнебретонский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-греч.	древнегреческий
др.-евр.	древнееврейский
др.-егип.	древнеегипетский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-лит.	древнелитовский
др.-перс.	древнеперсидский
др.-прус.	древнепрусский
др.-рус.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-серб.	древнесербский
др.-сканд.	древнескандинавский
др.-слав.	древнеславянский
егип.	египетский
жемайт.	жемайтский
забайкал.	забайкальский
ингуш.	ингушский
и.-е.	индоевропейский
иллир.	иллирийский
иран.	иранский
иркут.	иркутский
ирл.	ирландский
исп.	испанский
итал.	итальянский
кабард.	кабардинский
калуж.	калужский
камч.	камчатский
карийск.	карийский
кашуб.	кашубский
кельт.	кельтский
кетск.	кетский
кимр.	кимрский
конотоп.	конотопский
корн.	корнуэльский
котт.	коттский
краснояр.	красноярский
крыз.	крызский
крым.-гот.	крымско-готский
кузбас.	кузбасский
курд.	курдский
курск.	курский
кушит.	кушитский
лазск.	лазский
лакск.	лакский
лат.	латинский
лезг.	лезгинский
лемнос.	лемносский
лид.	лидийский
лик.	ликийский
лит.	литовский
лтш.	латышский
лув.	лувийский
макед.	македонский
маньч.	маньчжурский
мегрел.	мегрельский
мизийск.	мизийский
милийск.	милийский
минск.	минский
младоавест.	младоавестийский
могил.	могилёвский
морав.	моравский
моск.	московский
монг.	монгольский
н.-в.-нем.	нововерхненемецкий
нем.	немецкий
нидерл.	нидерландский
н.-луж.	нижнелужицкий
новгор.	новгородский
новосиб.	новосибирский
норв.	норвежский
олон.	олонецкий
орл.	орловский
осет.	осетинский
оск.	оскский
о.-слав.	общеславянский
осташ.	осташковский
пенз.	пензенский
перс.	персидский
подмоск.	подмосковный
полаб.	полабский
полесск.	полесский
польск.	польский
праадыг.	праадыгский
прагерм.	прагерманский
праслав.	праславянский
прус.	прусский
псков.	псковский
родоп.	родопский
рум.	румынский
рус.	русский
рус.-ц.-слав.	русский церковно-славянский
рутул.	рутульский
ряз.	рязанский

сард.	сардинский
сван.	сванский
сев.	севский
семит.	семитский
слав.	славянский
словац.	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
смол.	смоленский
соликам.	соликамский
ср.-англ.	среднеанглийский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ср.-дат.	среднедатский
ср.-ирл.	среднеирландский
ср.-кимр.	среднекимрский
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
ср.-обск.	среднеобский
ср.-перс.	среднеперсидский
ср.-урал.	среднеуральский
ст.-осет.	староосетинский
ст.-польск.	старопольский
ст.-рус.	старорусский
ст.-слав.	старославянский
ст.-укр.	староукраинский
ст.-чеш.	старочешский
ст.-швед.	старошведский
с.-хорв.	сербохорватский
табас.	табасаранский
тамб.	тамбовский
твер.	тверской
терск.	терский
том.	томский
тох.	тохарский
тур.	турецкий
убых.	убыхский
удин.	удинский
укр.	украинский
умбр.	умбрский
урарт.	урартский
финск.	финский
франц.	французский
харьк.	харьковский
хатт.	хаттский
хварш.	хваршинский
хетт.	хеттский
хиналуг.	хиналугский
хорв.	хорватский
хурр.	хурритский
цахур.	цахурский
цезск.	цезский
ц.-слав.	церковнославянский
чакав.	чакавский
чебокс.	чебоксарский
черкес.	черкесский
чеш.	чешский
швед.	шведский
швейц.	швейцарский
шенкур.	шенкурский
шток.	штокавский
шумер.	шумерский
эблаит.	эблаитский
этр.	этрусский
эфиоп.	эфиопский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Л. В. Куркина. Славянские этимологии 3

Ж. Ж. Варбот. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. X (**(s)kripati*, **skripъ* и др.; **sǫdoma* и **sǫdomiti*; **žьrxъ*) 16

И. П. Петлева. Этимологические заметки по славянской лексике. XII (рус. диал. *вычурки*, *чурить*, укр. диал. *цуравий*; рус. диал. *кувердать*, слав. **vьrdati*) 23

И. Г. Добродомов. К этимологии церковнославянского хлѩбь (хлѧбь) 29

Э. П. Хэмп (Чикаго). Заметки. 35

А. Ф. Журавлев. К этимологии слав. **skotъ*. 38

Р. Мароевич (Белград). Заметки по историческому словообразованию. 1—2. 44

В. И. Дегтярев. О происхождении и первоначальном значении праславянского типа имен собирательных на *-ие* 50

В. А. Меркулова. Русские этимологии. VI 58

Т. В. Горячева. Этимологические заметки 66

А. Ф. Журавлев. Семантика и происхождение слова *обыденный* . . 77

Г. Ф. Одинцов. История старорусского военного термина *самопалъ* 83

Л. Сараджева. О некоторых армяно-славянских лексических параллелях 97

О. Н. Трубачев. Indoarica. Этимологии 101

В. Н. Топоров. К семантике четверичности (анатолийское **meu-* и др.). 108

А. Е. Аникин. Об и.-е. **pl̥g'h(ē)-* 131

Вяч. Вс. Иванов. Хурритские и хаттские этимологии 140

Г. А. Климов. Три древних заимствования в картвельских языках 152

Г. А. Климов. Дополнение к заметке «Картвельское **otxo-* 'четыре' ∞ индоевропейское **ok'to-*» 157

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

В. И. Георгиев [et al]. Български етимологичен речник. Свезка XIX—XX том III: *крес — кўтри*. София, 1980 (О. Н. Трубачев) 159

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Рэд. В. Ў. Мартынаў. Т. 2. Мінск, 1980 (В. А. Меркулова) 160

Езиковедски проучвания. В чест на академик Владимир Георгиев. София, 1980 (Л. В. Куркина) 162

G. R. Solta. Einführung in die Balkanlinguistik mit besonderer Berücksichtigung des Substrats und des Balkanlateinischen. Darmstadt, 1980 (О. Н. Трубачев) 168

Mayrhofer M. Iranisches Personennamenbuch. Bd. I. Die altiranischen Namen. Fasz. 1, 2, 3. Wien, 1977, 1979 (О. Н. Трубачев). 170

M. Pfister. Einführung in die romanische Etymologie. Darmstadt, 1980 (О. Н. Трубачев) 172

AIΩN. Annali del Seminario di Studi del Mondo Classico. Sezione linguistica. 1. 1979. Napoli, Pisa, 1980 (Вяч. Вс. Иванов). . . . 174

J. Tischler. Hethitisches etymologisches Glossar. Lief. 1, 2. Innsbruck, 1977, 1979 (Вяч. Вс. Иванов) 179

Принятые сокращения 185